КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXI. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

ІЮНЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская [illegible] а. д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Мая 1888 г.

О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСТВА ВЪ КІЕВѢ ДО ТОРЖЕСТВЕННАГО ПРИНЯТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ.

Старые норманисты оспаривали только принадлежность намъ первыхъ князей русской земли и ихъ дружины, считая ихъ скандинавами, а не русскими славянами. Новѣйшіе норманисты, изъ коихъ нѣкоторые возсѣдаютъ на каѳедрахъ церковной исторіи, идутъ далѣе: усвояютъ варягамъ-норманнамъ начатки христіанства въ Кіевѣ и первую церковь, бывшую въ немъ при князѣ Игорѣ Рюриковичѣ. Чтобы отвѣтить на эти притязанія, не дѣлающія чести русскому народу, мы считаемъ необходимымъ разрѣшить три вопроса, которыми въ особенности можетъ интересоваться русское общество, имѣющее вскорѣ праздновать 900-лѣтіе крещенія кіевлянъ и всей Руси при св. благовѣрномъ князѣ Владимірѣ.

1.

Кому Кіевъ обязанъ первыми въ немъ начатками христіанства?

Преосвященный Филаретъ черниговскій, въ примѣчаніи къ 8-й страницѣ 1-го тома своей „Исторіи русской церкви“, замѣтилъ, что „кто-то изъ поклонниковъ варяжскихъ не на шутку сказалъ: „христіанствомъ мы (русскіе) обязаны варягамъ, также какъ и гражданскимъ устройствомъ“. Это сказалъ только одинъ Шлецеръ, неправославный, чужестранецъ, въ своей „Всеобщей сѣв. исторіи“ (стр. 544). Теперь тоже и далеко не на шутку утверждается уже не однимъ человѣкомъ русскимъ и православнымъ и утверждается по однимъ предположеніямъ, безъ всякой исторической почвы. Такъ авторъ одной „Исторіи Русской церкви“, сказавши,

что варяги давно ходили изъ своей Норманніи на службу въ Константинополь, дѣлаетъ затѣмъ слѣдующіе выводы: „между членами дружины Рюриковой очень *могли* быть люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно такіе, которые *могли* принять тамъ христіанство". „Подобные крещеные Варяги *могли* приходить и послѣ Рюрика къ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя". „Если мы *предположимъ*, что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодной и почетной для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что въ слѣдствіе того они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, *то и получимъ* объясненіе того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ весьма многіе христіане". „Ничего не представляетъ *невѣроятнаго* и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія былъ внутреннимъ христіаниномъ" [1]). На чемъ же основана эта вѣроятность? А вотъ на чемъ, по словамъ того же автора: „Ставъ христіанкою, Ольга *должна была* склонять къ христіанству и своего мужа, Игоря, а если *должна была* склонять, то нѣтъ ничего *невѣроятнаго*, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ".—Все это по видимому резонно, выводится одно изъ другаго; но все это построено на „*могли*", „*могли*"; „если *предположимъ*, то и получимъ"; „нѣтъ ничего невѣроятнаго"; если *должна была*, то и успѣла". Хотя область возможнаго и вѣроятнаго весьма обширна, но не все то существуетъ, что кажется возможнымъ. Потому не признается вѣрнымъ заключеніе отъ возможнаго къ дѣйствительному существованію чего-либо, по старинному правилу здравой логики, которая учитъ, что a posse ad esse non valet consequentia. Многое изъ возможнаго существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а должное остается только въ нашемъ внутреннемъ убѣжденіи. Руководясь началами, совершенно противными правиламъ логики, конечно, можно перестроить всякую исторію, но исторія такъ не строится; на возможномъ и вѣроятномъ строятся только басни и сказки. Очевидно, что же-

---

[1]) Исторія русс. церкви. Е. Голубинскаго. Томъ I. 1-я половина. Москва. 1880 г., стр. 55, 60.

ланіе доказать излюбленную тему увлекло автора ученой исторіи до забвенія начала, которому долженъ быть вѣренъ историкъ. Оставивши въ сторонѣ возможное, вѣроятное и долженствовавшее быть по его мнѣнію, пусть онъ скажетъ намъ, откуда извѣстно, что въ Рюриковой дружинѣ были варяги, служившіе прежде въ Константинополѣ и тамъ принявшіе крещеніе, и что такіе же новокрещенные варяги находились въ числѣ дружинниковъ Аскольда, Дира и Олега? Откуда также извѣстно, что дружинники Игоря дѣйствительно перешли къ нему на службу отъ греческаго императора? Есть ли, наконецъ, какое-либо историческое указаніе на то, что Игорь былъ внутренній христіанинъ? Доколѣ на эти вопросы онъ не можетъ дать отвѣта, дотолѣ всѣ его разсужденія о томъ, что могло быть и что не невѣроятно, не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о началѣ христіанства въ Кіевѣ до св. Владиміра.

Съ другой стороны, предположенію объ исключительномъ вліяніи варягъ на принятіе христіанской вѣры кіевлянами до св. Владиміра противорѣчатъ несомнѣнные историческіе факты, которые считаемъ необходимымъ привести здѣсь и напомнить г. автору „Исторіи русской церкви“. 1) По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, руссы крещеные, а не варяги служили при Константинопольскомъ дворѣ (De ceremoniis Aulae Bizant. Lib. II, cap 15). И арабамъ было извѣстно въ 922 г., что руссы, а не варяги обращались тогда въ христіанскую вѣру [2]). По свидѣтельству того же Константина Порфиророднаго приходили на службу въ Константинополь не одни руссы, но и молодые славяне съ береговъ Вислы, которымъ труднѣе было достаться въ Константинополь, чѣмъ славянамъ приднѣпровскимъ, и конечно они возвращались домой не безъ знакомства съ христіанскою вѣрою. Что касается въ частности кіевскихъ славяно-руссовъ, то путь въ Константинополь для торговли съ греками былъ имъ извѣстенъ далеко раньше прибытія Аскольда и Дира въ Кіевъ съ варяжскою дружиной, такъ какъ еще во времена Геродота, за 5 вѣковъ до Рождества Христова, въ устьяхъ Днѣпра греки обмѣнивали свои товары на мѣха, воскъ и медъ у при-

[1]) Ибнъ-Фоцланъ—у Буткова, Оборона лѣтоп. 303.

днѣпровскихъ жителей, а въ послѣдствіи имѣли по Днѣпру и свои колоніи, которыя указываются въ кіев. губерніи названіями древихъ городищъ „Триполья", „Телехтемирова", „Корсуня" и находимыми въ нихъ греческими монетами. Для нихъ, конечно, для приднѣпровскихъ руссовъ, какъ гостей торговыхъ, а не для варяжскихъ дружинниковъ, являвшихся для военной добычи, отведено было и особое подворье въ Константинополѣ у св. Маммы, въ концѣ Золотаго Рога. 2) Обращеніе самыхъ норманновъ въ христіанскую вѣру началось не раньше временъ Рюрика, въ половинѣ 9-го вѣка, и христіанство пришло къ нимъ, какъ извѣстно, не съ Востока, а съ Запада, чрезъ латинскаго монаха Ансгарія, проповѣдывавшаго въ Даніи, Швеціи и Норвегіи и бывшаго потомъ гамбургскимъ архіепископомъ. Слѣдовательно, если въ дружинѣ нашихъ первыхъ князей и были христіане изъ варяговъ, то они никакъ не могли быть намъ учителями восточнаго православія или вѣры греческой. А изъ лѣтописи извѣстно, что эти дружинники при Святославѣ Игоревичѣ относились даже враждебно къ принимавшимъ христіанскую вѣру. Такъ, по свидѣтельству лѣтописца „аще кто (изъ кіевлянъ) хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся ему". И самъ Святославъ на увѣщаніе своей матери Ольги принять св. крещеніе отвѣчалъ: „како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти, а дружина моя сему смѣятися начнутъ". 3) Христіанство начало проникать въ южную Русь съ Востока еще за 4 вѣка до появленія въ Кіевѣ варяжскихъ дружинниковъ. Еще св. Іоаннъ Златоустъ въ 5 вѣкѣ посылалъ пастырей и учителей въ Скиѳію[1]); а по свидѣтельству Ѳеодорита, имъ—Златоустымъ созданы алтари у скиѳовъ. Въ странѣ же, прилегавшей къ Днѣпру, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ его время — въ 9 вѣкѣ сохранялись кресты изъ камня. Все это игнорируетъ г. Голубинскій, авторъ ученой исторіи русской церкви.

Не имѣя возможности отвергнуть фактъ нападенія руссовъ на Константинополь при императорѣ Михаилѣ III и полученія ими отъ патріарха Фотія епископа и учителей, онъ далѣе утверж-

---

[1]) Photii Biblioth. Cod. 273, p. 1518.

даетъ, что подъ этими руссами нужно разумѣть не кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, а руссовъ азовскихъ—крымскихъ, не имѣвшихъ якобы никакого отношенія къ руссамъ кіевскимъ. Напротивъ, приазовская Русь была не только единоплеменна съ кіевскою Русью, но и была въ связи съ нею; это достаточно доказывается появленіемъ тамъ—именно въ Тмуторокани цѣлаго княжества, подвластнаго великому кіевскому князю безъ всякаго предшествовавшаго завоеванія или договора о подчиненіи однихъ другимъ, а основаніе считать кіевскими, а не азовскими руссовъ, напавшихъ въ 865 году на Константинополь, заключается въ словахъ патріарха Фотія, который называетъ ихъ „народомъ гиперборейскимъ, устремившимся съ сѣвера, отдѣленнымъ отъ Греціи судоходными рѣками и бурными пучинами". Такіе эпитеты никакъ не идутъ къ приазовскимъ руссамъ. Епископа, посланнаго тогда Фотіемъ въ Русь, преданіе, записанное нашимъ лѣтописцемъ, называетъ Михаиломъ, а греческое сказаніе добавляетъ, что этому епископу сопутствовали два проповѣдника—*Кириллъ* и *Аѳанасій*, которые, видя, что руссы не понимаютъ славянскаго (глаголитскаго?) алфавита, начертали для нихъ 35 буквъ, которыя называются *азъ*, *буки*, *вѣди*... и что при этомъ пособіи руссы остаются непоколебимы въ познаніи христіанской вѣры[1]). Самъ Фотій говоритъ, что „Россы приняли христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ",—чего конечно, не могло бы быть, если бы богослуженіе у руссовъ введено было на непонятномъ для нихъ греческомъ языкѣ. Вещественнымъ подтвержденіемъ греческаго сказанія о первыхъ у насъ проповѣдникахъ христіанства—Кириллѣ и Аѳанасіѣ можетъ служить уцѣлѣвшая доселѣ изъ 12 вѣка церковь во имя святителей Кирилла и Аѳанасія, построенная вѣроятно на мѣстѣ древнѣйшей деревяной, съ монастыремъ при ней, упраздненнымъ въ концѣ прошлаго вѣка. А по древнему польскому сказанію, записанному польскимъ историкомъ Стредовскимъ, „къ намъ являлись въ половинѣ 9 вѣка восточные пропо-

[1]) Animadvers. ad Constant. Porpp. Bandurii tom. II, Imper. Orient. pag. 112—114.

вѣдники и отъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, которые, посылая изъ Моравіи своихъ миссіонеровъ къ окрестнымъ славянамъ, отправили въ этомъ званіи въ Россію одного изъ своихъ учениковъ, по имени *Наврока*". Такимъ образомъ кіевская Русь не отъ варягъ услышала проповѣдь о Христѣ и не имѣла нужды въ нихъ въ этомъ дѣлѣ.

Для подкрѣпленія своего мнѣнія о просвѣщеніи кіевлянъ христіанскою вѣрою чрезъ варягъ-норманновъ, г. Голубинскій лишаетъ нашихъ предковъ даже имени руссовъ въ началѣ 1-го періода русской исторіи, усвояя это имя тѣмъ же варягамъ, хотя не отрицаетъ того, что сами норманны не называли себя руссами и что никто не называлъ ихъ руссами и на западѣ Европы, гдѣ они стали извѣстными гораздо раньше времени прибытія Рюрика въ Новгородъ. Онъ говоритъ, что норманновъ назвали русью финны, а за финнами стали называть ихъ русью и новгородскіе славяне; впослѣдствіи же стали называть норманновъ этимъ именемъ и греки, а за ними арабы. Но откуда Голубинскому извѣстно, что финны около 862 года называли норманновъ руссами? Это не вычитано гдѣ-нибудь въ лѣтописяхъ, а выводится имъ a parte post ad partem ante, при посредствѣ слѣдующихъ соображеній. Финны, говоритъ онъ, *нынѣ* называютъ шведовъ Rotsi, Routsi, Roussi, а шведы потомки бывшихъ норманнъ; слѣдовательно и финны 9 вѣка *могли* называть руссами норманнъ, прибывшихъ править и владѣть новгородцами въ 862 году, а если могли называть, то и называли, а если называли, то норманны и были такъ низываемые руссы. Но извѣстно ли и откуда извѣстно, что Рюрикъ и его первые дружинники были шведы, а не датчане или норвежцы, которыхъ нынѣшніе фины не называютъ Rotsi, Routsi, Roussi? Ни откуда неизвѣстно. Это совершенно произвольное предположеніе, а потому и выводъ на немъ основанный не вѣренъ. Между тѣмъ извѣстно, что и новгородскіе и кіевскіе славяне называли норманновъ варягами, а себя руссами, русью; норманны же только обманно назвали себя русью при дворѣ франкскаго императора Людовика Благочестиваго, въ 839 году, чтобы подъ этимъ именемъ пройти и просмотрѣть тайно всю Франк-

скую имперію. Но обманъ былъ открытъ во время, оказалось, что они не руссы, а норманны, хотѣвшіе пограбить чужое добро. И лѣтописи наши говорятъ, что новгородскіе славяне, выгнавъ отъ себя настоящихъ норманновъ--чистокровныхъ варягъ, призвали къ себѣ варяговъ-русь, племя по самому сходству своего имени съ названіемъ рѣки въ новгородской области сродное той руси, которая обитала близъ Чудскаго озера и единоплеменное руси приазовской, по близости своей къ Варяжскому морю упражнявшееся въ морскихъ промыслахъ, воинственное и владѣвшее оружіемъ, и потому въ отличіе отъ мирныхъ русскихъ племенъ называвшееся русью—варягами (оруженосцами). Эта то русь, не привнесшая къ намъ въ Новгородъ и Кіевъ ни скандинавскаго языка, ни скандинавскаго письма, ни скандинавскихъ нравовъ и обычаевъ, ничего кромѣ скандинавскаго своего придаточнаго имени, скоро сдружилась и совершенно слилась съ новгородскими и кіевскими славянами въ одинъ русскій народъ,—что достаточно подтверждается словами нашей лѣтописи, въ которой сказано: „Словенскій языкъ и Русскій одинъ"; „языкъ Словенскій бѣ имъ единъ". Воинственные руссы или варяго-руссы, прибывшіе сначала въ Новгородъ, а потомъ и въ Кіевъ, были, конечно, язычники, но потомъ, сблизившись въ Кіевѣ съ христіанами изъ мѣстныхъ жителей, они мало по малу стали обращаться къ вѣрѣ Христовой, а чрезъ сто лѣтъ, ко времени заключенія договора между Игоремъ и греками въ 945 году, въ Кіевѣ уже „мнози Варязи (дружинники Игоря) бяху христіане", почему для утвержденія этого договора ихъ водили къ ротѣ (присягѣ) въ соборную церковь св. Иліи, которая была въ Кіевѣ „надъ ручаемъ, въ конецъ Хозаръ и Пасѣнчинѣ бесѣдѣ".

2.

Гдѣ же въ Кіевѣ стояла церковь св. Иліи и кому она принадлежала?

Весьма щедрый для варягъ и скупой для мѣстныхъ славянъ, Голубинскій отдаетъ кіевскую церковь св. Иліи варягамъ, населявшимъ якобы Верхній Кіевъ, отрицая тѣмъ самимъ су-

ществованіе въ Кіевѣ при Игорѣ христіанъ изъ коренныхъ его жителей—полянъ. Для близости къ своимъ варягамъ онъ помѣщаетъ эту церковь не на Подолѣ, гдѣ нынѣ существуетъ церковь этого имени (на среднемъ теченіи Почайны), а на уступѣ Михайловской горы, надъ воображаемымъ и нигдѣ не упоминаемымъ въ лѣтописяхъ и въ древнихъ актахъ крещатицкимъ ручаемъ; при чемъ Боричевъ взвозъ ведетъ не изъ Подола на Старый городъ, а съ Крещатика[1]), словомъ производитъ у насъ Овидіевы превращенія. На чемъ же все это построено? Ни на чемъ. Лѣтописецъ, говоря о договорѣ Игоря съ греками, упоминаетъ, что многіе и изъ варягъ были тогда христіанами, а Голубинскій уже выводитъ изъ сего, что кіевская церковь св. Иліи была варяжскою. Въ лѣтописи говорится, что при Владимірѣ варягъ Ѳеодоръ, имѣвшій сына Іоанна, жилъ въ Старомъ Кіевѣ, гдѣ въ послѣдствіи построена Десятинная церковь, а Голубинскій отсюда заключаетъ, что и всѣ варяги тогда жили въ Верхнемъ Кіевѣ. Очевидно—и то и другое заключенія неправильны. Варяги при Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и Владимірѣ были не осѣдлыми жителями Кіева, а временными, проводившими большую часть времени въ военныхъ походахъ для отраженія враждебныхъ племенъ, для усмиренія непокорныхъ, для пріобрѣтенія добычи въ чужихъ странахъ и при собираніи дани княземъ въ своихъ областяхъ; коренными же и постоянными жителями Кіева были славяне-поляне, которыхъ отцы слышали проповѣдь Христову отъ епископа Михаила, посланнаго въ Русь патріархомъ Фотіемъ, послѣ крещенія Аскольда и Дира. Для нихъ то и для грековъ—купцовъ, приходившихъ въ Кіевъ по Днѣпру изъ Царьграда для продажи золотыхъ вещей, шелковыхъ тканей и разныхъ произведеній Востока, а также для закупки меду, воска и кожъ, построена была въ Кіевѣ церковь св. Иліи пророка. Были туземцы и въ числѣ пословъ, заключавшихъ Игоревъ договоръ съ греками,—какъ показываютъ ихъ славянскія фамиліи „Синко, Боричъ“ и проч. изъ того же договора видно, что христіане были не въ одной княжеской дру-

---

[1]) Исторія рус. церкви. Т. 1-й стр. 62 и примѣч. къ ней 1. 2 и 3.

жинѣ, а тѣмъ менѣе между одними варягами, ибо тамъ постановлено, что если бѣжавшій отъ русскихъ къ грекамъ рабъ не отыщется, то за него платятъ греки лишь въ томъ случаѣ, если русскіе, какъ христіане, такъ и не крещеные, присягнутъ, что рабъ бѣжалъ дѣйствительно къ грекамъ, между тѣмъ ни откуда не видно, да и нельзя допустить, чтобы одни варяги, въ видѣ какой-то привилегіи, могли имѣть у насъ рабовъ.—Голубинскій Кіевскую церковь св. Иліи считаетъ дщерью Ильинской церкви, бывшей въ Константинополѣ, близъ св. Софіи, но эта послѣдняя устроена гораздо позже первой, именно въ 1075 году [1]), спустя 130 лѣтъ послѣ Игорева договора съ греками. Онъ думаетъ еще, что при заключеніи этого договора въ 945 г., крещеную русь приводили къ присягѣ два раза—въ константинопольской церкви св. Иліи и въ кіевской того же имени, а некрещеная русь присягала только одинъ разъ—въ Кіевѣ на холмѣ. Но думать такъ значило бы признавать, что греки болѣе довѣряли языческой присягѣ, чѣмъ христіанской. Чтобы не впасть въ эту нелѣпость, лучше думать, что въ лѣтописи по ошибкѣ переписчика стоитъ „кляхомся" вмѣсто „кленемся". Впрочемъ въ Константинополѣ была и раньше XI вѣка церковь во имя св. пророка Иліи, въ монастырѣ того же имени близъ Плакоты, не далеко отъ берега Пропонтиды. Но этотъ монастырь извѣстенъ съ VI вѣка [2]), когда неизвѣстно еще было свѣту и самое

[1]) Исторія рус. ц. Т. I. стр. 60. прим. 2-е.

Церковь эта вѣроятно была построена для того отряда варягъ, который отпустилъ отъ себя вел. князь Ярославъ Владиміровичъ въ Константинополь, по минованіи въ нихъ надобности для себя, и гдѣ они могли обжиться, состоя на службѣ при константин. дворѣ и принять православіе, хотя могли оставаться и въ латинской своей вѣрѣ, такъ какъ извѣстно, что въ 11-вѣкѣ были въ Константинополѣ и латинскія церкви, въ которыхъ совершалась евхаристія на опрѣснокахъ. Цитируемое г. Голубинскимъ (стр. 63) и повторенное г. Малышевскимъ (въ Трудахъ Кіев. Д. Академіи.—Дек. 1887 г.) названіе другой констант. церкви во имя св. Богородицы—Παναγίας Βαραγγίωτίσσης, построенной по Голубинскому въ XIV вѣкѣ, а по Малышевскому въ XI вѣкѣ, не служитъ свидѣтельствомъ назначенія ея для варягъ. Вѣрнѣе думать, что эта церковь создана въ воспоминаніе побѣдъ надъ варягами при чудесной помощи Божіей Матери и потому названа церковью *св. Богородицы*—Βαραγγίωτίσσης (побѣдительницы варягъ, а не варяжской).

[2]) Путешествіе архіеп. Антонія (Добрыни) въ Царьградъ въ 12 вѣкѣ—съ примѣч. П. Савваитова. С.-Петр. 1872 г. стр. 162—163.

имя варягъ. Итакъ 1-я Ильинская церковь построена въ Кіевѣ не варягами и не для варягъ. Гдѣ же она стояла?

Нѣтъ никакого историческаго основанія полагать, будто кіево-ильинская церковь во время Игоря существовала гдѣ-то на уступѣ Михайловской горы со стороны Крещатика. Голубинскій выноситъ ее на эту гору потому только, что по свидѣтельству лѣтописи въ 945 году, когда Ольга принимала древлянскихъ пословъ, „людіе не сѣдяху на Подолѣ, но на горѣ, бѣ бо вода текущи вдользь горы“. Но что сказалъ бы Голубинскій, вычитавши откуда-нибудь, что въ апрѣлѣ 1845 года „людіе не сѣдяху на Подолѣ—за канавой, а въ Контрактовомъ домѣ“? Неужели онъ заключилъ бы изъ сего, что Кіевоподольская Введенская церковь въ 1845 году была тогда не на Подолѣ—за канавой, а гдѣ-нибудь на Крещатикѣ или на уступѣ одной изъ кіевскихъ горъ? Между тѣмъ она оставалась на томъ же мѣстѣ за канавой, до половины залитая разливомъ Днѣпра, въ томъ время какъ ея приходъ выселялся въ безопасныя отъ воды мѣста и бѣдняки ютились въ залахъ контрактоваго дома. Подобная картина и теперь у насъ предъ глазами—не одинъ введенскій приходъ залитъ водою, но съ кіевскихъ горъ видно на восточной сторонѣ Днѣпра нѣсколько деревень, покрытыхъ водою, которыхъ жители ютятся въ шалашахъ, среди смежнаго сосноваго лѣсу, оставивъ свои дома и приходскія церкви въ водѣ. Пусть же г. Голубинскій признаетъ, что и лѣтопись подъ 945 годомъ говоритъ не объ исконномъ нахожденіи подольской части Кіева подъ водою до X вѣка, а о временномъ и случайномъ, бывшемъ въ этомъ году отъ необыкновеннаго разлива весеннихъ водъ Днѣпра, заставившаго жителей Кіево-Подола удалиться въ нагорную часть Кіева,—о наводненіи, повторяющемся отъ времени до времени и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если и теперь весенній разливъ Днѣпра покрываетъ въ иные годы почти $^{1}/_{3}$ Подола, то тѣмъ болѣе это могло быть въ 10 вѣкѣ, когда не были истреблены приднѣпровскіе лѣса и когда притоки Днѣпра были обильны водою. Недоумѣніе относительно смысла приведенныхъ выше словъ лѣтописи не трудно разъяснить и соображеніемъ съ другими мѣстами той же лѣтописи, напр. о обложеніи печенѣгами Кіева въ 968 году при

Ольгѣ и о скотьемъ богѣ Велесѣ, стоявшемъ при св. Владимірѣ на Оболоньи, на мѣстности низжей Подола. Если бы Днѣпръ въ 968 г. шелъ вдоль кіевскихъ горъ, поверхъ Подола, то можно ли повѣрить, что кіевляне тогда томились жаждою, сидя на длинной горѣ, покатой къ водѣ? Если вода покрывала тогда Подолъ, то какъ могли печенѣги расположиться по восточной сторонѣ Кіева и какъ могъ кіевлянинъ-отрокъ бродить по кіевскому берегу Днѣпра, межъ печенѣгами, искать на пастьбѣ между ними своего коня, и такимъ только образомъ пробраться къ Днѣпру, чтобы подать вѣсть жителямъ черниговской стороны объ опасности, въ которой находилась Ольга съ кіевлянами? Ясно, что тогда въ 968 году не были покрыты водою не только Подолъ, но и Оболонь, на которой печенѣги пасли своихъ коней. Не въ водѣ стоялъ и скотій богъ Велесъ въ 988 г., а стоялъ на твердой почвѣ, на лугу Оболонья, гдѣ и теперь пасутся коровы кіевлянъ, близъ верхняго теченія Почайны, въ которую и бросили Велеса предъ крещеніемъ кіевлянъ. Голубинскій ищетъ на Крещатикѣ ручая, чтобы надъ нимъ поставить церковь св. Иліи, но напрасно. На Крещатикѣ не было и нѣтъ никако ручая, онъ появляется только на день, на два, и то весной, при таяніи снѣга, то лѣтомъ во время сильныхъ ливней, когда въ этомъ отлогомъ и широкомъ оврагѣ, отдѣляющемъ старый Кіевъ отъ Печерской горы, называемомъ „Крещатикомъ", скопляется не малое количество воды, которая день, другой въ видѣ ручья направляется къ западу въ р. Лыбедь, но не къ востоку—въ Днѣпръ. Противъ Крещатика не было и въ началѣ 17 вѣка никакого ручья, впадающаго въ Днѣпръ, такъ какъ, по свидѣтельству Синопсиса, противъ мѣста, гдѣ теперь владимірскій павильонъ, была въ его время криница, съ деревяною часовней, у которой, по преданію, св. Владиміръ крестилъ своихъ сыновей. Эта криница существовала здѣсь, нѣсколько выше владимір. павильона, до 1812 года, когда кіевскіе граждане соорудили каменный павильонъ съ высокою надъ нимъ колонною и бассейномъ внутри, въ который вода проведена деревяною трубой изъ бывшей кринички, тогда закрытой. Это намъ извѣстно со словъ 80-лѣтняго старца, умершаго въ 1863 году. Что касается

положенія Боричева взвоза, то оно ясно и вѣрно опредѣляется и лѣтописнымъ сказаніемъ о пріемѣ древлянскихъ пословъ Ольгою, и сказаніемъ о сверженіи Перуна, и актами 16 и 17 вѣковъ на земли Кіево-Михайловскаго монастыря, и народнымъ преданіемъ; по всѣмъ этимъ указаніямъ Боричевъ взвозъ былъ на сѣверной, а не на южной сторонѣ Михайловскаго монастыря, а слѣдовательно не со стороны Крещатика. Такимъ образомъ не оказывается никакихъ препятствій къ тому, чтобы церковь св. пророка Иліи, которая была при Игорѣ надъ ручаемъ въ концѣ Хозаръ и Пасѣнчины бесѣдѣ (улицы), существовала на Подолѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится и нынѣ, надъ древнимъ русломъ Почайны, на углу двухъ пересѣкающихся улицъ Ильинской и Межигорской. Здѣсь и всего естественнѣй надлежало ей быть, на окраинѣ Подола, вдали отъ исповѣдавшаго язычество княжескаго двора и вблизи пристани, въ которую прибывали на судахъ купцы — христіане изъ Греціи и изъ греческихъ колоній, бывшихъ по берегу Чернаго моря, гдѣ, вѣроятно, жили, какъ указываетъ лѣтопись, и Хозары—племя того народа, къ которому ходилъ съ проповѣдью св. Кириллъ. На подобной низменной мѣстности и при томъ вблизи рѣки находятся издревле церкви св. Иліи пророка и въ другихъ древнихъ русскихъ городахъ—Новгородѣ, Москвѣ и въ Владимірѣ на Клязьмѣ, а извѣстно, что Кіевъ повторялся въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ не только названіями церквей, но и ихъ мѣстностью, подобно, тому какъ и самый Кіевъ подражалъ въ этомъ отношеніи Царьграду. Нужно при этомъ имѣть въ виду и обычай предковъ нашихъ замѣнять обветшавшіе храмы построеніемъ новыхъ того же имени на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они существовали издревле.

3.

Кто была Ольга по своему происхожденію и гдѣ она крестилась?

Голубинскій, заявившій себя открыто сторонникомъ норманнистовъ, причисляетъ къ варяжскому роду и благовѣрную россійскую княгиню Ольгу, бабку св. Владиміра, хотя она прибыла къ намъ не изъ за моря, а изъ русскаго города Пскова. Осно-

ваніемъ для сего ему служатъ простое сходство ея имени съ именемъ Олега, Игорева опекуна, и предположеніе, что неославянившемуся Игорю Олегъ не могъ избрать женою славянку. Но основанія эти имѣли бы нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы открыто было, что у норманокъ дѣйствительно было въ употребленіи имя „Ольга“ и что норманны дѣйствительно избѣгали сожительства съ славянками. Но доколѣ первое остается неизвѣстнымъ, а второму противорѣчитъ то, что въ числѣ женъ Святослава и Владиміра не видимъ норманки, дотолѣ причисленіе св. Ольги къ варягамъ нельзя считать вѣрнымъ. Не отвергая путешествія княгини нашей Ольги въ Константинополь, Голубинскій отрицаетъ принятіе ею тамъ крещенія, а за тѣмъ и самому путешествію ея въ столицу Греческой имперіи не придаетъ религіозной цѣли. Чтобы дознать истину, обратимся къ источникамъ извѣстій объ этомъ предметѣ.

О путешествіи Ольги и пребываніи ея въ Константинополѣ говорится въ книгѣ „О церемоніяхъ византійскаго двора“, составленной современникомъ Ольги, греческимъ императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ. О крещеніи Ольги тамъ же, въ Константинополѣ, и въ то же время, свидѣтельствуютъ греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, одинъ западный лѣтописецъ, современникъ сему событію, продолжатель Регинова, русскіе лѣтописцы— мнихъ Іаковъ въ „Похвалѣ св. Владиміру“, Несторъ въ своей лѣтописи и „Лѣтописецъ русскихъ царей“, дошедшій къ намъ въ спискѣ 12 вѣка. По ихъ указаніямъ цѣль прибытія Ольги въ Константинополь была не только религіозная, но и политическая, не только принятіе св. крещенія въ столицѣ православія и ознакомленіе съ ея святыней и благолѣпіемъ христіанскаго богослуженія, но и заключеніе мирнаго договора съ греками, а вмѣстѣ полученіе отъ византійскаго двора, по тогдашнему обычаю, правъ на извѣстную степень царскаго достоинства. Изслѣдователи полагаютъ, что Ольга прибыла въ Царьградъ въ началѣ іюля 957 года, но не выходя изъ пристани, ожидала пріема при дворѣ до 9-го сентября того же года, т. е. почти два мѣсяца. Причину такого промедленія предполагаютъ въ предварительныхъ переговорахъ объ условіяхъ договора и о пріемѣ Ольги

при императорскомъ дворѣ соотвѣтственно достоинству правительницы русскаго государства, которое Византія, конечно, старалась по возможности умалять, чтобы возвысить свое достоинство въ глазахъ варваровъ. Пріемъ, по записи Константина Порфиророднаго, происходилъ мѣсяца сентября девятаго числа въ четвертый день (ненѣли), т. е. въ среду, и былъ во всемъ подобенъ пріему сарацинскаго посла, принятаго предъ тѣмъ. Русская княгиня вступила въ императорскій дворецъ съ княгинями—своими родственницами и съ избранными прислужницами; она шла впереди всѣхъ, а тѣ слѣдовали за нею, идя одна за другою, и стала на назначенномъ ей мѣстѣ. Послѣ княгини вошли послы и стряпчіе русскихъ князей и заняли мѣсто между занавѣсами. Ольгу принимала сначала императрица въ Юстиніановой залѣ, возсѣдая на тронѣ и имѣя при себѣ невѣстку въ золотомъ креслѣ. Русской княгинѣ при этомъ предложены были чрезъ препозита вопросы отъ лица императрицы. По окончаніи пріема императрица вышла изъ залы, а Ольга, перейдя въ другое отдѣленіе дворца, сѣла. Непосредственно послѣ сего принялъ Ольгу императоръ во внутреннихъ покояхъ императрицы, въ присутствіи императрицы и своихъ дѣтей, при чемъ Ольга бесѣдовала съ императоромъ сидя. Въ тотъ же день былъ въ честь русской княгини парадный столъ въ Юстиніановой залѣ. Во время обѣда императрица и ея невѣстка сидѣли на тронѣ, а Ольга сидѣла за особымъ столомъ съ государственными почетными дамами. Во время стола играла музыка и пѣли пѣвчіе церкви св. Апостолъ. Въ другомъ отдѣленіи обѣдали послы русскихъ князей, придворные, родственники княгини и стряпчіе, пресвитеръ Григорій и 3 переводчика. Десертъ былъ приготовленъ въ другой залѣ на золотомъ столѣ и на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями. За десертомъ здѣсь находились императоръ, сынъ его Романъ, прочія порфирородныя его дѣти, невѣстка и русская княгиня. При этомъ поднесено княгинѣ золотое, украшенное камнями блюдо съ 500 драхмъ въ 35 коп. каждая; денежные подарки получили всѣ лица, составлявшіе свиту Ольги. Второй парадный обѣдъ былъ въ честь русской княгини въ воскресенье 18-го октября. Императоръ и въ этотъ разъ обѣдалъ

также отдѣльно, въ особой залѣ, съ русскими послами, а императрица въ другой—съ своими дѣтьми, невѣсткой и съ русской княгиней Ольгой. При чемъ одарены деньгами—княгиня и лица ея свиты.

О крещеніи Ольги мнихъ Іаковъ говоритъ такъ: „Взыска (Владиміръ) спасенія и прія отъ бабы своей Ольги, како шедше Царюгороду и пріяла бяше святое крещеніе" [1]). А нужно замѣтить, что и по мнѣнію г. Голубинскаго,—„этотъ монахъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ всей нашей вѣры" (Исторія рус. церкви.—т. I. стр. 68). Продолжатель Регинона (современникъ Ольги) подъ 959 годомъ записалъ: „Пришли къ королю (Оттону I.) послы Елены, королевы руссовъ, которая крещена въ Константинополѣ при константинопольскомъ императорѣ Романѣ" [2]). Греческіе лѣтописцы говорятъ не менѣе опредѣленно. Кедринъ пишетъ: „Княгиня руссовъ Ольга прибыла въ Константинополь и крещена, показавши много любви и благочестія, и возвратилась домой, удостоившись почестей, соотвѣтственныхъ своему сану" [3]). Зонара говоритъ: „Супруга русскаго князя Ольга по смерти мужа прибыла къ императору, крещена и, бывъ принята по достоинству своему, возвратилась домой". Современная славянская запись о крещеніи Ольги, вошедшая въ Несторову лѣтопись въ сокращенномъ и отчасти поврежденномъ видѣ, лучше сохранилась въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей" по переяславскому списку 12 вѣка. Въ ней читаемъ: „Въ лѣто 6463-е Ольга иде въ Греки, приде къ Царьграду, и бѣ тогда Константинъ, сынъ Леоновъ, и видѣвъ ю *красну зѣло* [4]) лицемъ и смыслену умомъ, и удивися Царь разуму ея и бесѣдова съ нею и рече ей слова къ *любви* (договору) [5])—подобна еси *цар-*

[1]) Память и Похвала св. Владиміру—монаха Іакова.

[2]) Исторія рус. церкви.—Е. Голубинскаго. т. I. стр. 89.

[3]) Corpus Hist. Byzant. VIII, p. 499; XI, p. 152.

[4]) Слова „красну зѣло"—не столько означаютъ красоту лица, сколько пріятность и сановитость въ извѣстной особѣ.

[5]) Слово „любовь" здѣсь значитъ „мирный договоръ", „союзъ", въ какомъ смыслѣ оно употреблено въ договорѣ Олега и въ договорѣ Игоря съ греками. Тамъ говорится: „такую *любовь* извѣстити и утвердити по вѣрѣ и закону нашему" (въ договорѣ Олега); „сотворити *любовь* съ самими цари, и со всѣмъ боярствомъ и съ всими людми Грецкими" (въ договорѣ Игоря).

ствовати съ нами во градѣ семъ[1]). Она же разумѣвши рече ему: како то слово исполнится, царю, понеже азъ погана (язычница) есмь. Да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся. Царь же безмѣрно радъ бысть и рече ей: патріарху возвѣщу ли слово се? Она же рече: готовъ ли еси поручитися по мнѣ Богу и патріарху? И поручися патріарху и посла къ патріарху, да ю креститъ. Ольга же, пришедъ къ церкви, не видѣ царя у церкви. Ольга же посла къ царю и рече; аще хощешь мя крестити, то самъ мя крести; аще ли не крестиши мя самъ, то не крещуся. И крестиша ю царь и патріархъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ. И научи ю патріархъ и рече ей о вѣрѣ. Благословена ты въ женахъ русскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тму остави; благословити тя имутъ сынове рустіи и въ послѣдній родъ внукъ твоихъ. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ и молитвѣ и постѣ и милостыни и о воздержаніи тѣла чиста... Бѣ же ей имя въ крещеніи *Олена*, якоже и первая царица, мати великаго Константина. И благослови ю патріархъ и отпусти. И призва ю царь, рече: хоцю тя ровняти женѣ. Она же рече: како мя хощеши ровняти женѣ, а крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А во христіанахъ нѣсть того закона, ты и самъ вѣси. И рече царь: переклика (перехитрила) мя Ольга, и вдастъ ей дары многи—злато и серебро и паволоки и сосуды различныя и отпусти ю, нарекъ дщерь собѣ" [2]).

---

[1]) Выраженіе это заключаетъ въ себѣ поданную императоромъ Ольгѣ надежду на усвоеніе ей нѣкоторыхъ знаковъ царской почести, приличныхъ ей, какъ правительницѣ могущественнаго русскаго народа. Императоръ имѣлъ тогда уже соправителемъ своего сына Романа, потому говоритъ Ольгѣ: достойна еси царствовати „съ нами". Ольга, домогаясь имѣть крестнымъ своимъ отцемъ императора, желала получить чрезъ названіе его „дщери" право на цезарское достоинство, которое предъ тѣмъ дано было болгарскому царю Симеону чрезъ нареченіе его „сыномъ" императора, званіемъ которымъ пользовался и современникъ Ольги болгарскій царь Петръ.

[1]) Болгарскій царь Борисъ, крещенный императоромъ Михаиломъ, въ слѣдъ за крещеніемъ былъ нареченъ „цезаремъ сыномъ" императора, которое было выше званія „августы—жены императора. Константинъ Багрянородный, радуясь намѣренію Ольги креститься, подалъ ей надежду на званіе императорской „дщери" равное цезарскому достоинству, но уклонялся почему то отъ личнаго воспріемничества при крещеніи, за которымъ обыкновенно слѣдовалъ особый обрядъ нареченія

Такимъ образомъ, не смотря на умолчаніе Константина Багрянороднаго о крещеніи русской княгини Ольги въ сдѣланномъ имъ описаніи церемоній византійскаго двора, (умолчаніе, однако, естественное въ сочиненіи, которое не касалось церковныхъ обрядовъ), на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ чужестранныхъ и русскихъ писателей нужно признать вѣрнымъ сказаніе нашей лѣтописи о томъ, что бабка св. Владиміра—Ольга приняла св. крещеніе въ Константинополѣ, а не „гдѣ-нибудь“. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что по свидѣтельству того же Константина Багрянороднаго, въ первый пріемъ при константинопольскомъ дворѣ, княгиня Ольга обѣдала отдѣльно отъ императорской семьи, съ своей женской свитой, а во второй пріемъ, спустя 5-ть недѣль послѣ перваго, она удостоена была уже обѣдать за однимъ столомъ съ императрицей, съ ея дѣтьми и невѣсткой. Такое отличіе послѣдняго пріема само собою говоритъ, что въ промежутокъ времени между этими пріемами русская княгиня пріобрѣла высшее противъ прежняго значеніе, которое могло быть получено ею только чрезъ крещеніе.

Признавая лѣтописное сказаніе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ не болѣе, какъ легендою, Голубинскій не обходитъ вопроса: зачѣмъ другимъ Ольга предприняла дальній и въ то время весьма трудный путь изъ Кіева въ Константинополь, но отвѣчаетъ на этотъ вопросъ своеобразно и легко. „Затѣмъ, говоритъ, чтобы удовлетворить своему любопытству, видѣть баснословный и великолѣпный Царьградъ, чтобы видѣть жизнь и бытъ тѣхъ царей, которые именовались повелителями вселенной“.

языческаго государя „сыномъ“ императора. Ольга, погрозивъ отказомъ креститься, заставила императора быть лично ея крестнымъ отцемъ, а на этомъ основаніи, какъ дочь императора, требуетъ себѣ цезарскаго достоинства, а не титула „августы“, ловя, такъ сказать, его на словѣ. Въ этомъ и состоитъ вся хитрость Ольги, по изъясненію князя М. Оболенскаго въ его изслѣдованіи о первоначальной рус. лѣтописи. Въ греч. требникѣ Гоара есть и молитва „на князи, хотящіи пріяти власть великую отъ царя“. Эту молитву произносилъ патріархъ, подавая императору епитрахиль, которую самъ императоръ возлагалъ на получающаго цезарское достоинство въ св. Софіи, на солеѣ. Епитрахиль возлагалась и на императрицу предварительно ея вѣнчанія.

цѣль путешествія, очевидно, не совсѣмъ свойственная 67-лѣтней старицѣ, какою тогда была наша княгиня Ольга. Гораздо правильнѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ нашъ покойный исторіографъ Н. Карамзинъ. „Ольга“, говоритъ онъ въ своей „Исторіи государства россійскаго“, „достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій ея конецъ предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная вѣра болѣе, нежели когда-нибудь служитъ ему опорою и утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства, могла бесѣдовать съ пастырями христіанской церкви и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ея ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправиться въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ“ [1]).

Кто былъ пресвитеръ Григорій, сопровождавшій княгиню Ольгу въ ея путешествіи въ Константинополь, наша лѣтопись не говоритъ. Нѣкоторые, какъ князь М. Оболенскій и Д. В. Полѣновъ, полагаютъ, что спутникомъ ея былъ „Григорій, пресвитеръ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей“, одинъ изъ сотрудниковъ просвѣтительной дѣятельности болгарскаго князя Симеона, исчезнувшій изъ Болгаріи послѣ его кончины въ 927 году. На него, какъ знавшаго всѣ обычаи византійскаго придворнаго этикета и правила восточной церкви, естественно могъ пасть выборъ при избраніи руководителя въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково приготовленіе правительницы русскаго государства къ крещенію, и въ такомъ новомъ для нея дѣлѣ, каковымъ было представленіе ея императорскому двору. Если о прибытіи Ольги въ Константинополь и цѣли ея прибытія былъ предувѣдомленъ византійскій дворъ, что весьма вѣроятно, то можно полагать, что пресвитеръ Григорій, близкій по языку къ русскому народу, былъ отправленъ заблаговременно изъ Константинополя въ Кіевъ по распоряженію императора и патріарха. Князь М. Оболенскій

---

[1]) Исторія росс. государства. Т. I. стр. 166. Изд. 2-е.

и Д. В. Полѣновъ думаютъ, что этому же пресвитеру Григорію принадлежитъ и самое описаніе пребыванія Ольги въ Константинополѣ и ея крещенія, вошедшее въ русскую лѣтопись, и не только это описаніе, но и предшествующій ему разсказъ объ основаніи русскаго государства, вошедшій въ нашу лѣтопись и въ наименѣе искаженномъ видѣ сохранившійся въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей“ по списку Переяславля Суздальскаго. Основаніе сему они видятъ въ томъ, что—а) *Григорій* мнихъ, переложившій Амартола, *Григорій* мнихъ, переложившій „Книгу царствъ“, и *Григорій* мнихъ, переложившій хронику Іоанна Малалы, должны быть признаны за одно и то же лицо; б) что во всѣхъ древнѣйшихъ редакціяхъ русскаго временника, въ не разъ повторенныхъ выраженіяхъ „глаголетъ бо *Григорій* въ Лѣтописцѣ“—стояло слово *Григорій*, а не *Георгій*, и в) въ параллели, проводимой въ началѣ нашей лѣтописи между событіями въ Руси и событіями въ Греціи и Болгаріи и въ употребленіи слова *царствовати* вмѣсто *княжити*. То же мнѣніе относительно имени „Григорій“ раздѣляетъ и Стрыйковскій, польскій историкъ, имѣвшій подъ рукою до 15 списковъ русскихъ лѣтописей.

Спутникомъ Ольги на обратномъ ея пути въ Кіевъ былъ пресвитеръ, данный ей патріархомъ, и конечно никто другой, какъ тотъ же Григорій болгаринъ. Ему, конечно, было поручено склонить соперника болгарскахъ царей на Дунаѣ, наслѣдника Ольги Святослава, къ принятію христіанской вѣры, но ученикъ этотъ оказался непонятливымъ и глухимъ къ слову о Христѣ. Впрочемъ старанія Ольги и ея пресвитера были въ Кіевѣ не тщетны. Православіе на югѣ Россіи при Ольгѣ сдѣлало такіе успѣхи, что нихъ узнали скоро и въ Римѣ, какъ видно изъ грамоты папы Іоанна XIII къ чешскому королю Болеславу II, писанной въ 972 г., въ которой онъ, разрѣшая учредить епископію въ Прагѣ, писалъ: verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Slavonicae linguae. Изъ этой же грамоты видно, что въ Кіевѣ до св. Владиміра богослуженіе совершалось не на готскомъ языкѣ, какъ думаетъ г. Голубинскій[1]).

[1]) Исторія русск. церкви. Т. I. стр. 83-я.

П. Л.

ЛЕОНАРДЪ СОВИНСКІЙ.

(*Опытъ посмертной характеристики*).

Біографія.—I. Лирическія поэмы „Привидѣнія", „Изъ жизни". II. Эпическая поэма „Петро". III. Драма „На Украинѣ". IV. Переводы изъ Шевченка. V. Школьныя воспоминанія. VI. Романъ „На перекрестныхъ дорогахъ".—Заключеніе.

Со временъ люблинской уніи (1569 г.), многимъ полякамъ приходилось жить и дѣйствовать среди сплошнаго южно-русскаго населенія въ предѣлахъ Кіевщины, Волыни, Подолья, а до войнъ Богдана Хмельницкаго и лѣвобережной Украины. Большинство изъ нихъ относилось къ странѣ, ихъ пріютившей, и къ ея кореннымъ обывателямъ такъ, какъ указывали интересы польскаго шляхетскаго государства и вождѣлѣнія римскаго католицизма. Но нѣкоторые болѣе впечатлительные или болѣе развитые представители польскаго племени на южнорусской территоріи не могли оставаться постоянно слѣпыми орудіями государства и церкви, сжились мало-по-малу со страной и народомъ своего новаго отечества, полюбили ихъ, хотя только какъ красивую декорацію, и, продолжая чувствовать себя поляками и католиками, стали интересоваться жизнью мѣстною, стали ее изучать и изображать. Отсюда получила свое начало такъ называемая украинская школа въ польской литературѣ.

Первые слѣды украинской школы мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Однимъ изъ первыхъ ея представителей мы можемъ считать Севастіана Кленовича, который въ своей латинской поэмѣ *Roxolania* (1584 г.) сдѣлалъ едва ли не первую попытку изобразить южнорусскій край, описать его города и ознакомить читателей съ нравами и обычаями его обитателей. Въ XVII вѣкѣ представителями

украинской школы мы можемъ считать авторовъ „Селянокъ" Симона Симоновича и Варфоломея Зиморовича. Первый изобразилъ нѣсколько живыхъ сценъ изъ южнорусской сельской жизни [1]), а второй въ „Селянкахъ" *Kosaczyzna* и *Burda ruska* [2]) попытался набросать поэтическій очеркъ похода Хмельницкаго и осады Львова въ 1648 г. Къ концу XVII в. и въ вѣкѣ XVIII-мъ, когда польская литература стала отличаться макаронизмомъ въ формахъ и панегиризмомъ въ соединеніи съ пустотою содержанія, въ сюжетахъ ея произведеній ослабѣлъ, само-собою разумѣется, и южнорусскій элементъ въ ней. Но когда прошли наполеоновскія войны и по всей Европѣ пышнымъ цвѣтомъ распустился романтизмъ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, южнорусскіе поляки выступили съ цѣлымъ рядомъ романтическихъ произведеній, для которыхъ содержаніе они черпали исключительно изъ природы и народной жизни южнорусскаго края. Эти писатели объединяются въ исторіи литературы подъ именемъ украинской школы по преимуществу. Важнѣйшими ея представителями считаютъ обыкновенно Мальчевскаго, Гощинскаго и Залѣскаго. Изъ крайнихъ козакофиловъ можно упомянуть типическихъ Грозу и Чайковскаго (Садыкъ-пашу) [3]).

Въ настоящее время мы хотимъ вспомнить объ одномъ изъ писателей польско-украинской школы второстепенныхъ, но все-таки интересныхъ для насъ какъ по мѣсту его рожденія, такъ и по идеямъ его литературной дѣятельности. Мы имѣемъ при этомъ въ виду Леонарда Совинскаго. Недавняя смерть его даетъ намъ къ этому подходящій поводъ. Леонардъ Совинскій родился въ Подоліи, а именно въ литинскомъ уѣздѣ, въ 1831 году. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ, мать—южнорусская крестьянка, православная. Самъ Совинскій говоритъ (см. Воспоминанія, стр. 186), что отецъ его, Янъ, до пріобрѣтенія земельнаго имущества въ с. Березовкѣ литинскаго уѣзда былъ долгое

---

[1]) Таковы селянки *Czary* (Лейц. изд. Бобровича 1837 г., стр. 87), *Kołacze* (стр 68), *Pastusi* (стр. 99) и *Żeńcy* (стр. 106).

[2]) См. Лейпц. изд. Бобровича 1836 г. стр. 113 и 130.

[3]) Ср. въ „Вѣстникѣ Европы" 1886 г. ст. Пыпина „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній польско-русскихъ" гл. 2. (февраль).

время учителемъ музыки въ подольской губерніи. Онъ бѣгло игралъ на скрипкѣ и на фортепьяно. Большую часть своей молодости онъ провелъ въ домѣ подкоморія Борейки въ м. Пиковѣ. Онъ руководилъ музыкальнымъ образованіемъ своего наименьшаго брата, Войцѣха, и, хорошо его подготовивши, отправилъ для окончанія занятій заграницу, гдѣ тотъ черезъ годъ могъ уже выступить передъ публикой въ концертахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Вѣнѣ, Миланѣ, а позднѣе и въ Парижѣ [1]). Женился Янъ Совинскій по смерти Борейки на его ключницѣ. Семья Яна Совинскаго была значительная. Кромѣ Леонарда, онъ имѣлъ еще сына и нѣсколькихъ дочерей, которыя по старому закону о смѣшанныхъ бракахъ сдѣлались православными. Братъ Леонарда въ 50-хъ годахъ славился въ кіевскомъ университетѣ, какъ замѣчательный химикъ и горькій пьяница. За ничтожную плату и обильное угощеніе онъ охотно подготовлялъ фармацевтовъ къ экзамену по химіи. Впослѣдствіи онъ окончательно спился съ круга, жилъ, перекочевывая отъ одного знакомаго помѣщика къ другому, и кончилъ жизнь во время одного изъ своихъ пьяныхъ путешествій пѣшкомъ—отъ замерзанія.

Что касается до Леонарда, то первоначальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ межибожское дворянское училище, отсюда въ житомірскую гимназію и, наконецъ, въ кіевскій университетъ, куда поступилъ онъ въ 1847 году и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1851 году. Черезъ годъ онъ снова поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ пробылъ до 1855 года и вышелъ, не кончивши курса. Поѣздка заграницу, во время которой Совинскій посѣтилъ почти всѣ страны западной Европы, заняла весь 1857 годъ. Италія своими художественными произведеніями оказала особенное вліяніе на характеръ его поэтическаго творчества. Съ 1858 по 1862 г. Совинскій проживалъ частью въ Подоліи, частью въ Кіевѣ. Въ эти времена онъ былъ сотрудникомъ „Виленскаго Курьера", въ ко-

---

[1]) Войцѣхъ Совинскій былъ между прочимъ авторомъ музыки къ извѣстной пѣснѣ „Ieszcze Polska nie zginęła". См. Павлищевъ, Седмицы польскаго мятежа, ч. 1, стр. 217—219.

торомъ помѣщалъ постоянныя корреспонденціи изъ Кіева, а также мелкія стихотворенія и замѣтки.

Шесть лѣтъ затѣмъ—съ 1862 по 1868 г.—Совинскій жилъ въ курской губерніи. Въ 1868 году онъ снова былъ заграницей, а по возвращеніи оттуда поселился въ Варшавѣ и занялся журнальной работой. Напряженный трудъ изъ-за куска хлѣба, склонность къ хмѣльному и разныя неблагопріятныя обстоятельства преждевременно подорвали его здоровье, и онъ умеръ въ декабрѣ прошлаго 1887 г. въ с. Стетковцахъ на Волыни. Лирикъ и романистъ, историкъ литературы и критикъ, самостоятельный поэтъ и переводчикъ, Совинскій во всякомъ случаѣ оставилъ замѣтный слѣдъ въ польской литературѣ, и его произведенія заслуживаютъ подробнаго разбора. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) маленькій сборникъ сонетовъ *Widziadła*. Кіевъ 1859. 2) Отрывки изъ поэмы *Z życia*. Кіевъ 1861 [1]. 3) Поэма *Petro*. Переиздана въ „Библіотекѣ Мрувки“ № 9. 4) Драма *Na Ukrainie* Poznań. 1871. 5) Переводъ „Гайдамаковъ“ Шевченка. Переизданъ въ „Библіотекѣ Мрувки“ №№ 67 и 68. 6) *Szkolne wspomnienia*. W. 1885. 7) *Na rozstajnych drogach*. W. 1887. Нѣкоторыхъ мелкихъ его произведеній и компилятивныхъ работъ мы касаться не будемъ.

I.

Въ „Привидѣніяхъ“, фантастическомъ произведеніи, вышедшемъ въ Кіевѣ въ концѣ 1859 года, разсказывается исторія души поэта отъ колыбели до могилы. Отъ колыбели ржавчина печали въѣлась ему въ сердце и духъ мрака опуталъ дѣтскія мечтанія. Какъ ангелъ смерти, вступалъ онъ въ толпу дѣтей и своимъ печальнымъ, глубокимъ, страшнымъ, полнымъ проклятаго очарова-

---

[1]) Сочиненіе *Widziadła* и поэма *Z życia* переизданы въ собраніи стихотвореній Совинскаго, вышедшемъ въ Познани въ 1875 г. подъ общимъ заглавіемъ *Poezye* (см. Т. II, стр. 3—16 и Т. I, стр. 59—158). Въ этомъ сборникѣ изъ болѣе крупныхъ вещей помѣщены: *Satyra*, *Fragment powieści* и *Graf Jarosz*.

нія взглядомъ заставлялъ ее смѣнить веселый шумъ на покаянное молчаніе. Но вотъ ангелъ-хранитель сжалился надъ стономъ бѣдной души и далъ ей возможность увидѣть Пресвятую Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мракъ исчезъ и на нивѣ чувствъ возрасло тихое счастье. Между тѣмъ прошли года. Наука забросала душу кучей новыхъ понятій; голова трещала отъ напора вопросовъ; въ сердцѣ бурлила лава. Святые пороги духа переступилъ геній сомнѣнія. Мысль сорвала съ божественныхъ правъ ризы идеала. Наступили проклятыя минуты заблужденія. По счастью въ то время у кладбищенскихъ ямъ появилась поэзія и сняла съ нѣмой груди печать молчанія. Пѣснь ручьемъ полилась, а въ недосягаемой дали заблисталъ огромный крестъ. Но все-таки ни упоенія поэзіи, ни любовь женщины не успокоили души поэта. Наконецъ, предъ нимъ зачернѣли нивы подвиговъ, выоранныя потомъ, засѣянныя слезами, а далеко впереди—вершины заслугъ. Чувство долга заняло мѣсто сомнѣній. Кровавый трудъ подъ крестомъ рисовалъ новую будущность, сіяющую вѣрой и могущественную своими подвигами. Святой трудъ облекся въ багряницу идеала. Между тѣмъ проклятый Духъ вступилъ на алтарь чистыхъ пожеланій и развернулъ знамя Славы. Но поэту нечѣмъ было увлечься, такъ какъ онъ понималъ, что грязь забвенія заноситъ всякое чело. Но вотъ повѣяла на душу смерть, молодая жизнь угасла и грудь подъ крестомъ отдохнула послѣ безплодной борьбы.

Изложенное нами самое раннее изъ произведеній Совинскаго отлично характеризуетъ его поэтическую манеру, обнаруживающуюся и въ послѣдующихъ плодахъ его музы. Постоянно занятый возвышенными мыслями, онъ никогда не умѣлъ выработать себѣ ясныхъ взглядовъ на природу и людей; осуждая настоящее, онъ стремился къ какимъ-то великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, которыхъ ему никогда не удалось облечь въ ясно очерченные идеалы.

Отрывки поэмы „Изъ жизни“ при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ были недоброжелательно встрѣчены польскою критикой. И тогда справедливо упрекали ихъ автора въ стремленіи къ ми-

стицизму и холодному умствованію. Но онъ неправильно истолковалъ себѣ сущность упрековъ и полагалъ, что не права критика, стремящаяся замкнуть поэзію въ область чувства, тогда какъ ей должно быть доступно все поле умственной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ возражалъ Совинскій своимъ критикамъ въ предисловіи ко второму изданію поэмы „Изъ жизни" (Кіевъ. 1861) „Духъ человѣческій", говорилъ онъ, „безъ устали стремится къ безконечности и эти-то именно порывы и составляютъ поэзію жизни. Условіями ея обладаетъ всякое внутреннее творчество, переступающее за предѣлы холоднаго наблюденія и вдохновенное стремленіемъ къ болѣе идеальнымъ формамъ и типамъ. Творческій духъ всегда является поэтическимъ, хотя внѣшнее выраженіе его творчества можетъ и не носить признаковъ поэзіи. Я не вижу поэзіи въ формулахъ Ньютона, но вижу ее въ его мысляхъ. Планы битвъ Наполеона принадлежатъ стратегіи; но духъ, который ихъ чертилъ, навсегда останется для поэзіи однимъ изъ лучезарныхъ геніевъ. Развѣ есть одна только форма духовной жизни? Развѣ одно только чувство наполняетъ человѣческую грудь? Наши критики хотѣли бы запереть поэзію въ какомъ-то любовномъ эдемѣ... Для меня она во всемъ, что встряхиваетъ и влечетъ къ высшему существованію, что воспламеняетъ мысль и чувство. Лучше воспѣвать муки стремящагося къ высшей правдѣ духа, нежели стоны любовниковъ и свистъ соловья. Гулъ толпы, воспламененной общественной мыслью, гораздо могущественнѣе трогаетъ сердце, нежели невинная музыка майскаго утра"...

Не смотря на стремленіе поэта оправдаться передъ критикой, намъ кажется несомнѣннымъ, что поэма „Изъ жизни" страдаетъ темнотою мыслей, неясностью образовъ и излишнею напыщенностью формы. Если ее неохотно читали при ея появленіи, то прочитать ее въ настоящее время, въ особенности русскому читателю, привыкшему къ болѣе реальному искусству, составляетъ сущее испытаніе долготерпѣнія.

Поэма Совинскаго „Изъ жизни" состоитъ изъ вступленія и пяти картинъ. Она написана въ формѣ драмы—стихами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Главная мысль ея та же самая, какая

развивается поэтомъ и въ ранѣе изложенной поэмѣ „Привидѣнія“. Вѣрить не всякій способенъ, хотя только вѣра можетъ успокоить смятенную человѣческую душу; наука не въ силахъ удовлетворить человѣка, такъ какъ она не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній, являющихся слѣдствіемъ умственной пытливости; любовь къ женщинѣ не даетъ прочнаго счастья и даже бываетъ часто причиной, затемняющей сознаніе; только подвиги для блага ближнихъ способны примирить человѣка съ жизнью, такъ какъ только они получаютъ немедленную оцѣнку и даютъ совершителю ихъ самое высшее благо—славу; вотъ то ученіе, которое поэтъ стремится подтвердить рядомъ картинъ своего произведенія. Уже въ первой картинѣ выступаетъ на сцену графъ Уго, представитель науки, не находящій въ ней удовлетворенія,—въ своемъ родѣ Фаустъ. Въ монологѣ второй картины онъ выражаетъ мысли автора о наукѣ: „Ахъ! напрасно измученная мысль летаетъ надъ колодеземъ науки... Онъ ужъ вычерпанъ до дна высохшими устами свѣта! Какъ растерзанная грудь Ніобы,—духъ окаменѣлъ въ старыхъ образахъ... Нигдѣ нѣтъ жизни!—одни только гробы, потрескавшіеся отъ усилій изслѣдующей мысли... Заваленный обломками мечтаній, горячешный, хрупкій, старый,—нынѣшній вѣкъ блуждаетъ съ нами, какъ блѣдныя полночныя тѣни надъ могилами упырей. Нигдѣ нѣтъ устоевъ, нигдѣ нѣтъ вѣры!

Вокругъ яснымъ отблескомъ краснѣютъ пожары битвъ... Всѣ солнца потухаютъ для очей—земля трескается подъ ногами... Не кончается ли свѣтъ?... О! пусть онъ гибнетъ! Но прежде, чѣмъ вѣчность его поглотитъ, отчего не откроется скрытый смыслъ его существованія, слово, трепещущее въ его лонѣ?!... Нельзя ли духу моему исчезнуть, прочитавши это слово?!..“

Въ дальнѣйшей рѣчи графъ Уго размышляетъ о тѣхъ вѣчныхъ проблемахъ человѣческой жизни и духа, которыхъ наука не въ силахъ разъяснить, терзается, отчаивается и, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что жить нельзя среди развалинъ вѣры, цѣлей и желаній, что для человѣка необходима надежда. Въ послѣдней пятой картинѣ поэмы авторъ ея указываетъ, что можно найти примиреніе съ жизнью—въ работѣ для общаго

блага и въ славѣ благодѣтельныхъ для человѣчества подвиговъ.

Чтобы доказать суетность женской любви, авторъ выводитъ на сцену прелестную дѣвушку Еву и юношу Адама. Въ гостяхъ у Евы два молодыхъ человѣка—Генрихъ и Адамъ. Генрихъ—поэтъ, который свое искусство любитъ больше всего на свѣтѣ. Адамъ въ своемъ обращеніи къ Евѣ такъ себя обрисовываетъ: „Сударыня! У меня нѣтъ блестящаго краснорѣчія, я не слыву мудрецомъ; у меня только сердце въ благородной груди, полное честности и полное любви. Сударыня! я не взлечу съ тобою до неба, но охотно пойду на муки“... Между тѣмъ Ева уже въ такомъ возрастѣ, когда женское сердце рвется любить. Настроеніе ея выражается въ пѣсенкѣ, которую она поетъ гостямъ подъ аккомпаниментъ арфы: „Черноокая, гибкая, какъ изъ мрамора роскошно выточенная, — она оберегала пламя, какъ королева пламени... Грудь ея трепетала отъ вздоховъ, взглядъ ея, мрачный и задумчивый, ударялся мглистымъ лучемъ о коринѳскія колонны. Бѣдная! бѣдная весталка! Святой огонь непрерывно трещитъ, а между тѣмъ во мракѣ ея духа кипятъ безуміе и борьба... За колонной въ полутѣни думалъ греческій лютнистъ: „Какая она благородная и чистая! Какой рай въ ея очахъ!“ [1]).

Когда Адамъ признался ей въ своей любви, она приняла эту любовь и сдѣлалась женой его. Но вотъ прошло нѣсколько времени; любовь Евы къ Адаму начала остывать; когда на костюмированномъ балу она встрѣтилась снова съ Генрихомъ и онъ спросилъ ее о мужѣ: „И ты все-таки жъ его любишь?“, то она могла только съ горькой ироніей отвѣтить: „Кого?... его!... его!... ха, ха, ха, ха, ха!“. Адамъ, бывшій случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены, не могъ перенести удара и сошелъ съума.

---

[1]) Типъ Евы повторяется въ небольшой поэмѣ Совинскаго „Графъ Ярошъ“ въ образѣ цыганки Дивы. Богатый подольскій графъ Ярошъ, пресыщенный разгуломъ, отправляется въ лѣсъ, гдѣ натыкается на цыганскій таборъ. Его плѣняетъ необыкновенная красота двѣнадцатилѣтней дѣвочки Дивы и онъ покупаетъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дива, получившая образованіе на средства графа, дѣлается его женой—графиней. У нихъ родится сынъ. Но старыя привычки берутъ свое: однажды

Такимъ образомъ одно только остается человѣку, чтобы придать смыслъ жизни,—работать для блага ближнихъ. По этому пути пошелъ Людміръ, представитель дѣятельной воли; въ пятой картинѣ поэтъ рисуетъ, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили его благодарные согражданe.

II.

Въ поэмѣ „Петро“, посвященной знаменитому въ польской литературѣ Крашевскому, Совинскій переходитъ изъ области шумной, бурливой, неукротимой лирики въ область тихой, спокойной и разсудительной эпики. Въ талантѣ его сразу обнаруживаются иныя, болѣе симпатичныя стороны. Чтеніе этой поэмы „изъ жизни сельскаго люда въ Подоліи полвѣка назадъ“, какъ сказано въ заглавіи, доставляетъ гораздо болѣе эстетическаго удовольствія, чѣмъ погоня вмѣстѣ съ авторомъ за неясными образами его возвышенныхъ мыслей и чувствъ. Мѣстами авторъ является такимъ привлекательнымъ повѣствователемъ, что напоминаетъ великаго Гёте въ его несравненной поэмѣ „Германъ и Доротея“. Тотъ же спокойный величавый тонъ, та же отдѣлка мелкихъ подробностей, тѣ же тщательныя описанія природы—заставляютъ иногда читателя забыть Совинскаго и вспомнить Гёте, si licet parva componere magnis.

Но кромѣ художественнаго значенія поэма имѣетъ значеніе и для уясненія себѣ политическихъ и общественныхъ взглядовъ ея автора. Изъ послѣдующаго изложенія ея содержанія видно будетъ, что въ ней на ряду съ представителями простаго сельскаго люда выводятся на сцену и потомки расъ, ведшихъ продолжительную историческую борьбу съ этимъ людомъ,—шляхетско-польской и еврейской. Авторъ настолько проникся спокойнымъ тономъ своего произведенія, что забылъ войны Хмель-

---

ночью Дива бросаетъ графскій домъ и убѣгаетъ въ лѣсъ къ цыганамъ. Графъ, думавшій создать счастіе на одной любви къ Дивѣ, приходитъ въ изступленіе, убиваетъ крошку-сына и наконецъ сжигаетъ себя вмѣстѣ съ предковскимъ замкомъ.

ницкаго, эпоху Руины, Уманскую рѣзню и другія событія, во время которыхъ широкіе потоки шляхетско-польской и еврейской крови были пролиты украинской рукой, и заставляетъ почтеннаго Петра искренне любить пана и симпатично относиться къ мѣстному шинкарю Іоськѣ. Автору кажется, что ни панъ, ни Іоська ничѣмъ не заслужили ненависти со стороны Петра, и что отношеніе его къ нимъ является должною данью уваженія къ родовитости перваго и къ денежному могуществу втораго. Впрочемъ, нужно сказать, что обрисовка „пана“ и „жида“ заставляетъ читателя примиряться съ невѣрнымъ освѣщеніемъ отношеній къ нимъ со стороны Петра. „Самъ панъ“ говоритъ авторъ, „очень любилъ, цѣнилъ и уважалъ его (т. е. Петра) и никогда не оскорблялъ Петра ѣдкимъ словомъ. За это и Петро отплачивалъ ему преданностью и уваженіемъ, которое выражалъ иногда добровольнымъ подаркомъ пану: въ панскомъ табунѣ прыгаютъ жеребята, подаренныя Петромъ; даже „карбованцы“ иногда имѣлъ онъ для пана въ запасѣ. Въ свою очередь и панъ,—что рѣдко случается на свѣтѣ, когда у него родилось первое дитя, то, не имѣя въ почтенномъ сердцѣ никакой задней мысли, пригласилъ Петра и Ивгу (жену Петра), хотя и крѣпостныхъ, къ себѣ въ кумы. Между тѣмъ кумовство—святое соотношеніе—особенно, когда его подкрѣпляетъ взаимное уваженіе“. Двѣнадцатилѣтняя дочечка пана „Маня“ — это маленькій ангелъ, доброта котораго вызываетъ слезы на глаза старой Ивги. Описывая отношенія Мани къ внукамъ Петра и Ивги, авторъ прибавляетъ: „Дѣти панскія дружили съ сельскими и ихъ любилъ Тотъ Кто съ небесъ распростиралъ надъ ними крылья своей всемогущей опеки и не утиралъ въ это время сладкихъ слезъ Ивги“. Шинкаря Іоську авторъ также рисуетъ почтеннымъ бѣлобородымъ старцемъ, ищущимъ у Петра помощи и поддержки въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Такимъ образомъ ни гнетъ крѣпостной зависимости, ни тяжесть еврейской эксплоатаціи не возмутили спокойствія автора и не бросили своихъ мрачныхъ тѣней на его свѣтлое, жизнерадостное произведеніе. Онъ любитъ свое милое Подолье, съ сердечной теплотою изображаетъ его обитателей—православныхъ

украинцевъ, но не видитъ мрачной стороны ихъ жизни, и, какъ польскій шляхтичъ, не хочетъ замѣчать всего того зла, которое принесъ имъ шляхетско-польскій строй, существовавшій на Подоліи почти до 1861 года.

Поэма „Петро“ написана вся шестистопнымъ ямбомъ. Она состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ пѣсенъ или главъ: I, Приготовленія; II, Праздникъ; Ш, Пиръ; IV, Осенній вечеръ. Содержаніе ея въ краткихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: почтенный хозяинъ с. Березовки Петръ Голубъ задумалъ отпраздновать большимъ пиромъ храмовой праздникъ своего села и день своихъ имянинъ—29-е іюня. Въ первой главѣ описываются „приготовленія“, какія пришлось сдѣлать Петру для вкуснаго и обильнаго угощенія гостей. Во второй—церковное торжество храмоваго праздника съ его нарядной шумливой толпой, съ его живописнымъ крестнымъ ходомъ. Въ третьей развертывается роскошная картина сельскаго пира, гдѣ у всѣхъ красныя отъ выпивки лица; гдѣ мужчины ведутъ чинные разговоры; гдѣ кумушки то кудахтаютъ, какъ куры, то каркаютъ, какъ вороны, то жужжатъ, какъ пчелы; гдѣ дѣвчата весело поютъ, а дѣтвора прыгаетъ и рѣзвится, подымая шумъ и гамъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ рисуется осенній вечеръ въ крестьянской хатѣ. „Вотъ поле зачернѣло уже стерномъ; пшеница, жито, ячмень просыхаютъ уже въ клунѣ. Пожилые крѣпкіе работники ежедневно ихъ молотятъ: не легкая это, но благодарная для пахаря работа. Боязнь граду, слякоти для него уже не существуетъ; богатство божьихъ даровъ улыбается ему въ мысляхъ. Онъ имѣетъ богатый урожай зерна, котораго хватитъ до новаго, и достаточно соломы для отопленія хаты. Радуются въ душѣ милыя хозяюшки, не имѣя повода жаловаться на сборъ огородины. Жизнь въ селѣ въ эту пору самая веселая, а ухаживанья хлопцевъ—самыя пламенныя и смѣлыя, потому что достаточно хлѣба, а извѣстно, что голодная любовь не бываетъ ни теплой, ни довольно выгодной. Любитесь и забавляйтесь, почтенные люди, послѣ цѣлаго лѣта, проведеннаго за упорнымъ трудомъ въ потѣ лица, а мы заглянемъ въ теплую Петрову хату, опоясанную вокругъ вѣнкомъ желтой присьбы“. Всѣ домашніе Петра сидятъ за работой,

самъ онъ отдыхаетъ подъ образами. Но вотъ входитъ шинкарь Іоська и начинаются разсказы о грабежахъ и убійствахъ въ Чудновской пущѣ, которые незамѣтно смѣнились разсказами о привидѣніяхъ и чертяхъ. Вдругъ въ хату вбѣгаетъ дочь Іоськи Сора съ маленькимъ Ицкомъ на рукахъ, котораго кагальные въ отсутствіе отца хотѣли захватить въ кантонисты. Ицка прячутъ въ дѣжу съ пухомъ и успокаиваются только тогда, когда прибѣгаетъ жена Іоськи и извѣщаетъ, что кагальные уже уѣхали. Послѣ этого всѣ разошлись и семья Петра заснула. „Каждый видѣлъ свои сны, но всѣмъ чужды были черныя угрызенія испорченныхъ сердецъ и мыслей; всѣхъ охранялъ архангелъ чистыхъ душъ и прогонялъ прочь призраки печалей“. Въ этой четвертой и послѣдней главѣ Совинскій въ высшей степени правдиво уловилъ общій характеръ крестьянскихъ разговоровъ въ длинные осенніе вечера подъ завываніе бури и плескъ расходившагося дождя.

Языкъ поэмы очень гладкій и звучный, съ легкими подольскими провинціализмами, въ высшей степени красивый—особенно, если принять во вниманіе, что онъ постоянно ведетъ борьбу съ унылымъ однообразіемъ ямбическаго гексаметра.

III.

Мы уже ознакомились съ Леонардомъ Совинскимъ, какъ съ поэтомъ лирическимъ и эпическимъ. Теперь намъ надлежитъ разсмотрѣть его дѣятельность въ самой высшей области поэтическаго творчества,—въ области драмы.

Произведеніе, въ которомъ Совинскій выступилъ на новое для него поприще драматурга, это трагедія „На Украинѣ“. Нельзя сказать, чтобы названіе пьесы было выбрано вполнѣ удачно; оно указываетъ только мѣсто драматическаго дѣйствія, но не опредѣляетъ ни времени, къ которому оно отно-

сится, ни среды, въ которой происходитъ, ни тѣхъ мотивовъ, которые даютъ такое или иное направленіе поступкамъ дѣйствующихъ лицъ.

Замками для пьесы служатъ извѣстныя событія 1863 года а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является собственно польская шляхта. Тогдашнее возстаніе представляется Совинскому катастрофою въ высокой степени трагическою. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Дѣйствительно, если гибель одного человѣка вслѣдствіе неблагопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ печалитъ насъ и заставляетъ переживать вмѣстѣ съ нимъ весь ужасъ его положенія, то тѣмъ большее сострадапіе возбуждаетъ въ насъ гибель цѣлаго сословія, какъ это случилось съ польской шляхтой въ 1863 году. Но совсѣмъ не правъ Совинскій, когда говоритъ: „Авторъ настоящей трагедіи прежде всего стремился къ тому, чтобы выяснить элементы, выступавшіе въ личностяхъ и событіяхъ послѣдняго возстанія. Они указаны въ быстро смѣняющихся образахъ, въ немногихъ лицахъ и моментахъ: но за то здѣсь нѣтъ ни одного слова, сказаннаго наугадъ, ни одной силы, которая не дѣйствовала бы въ жизни, ни одной насцены, созданной для достиженія празднаго эффекта“. Напротивъ, Совинскій совершенно невѣрно освѣщаетъ дѣятелей 1863 года и отнюдь не прочь ввести въ свою пьесу изсцену, пожалуй не нужную, но способную произвести извѣстный эффектъ.

Но для кого въ настоящее время не тайна, что даже самые „красные“ представители возстанія стояли на почвѣ традиціи старой Рѣчи Посполитой. Забывая совершенно объ этнографическомъ составѣ населенія тѣхъ областей, которыя принадлежали польскому государству до его раздѣловъ, они стремились возстановить это послѣднее именно въ границахъ, предшествовавшихъ 1772 году. Точно также совершенно законными представлялись имъ стремленія польской шляхты

лишить бѣлорусскій и малорусскій народъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ политическихъ правъ и экономической свободы и вожделѣнія римской церкви его окатоличить. Поэтому крайне фальшиво звучитъ та рѣчь, которую влагаетъ Совинскій въ уста одного изъ вождей возстанія 1863 года, Мсцислава Сенпа: „какъ прекрасно раздаются въ устахъ нашихъ пановъ девизы: семья—народность—вѣра—право—порядокъ!... Но покажите ихъ намъ въ жизни и въ дѣлахъ вашихъ, покажите урожай, добытый этимъ хозяйничаньемъ!... Безсмысленный гнетъ и трупное безсиліе духа—намѣрены приковать молодежь къ неподвижной глыбѣ... Но безъ шутокъ: это общественная связь очень хрупкая! Вы говорите намъ о вѣрѣ, которая дѣлаетъ чудеса... Гдѣ она?—Въ дремотѣ мозговъ, заѣдаемыхъ предразсудкомъ? Въ обрядѣ, который если не нагоняетъ скуки, то забавляетъ? Неужели этой вѣрой вамъ удастся отразить враговъ? Вы говорите о враждѣ между сословіями, распространяемой нами... Шутите?!... Удивительно вы понимаете связь между сословіями, если мужикъ долженъ стоять на колѣняхъ, а панъ сидѣть у него на спинѣ!... Пусть старыя знамена гніютъ въ старыхъ склепахъ... Мы подниммемъ надъ главой народа иное знамя—гигантское, ибо общечеловѣческое—свѣжее, хотя и не новое! Девизами его будетъ нѣсколько истинъ, необыкновенно старыхъ, а первымъ девизомъ: Будемъ людьми! Это наша вѣра, на которую вы смотрите со старою ненавистью. Наше знамя—равенство! Только подъ этимъ знаменемъ можно въ будущемъ оставаться русскимъ или полякомъ!“ Что касается сценъ, разсчитанныхъ на эффектъ, то ихъ немало въ пьесѣ. Особенно выдѣляется одна — въ концѣ III-го акта. Когда повстанцы окружены солдатами и крестьянами, одинъ изъ нихъ Максимъ Грынь, сынъ малорусскаго крестьянина, сознательно измѣнившій своей народности, говоритъ, обращаясь къ толпѣ крестьянъ:

„Безумные!... Позвольте намъ по крайней мѣрѣ погибнуть отъ московскихъ рукъ!“ Въ это время другой повстанецъ Янъ

ломаетъ палашъ со словами: „Мы не сражаемся съ народомъ!" Максимъ говоритъ: „Темное, забитое стадо!", а всѣ повстанцы ломаютъ оружіе. Мужики съ крикомъ „ура!" бросаются на безоружныхъ. Очевидно, вся эта сцена разсчитана на впечатлѣніе чисто декоративное.

Вся роль старой кастелянши введена въ пьесу исключительно для эффекта. Въ 1863 году не могла уже оставаться въ живыхъ ни одна изъ женщинъ, бывшихъ свидѣтельницами раздѣловъ Польши. Появленіе ея въ драмѣ есть крупный анахронизмъ, допущенный авторомъ исключительно для освѣщенія его политическихъ взглядовъ и убѣжденій.

Пьеса Совинскаго представляетъ намъ не изображеніе дѣятельности какого-либо героя во время возстанія, а ходъ самаго возстанія въ отдѣльныхъ характеристикахъ, сценахъ и картинахъ. Она состоитъ изъ пролога, пяти актовъ и эпилога.

Въ прологѣ авторъ знакомитъ насъ съ прошлымъ тѣхъ лицъ, которыя являются потомъ главными дѣятелями возстанія. Это—молодой графъ Янъ Пилявецкій, сынъ мамки его Максимъ Грынь и сестра Яна—графиня Марія, позднѣе невѣста Максима, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. При этомъ авторъ устами матери Максима, Ганны, характеризуетъ крѣпостное право со всѣми его мрачными чертами.

I-й актъ посвященъ передачѣ тѣхъ мнѣній и умственныхъ теченій, которыя существовали въ польскихъ студенческихъ кружкахъ кіевскаго университета передъ возстаніемъ и обусловили его возникновеніе. Сеппъ является представителемъ началъ гуманности и свободы (его profession de foi мы привели выше), Рольскій отстаиваетъ преданія шляхетско-католической Рѣчи Посполитой. Къ польскому лагерю примыкаетъ товарищъ графа Яна Пилявецкаго по университету Максимъ Грынь, молочный его братъ, который, когда Янъ совѣтуетъ ему остаться въ сторонѣ отъ возстанія, говоритъ: „Да—я украинецъ

и крестьянскій сынъ; я подкидышъ въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ; такъ вотъ поэтому ты мнѣ совѣтуешь смотрѣть издали на его погромъ!... Но отъ кого я получилъ самое дорогое для человѣка сокровище? Мои чувства, вѣра, языкъ, честь, понятія,—вѣдь они изъ вашей сокровищницы вошли въ мою грудь, когда я былъ ребенкомъ? Чье же дѣло долженъ я поддержать теперь, чтобы добыть для сердца миръ, а у людей — добрую славу?!... Наконецъ, отъ васъ я получилъ хлѣбъ и свободу... Отъ тебя—благородную дружбу, безцѣнный даръ... Вотъ почему я вмѣстѣ съ тобою отдамъ Польшѣ свою молодую жизнь... Смерть я встрѣчу охотно... Намѣреніе мое неизмѣнное!" Стоитъ вдали и относится критически къ затѣваемому возстанію учитель „русской семинаріи", какъ выражается авторъ, въ Кіевѣ—Чарнышъ. Когда одна изъ дѣвушекъ, посѣщавшихъ студенческіе кружки, Ульяна Титаренко говоритъ, обращаясь къ Чарнышу: „Вѣдь теперешняя польская пропаганда проповѣдуетъ равенство и братство... Неужели не искренне?..", то послѣдній отвѣчаетъ: „Подожди!.. Это не народъ... Это толпа могильныхъ привидѣній! Неужели ты считаешь возможнымъ связать трупъ съ здоровымъ тѣломъ? Тамъ нѣтъ жизни!.. То, что кажется увлеченіемъ—въ сущности отчаяніе... Порывы ихъ молодой силы—это содраганія умирающихъ ... Царство ихъ—могилы! Передъ толпами они являются не съ творческой дѣятельностью, а съ книгою темныхъ пророчествъ и съ пересохшимъ въ порошокъ лавромъ... Неспособные къ работѣ, они пренебрегаютъ долею рабовъ и хотятъ остатки изможденной жизни предать на прекрасную смерть—послѣднюю оргію пресыщенія... Они не могутъ по-рыцарски жить, такъ хотятъ умереть! А что говорить о безтолковости въ поступкахъ, въ желаніяхъ, въ словахъ! Объ удивительной путаницѣ представленій въ головахъ!.. Гдѣ только на кипяткѣ подымается пѣна—даже среди враговъ,—тамъ вездѣ сыновья шляхты"!

Во II-мъ актѣ изображается отношеніе къ предполагаемому возстанію помѣщичьей среды. Здѣсь графъ Свирскій находитъ

его безумнымъ, но за то женщины энергически побуждаютъ дѣйствовать. 26-лѣтняя княгиня Бѣльская говоритъ: „Въ сторону шутки! Если вы не думаете возставать, то мы возстанемъ—мы, какъ вы насъ тутъ видите".—Князь Бѣльскій: „Но вѣдь это возмущеніе?"—Графиня Ядвига Кёнигштейнъ: „Возмущеніе... бунтъ мы поднимаемъ и очень-очень просимъ возставать".—Графъ Пилявецкій (шутливо): „Невозможно отказать!"—Княгиня: „Итакъ—миръ?"—Ядвига (бьетъ въ ладони): „Bravissimo!.. Да здравствуетъ свобода! Сейчасъ сажусь вышивать хоругви"...

Въ III-мъ актѣ—разгаръ возстанія. Повстанцы стремятся привлечь на свою сторону крестьянъ, читая имъ „золотую грамоту". Но рѣчь военнаго начальника барона Гольца дѣйствуетъ сильнѣе, и они помогаютъ русскому войску расправиться съ повстанцами. Только небольшая группа родственниковъ и знакомыхъ Максима Грыня относится сочувственно къ полякамъ. Взгляды Максима обнаруживаются яснѣе: „Я не буду сражаться оружіемъ клеветы", говоритъ онъ; „я засвидѣтельствую то, что знаю: польское дѣло подаетъ народу свою братскую руку; самый искренній его девизъ—кровавая борьба за свободу, цѣль—побѣда или мученичество. У Москвы право народа только на цѣпи и насиліе, которое кулакомъ равняетъ сословія; примириться съ ними—позоръ и безуміе! Но знайте также, что самое благородное дѣло имѣетъ одну только будущность—страшную смерть... Одинъ урожай отъ нея—почетная слава. Поэтому я не хочу толкать васъ на эту печальную дорогу... Слушайтесь собственныхъ сердецъ: только свободное дѣйствіе достойно жить въ потомствѣ болѣе яснаго утра".

Въ IV-мъ актѣ обнаруживается нелѣпость затѣяннаго возстанія. Одна банда разбита крестьянами, другая при помощи крестьянъ уничтожена регулярными войсками. Сами повстанцы въ эти трагическія для нихъ минуты заняты болѣе своими любовными отношеніями, нежели обороной отъ непріятеля. Главный вождь, Мсциславъ Сеппъ, кончаетъ самоубійствомъ.

Въ V-мъ актѣ авторъ стремится представить въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ агента русской правительственной власти—барона Гольца. Въ донесеніяхъ начальству онъ преувеличиваетъ число убитыхъ и плѣнныхъ повстанцевъ, чтобы въ большемъ блескѣ выставить свои подвиги; онъ обѣщаетъ обѣлить передъ властями графа Яна Пилявецкаго и другихъ, если графиня Марія Пилявецкая выйдетъ за него замужъ; когда баронъ Гольцъ проживалъ въ Кіевѣ, то онъ поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ радикаловъ, но теперь, когда Ульяна Титаренко говоритъ ему съ упрекомъ: „Баронъ! Гдѣ же твой прославленный либерализмъ?", онъ отвѣчаетъ: „послѣднее слово его—централизмъ, милостивая государыня!" и излагаетъ необходимость крутыхъ мѣръ по отношенію къ повстанцамъ. Автору хочется, конечно, подчеркнуть отступничество барона Гольца, хотя послѣдній въ качествѣ русскаго офицера иначе и не могъ разсуждать, не измѣняя долгу присяги.

Дѣйствіе эпилога развивается на этапномъ пунктѣ за Ураломъ. Графъ Янъ Пилявецкій близокъ къ смерти. Его окружаютъ Максимъ Грынь, мать Анна и сестра Марія Пилявецкія, невѣста Галина Свейская и мамка, мать Максима,—Ганна. Является влюбленная въ Максима Ульяна Титаренко, переодѣтая богомолкой, и предлагаетъ ему бѣгство, но онъ отказывается, не желая разстаться съ графиней Маріей Пилявецкой, которая сдѣлалась уже его невѣстой.

Если мы на основаніи драмы „На Украинѣ" попытаемся опредѣлить политическіе взгляды Совинскаго, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Осуществленіемъ идеальнаго государственнаго и общественнаго строя представляется Совинскому старая шляхетско-католическая Рѣчь Посполитая, хотя въ ней паны, по выраженію Боплана, блаженствовали, какъ въ раю, а хлопы мучились, какъ въ чистилищѣ. Тамъ искренняя христіанская вѣра, развитое чувство чести и справедливости, преданность долгу какъ по отношенію къ семьѣ, такъ и къ обществу—составляли обыкновенныя качества зауряднаго гражданина. Даже женщины того времени были насквозь проникнуты этими добродѣтелями. Представительницею такого типа женщинъ въ трагедіи

„На Украинѣ“ является старая каштелянша, которая въ минуты самой страшной опасности, грозящей ея близкимъ, не забываетъ своихъ общественныхъ и семейныхъ обязанностей (см. стр. 115—117, 162—168). Жалкими преемниками людей тѣхъ временъ являются въ глазахъ Совинскаго дѣятели польскаго возстанія 1863 года. Въ нихъ нѣтъ предковскихъ доблестей, и въ лучшемъ случаѣ ихъ хватаетъ только на пассивное сопротивленіе. Нѣкоторые доходятъ до того, что обращаются къ русскому офицеру, усмиряющему возстаніе, со словами: „Нашъ избавитель! Отъ имени цѣлаго общества мы приносимъ тебѣ самое торжественное выраженіе благодарности! Ты повергнулъ революцію подъ ноги порядка: итакъ еще разъ благодарю тебя отъ имени Европы и еще разъ жму твою мужественную руку“ (слова князя Бѣльскаго къ барону Гольцу—стр. 159). Будущее польскаго народа рисуется автору въ мрачныхъ и неясныхъ обликахъ. Изъ разбора его лирическихъ стихотвореній мы знаемъ, что любовь къ ближнимъ и работа на ихъ пользу должны быть, по мнѣнію автора, краеугольными камнями зданія этого будущаго.

IV.

Въ своихъ литературныхъ занятіяхъ Леонардъ Совинскій не ограничивался однимъ только самостоятельнымъ творчествомъ. Будучи уроженцемъ подольской губерніи и зная прекрасно по-малорусски, онъ не могъ, какъ поэтъ, не увлекаться поэзіей Шевченка, и отсюда понятно, почему онъ такъ охотно занимался переводами изъ „Кобзаря“. Къ этому присоединялось желаніе ознакомить польскую публику съ писателемъ, который блескомъ огромнаго таланта по своему освѣщаетъ прошлое польскаго народа и отношеній его къ украинскому. Занимаясь переводами изъ Шевченка, Совинскій долженъ былъ, конечно, уяснить себѣ значеніе писателя, изъ котораго онъ переводилъ, и характеристическія черты его. Таково происхожденіе этюда „Тарасъ Шевченко“, составляющаго какъ бы введеніе въ переводъ „Гайдамаковъ“. Совинскій перевелъ сполна „Гайдамаковъ“, „Наймычку“ и „Пустку“ (изд. 1883 г. стр. 232—233), да кромѣ того въ

этюдѣ приведено въ стихотворномъ переводѣ много отрывковъ изъ другихъ пьесъ Шевченка. Переводы Совинскаго отличаются близостью къ подлиннику при звучности и красотѣ стиха и въ этомъ отношеніи должны быть поставлены выше переводовъ Горжалчинскаго и Сырокомли.

Въ этюдѣ о Шевченкѣ Совинскій приводитъ въ переводѣ извѣстную автобіографію поэта, написанную имъ по приглашенію редактора журнала „Народное Чтеніе", а затѣмъ подробно передаетъ содержаніе „Кобзаря" 1860 г. Характеристическими чертами духовнаго образа Шевченка Совинскій считаетъ: 1) пламенную любовь къ крестьянскому люду; 2) ненависть и презрѣніе ко всякому насилію; 3) страстное сознаніе испытанныхъ горестей и униженій; 4) склонность къ простонародному фатализму, отрицающему Провидѣніе и волю; 5) сознаніе собственной правоты и искреннее проникновеніе народною мыслью, признаваемою съ полнымъ довѣріемъ справедливою и святою (стр. 14). „Наймычку" Совинскій справедливо считаетъ самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ произведеній поэта (стр. 40). За „Гайдамаковъ" Совинскій слѣдующимъ образомъ осуждаетъ Шевченка:

„Воображеніе поэта остановилось на Колівщинѣ—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь поэзія любитъ стоны тысячъ и окровавленныя развалины. Тарасъ не первый опьянѣлъ отъ гайдамацкихъ пожарищъ; они вдохновили нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного изъ знаменитѣйшихъ польскихъ пѣвцовъ[1]). Но Шевченко не ограничился только выборомъ предмета; онъ вознамѣрился оправдать дѣяніе, которое въ глазахъ исторіи навсегда останется самымъ гнуснымъ преступленіемъ. Для достиженія поставленной цѣли поэту необходимо было обострить тогдашнія отношенія обѣихъ сторонъ, обобщить значеніе мѣстныхъ взрывовъ и въ основу движенія, обнаруживающаго дезорганизацію и нравственный упадокъ племени, положить какую-либо творческую и благородную мысль. И вотъ пѣвецъ громоздитъ все то, что угнетало Украину отъ временъ Сигизмунда III, переноситъ ужасы военныхъ набѣговъ въ область долголѣтняго мира, самымъ

---

1) Словацкаго.

гнуснымъ образомъ клевещетъ на барскую конфедерацію; очернивши такимъ способомъ противный лагерь, онъ вывѣшиваетъ надъ своимъ знамя независимости исповѣданія и родины. Живое преданіе и свидѣтельства очевидцевъ достаточно опровергаютъ вымыслы поэта. Ихъ можно объяснить только незнаніемъ, которое самъ Шевченко сознаетъ въ предисловіи. Впрочемъ, если мы прослѣдимъ развитіе, которое сообщилъ авторъ дѣйствію своей поэмы, то мы еще разъ убѣдимся, что исторіи сочинять нельзя и что памятная уманская катастрофа была въ лучшемъ случаѣ взрывомъ безумной мести и разрушительнымъ, на широкую ногу затѣяннымъ разбоемъ.

Болѣе тяжкимъ еще является другой упрекъ, который лежитъ у насъ на сердцѣ. Народный поэтъ долженъ быть христіаниномъ. Позлащая поэзіей чувства и поступки простаго народа, онъ тогда только стоитъ на высотѣ своего призванія, когда поднимается надъ ошибками и увлеченіями толпы, ставитъ ихъ на ряду съ идеаломъ на судъ предвѣчной правды, правящей судьбами личностей и народовъ. Душа сельскаго пѣвца является воспитательницею его народа. Плачъ ея и веселье должны поднимать и облагораживать братьевъ. Пѣснь, раздраженная страстью, отравленная ненавистью и мщеніемъ, дышащая кровью и пламенемъ,—можетъ оказывать вліяніе, но не можетъ быть созидающей и облагораживающей. Подумалъ ли объ этомъ авторъ „Гайдамаковъ“? Трудно его оправдывать въ этомъ отношеніи. Въ цѣлой поэмѣ, отъ начала до конца, только немногія мѣста сіяютъ болѣе благородной мыслью. Почти вездѣ насъ поражаетъ солидарность пѣвца съ героями его пѣснопѣній, вездѣ историческое провидѣніе разбивается о безсмысленный фатализмъ, вездѣ идеалъ гражданско-христіанской свободы понижается до вожделѣній безтолковаго равенства и распущеннаго своеволія“.

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько невѣрное представленіе имѣлъ Совинскій о духовномъ образѣ Шевченка и о характерѣ его поэзіи. Кто близко знакомъ съ произведеніями Шевченка, тотъ знаетъ, что поэтъ является въ нихъ не фаталистомъ, отрицающимъ волю и Провидѣніе, а скорѣе смиреннымъ христіаниномъ, безропотно

принимающимъ всѣ испытанія, какія волѣ Божіей угодно было на него ниспослать.

Какъ искреннему христіанину, Шевченку было крайне тяжело воспѣвать въ „Гайдамакахъ“ братоубійственную борьбу поляковъ съ украинцами, но онъ находилъ это для себя обязательнымъ: „серце болыть, а росказувать треба: нехай бачять сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову съ своимы ворогамы, нехай жытомъ—пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на викы одъ моря и до моря славянская земля“.

Не менѣе несправедливъ со стороны Совинскаго упрекъ въ томъ, будто Шевченко стремится въ изображеніи польско-украинскихъ отношеній „сочинять исторію“. Напротивъ, нужно только изумляться той прозорливости, съ какою поэтъ, не обладая никакою историческою подготовкою, успѣлъ тѣмъ не менѣе опредѣлить вполнѣ вѣрно основныя причины вражды украинцевъ къ полякамъ. Теперь историческая наука убѣждена, что къ разрыву между Польшей и Малороссіей повело два обстоятельства: стремленіе польскаго шляхетства закрѣпостить украинскій народъ, лишивъ его гражданскихъ правъ и экономической свободы, и стремленіе римской церкви его окатоличить.

Указывая на невѣрное пониманіе Совинскимъ личности и поэзіи Шевченка, мы можемъ привести въ его оправданіе то обстоятельство, что въ то время, когда онъ писалъ свой этюдъ о Шевченкѣ, не были изданы не только всѣ русскія, но и многія изъ малорусскихъ сочиненій поэта. Теперь, когда „Кобзарь“ пополненъ всѣмъ, что только могло быть напечатано, и когда вышли въ свѣтъ всѣ русскія сочиненія Шевченка,—сужденія Совинскаго были бы непростительными.

V.

До сихъ поръ мы видѣли Леонарда Совинскаго, какъ экзальтированнаго, по выраженію проф. Неринга, поэта; теперь намъ предстоитъ познакомиться съ нимъ, какъ съ талантливымъ разсказчикомъ въ прозѣ.

Наиболѣе интересное изъ прозаическихъ произведеній Совинскаго—это, безспорно, его „Школьныя Воспоминанія“. Они охватываютъ время пребыванія автора въ межибожскомъ сверхштатномъ дворянскомъ училищѣ и въ житомірской губернской гимназіи, съ 1839 по 1847 годъ. Это было то переходное время, когда въ замѣнъ польской школы начала возникать и развиваться новая школа—русская.

„Воспоминанія“ Совинскаго, какъ всякія „школьныя“ воспоминанія, посвящены исторіи умственнаго и нравственнаго развитія ихъ автора и характеристикѣ товарищей и учителей. Этого рода литературныя произведенія пріобрѣтаютъ интересъ въ зависимости отъ духовнаго достоинства ихъ автора, а также отъ мѣста и времени, къ которымъ они относятся. Нельзя, напримѣръ, сравнивать по степени интереса „Дневникъ стараго врача“ Н. И. Пирогова съ воспоминаніями какого-нибудь военнаго человѣка прежнихъ временъ, которыми такъ щедро надѣляютъ своихъ читателей наши историческіе журналы. Если первый дѣйствуетъ на душу возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ и оставляютъ по прочтеніи свѣтлое впечатлѣніе, то послѣднія только раздражаютъ грубостью изображаемаго въ нихъ быта. „Воспоминанія“ Совинскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть занимательными: талантливая личность автора, неустановившійся школьный бытъ, дающій широкій просторъ индивидуальному развитію, прелестная природа Подолья и Волыни, строй жизни, носящій на себѣ еще слѣды всевозможныхъ историческихъ наслоекъ,—все это переливается передъ очами читателя, освѣщенное лучами крупнаго литературнаго дарованія, и до того увлекаетъ, что нельзя оторваться отъ книги, не дочитавъ ее до конца.

Теперь представляется вопросъ: правдивъ ли разсказъ Совинскаго и можно-ли на него полагаться при изученіи людей той эпохи, къ которой онъ относится? Авторъ его говоритъ: „учителя мои—всѣ уже безъ сомнѣнія въ могилахъ (а можетъ гдѣ-либо между крестами и блуждаетъ какой ветеранъ, высматривая себѣ мѣстечко на могилу...); поэтому никакія личныя побужденія, никакія испытанныя оскорбленія не исказятъ правды

подъ моимъ перомъ"; но мы имѣемъ данныя, чтобы сомнѣваться въ справедливости этого увѣренія. Дѣло въ томъ, что Совинскій, какъ было замѣчено выше, страстный польскій патріотъ, а всякій излишній патріотизмъ страдаетъ дальтонизмомъ и не замѣчаетъ ничего темнаго въ своихъ и ничего свѣтлаго въ чужихъ. Вотъ почему, когда ему приходится рисовать портреты своихъ учителей—русскихъ и поляковъ, то темныя краски щедрою рукою сгущаются на первыхъ и свѣтлыя—на вторыхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго возьмемъ характеристики двухъ учителей межибожскаго училища—Демковича и Стульчинскаго. Изъ хода разсказа чувствуется, что оба были заурядными учителями захолустнаго межибожскаго храма наукъ и мало отличались другъ отъ друга какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону [1]); между тѣмъ какая разница въ изображеніи!

Демковичъ—малороссъ. Авторъ цѣлый годъ прожилъ у него на квартирѣ, когда былъ ученикомъ приготовительнаго класса, и теперь, вспоминая о немъ, не упускаетъ случая, чтобы выставить на видъ его пьянство, грубость, невѣжество, неискренность, отсутствіе заботливости о ввѣренныхъ ему ученикахъ. Жену его авторъ иначе не называетъ, какъ „грязной мегерой". Стульчинскій—полякъ. У него авторъ также стоялъ на квартирѣ и теперь не жалѣетъ красокъ, чтобы представить его въ болѣе привлекательномъ видѣ: милый, образованный, сердечный—вотъ тѣ постоянныя epitheta ornantia, которыми онъ его надѣляетъ. Жена Стульчинскаго рисуется также милой подвижной дамочкой лѣтъ 40.

Не смотря однако на такое неравномѣрное распредѣленіе симпатій автора, книга его, повторяю, интересна и навсегда останется однимъ изъ выдающихся литературныхъ произведеній въ области польскихъ мемуаровъ.

---

[1]) Развѣ одинъ былъ низкаго (Демковичъ), а другой—высокаго роста (Стульчинскій), хотя оба были рябые отъ оспы.

VI.

Едва ли не послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ Совинскаго является большой романъ его въ 3-хъ томахъ, озаглавленный: „На перекрестныхъ дорогахъ“ [1]). Въ концѣ авторской карьеры и жизненнаго пути ему вздумалось съ вершинъ поэзіи, гдѣ свободно разгуливала его фантазія, создавая идеальные образы и упиваясь благоуханіемъ правды, добра и красоты,—спуститься въ обыкновенный человѣческій муравейникъ. Совинскій поставилъ своей задачей изобразить аристократическое польское общество на Подоліи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и показать то вліяніе, какое оказывали на него крайнія нигилистическія ученія, столь сильно волновавшія русское общество десять лѣтъ назадъ. Задача эта близко родственна той, которую преслѣдовалъ Тургеневъ въ романѣ „Новь“, и нужно признать, что выполнена она неудачно. Совинскій по слухамъ только зналъ людей, изображенныхъ въ его романѣ. Герои этого романа—не живые люди съ плотью и кровью, творящіе будничную дѣйствительность, а восковые манекены съ соотвѣтственными ярлычками: „террористъ“, „нигилистъ“, „добродѣтельная дѣвица“, „богомольная дамочка“, „дама для аѳинскихъ ночей“ и пр. На каждомъ шагу замѣтно, что авторъ беретъ краски для своихъ картинъ не изъ запаса собственныхъ наблюденій и впечатлѣній, а изъ слуховъ, которые доходили до него въ газетныхъ пересказахъ. Недавно Спасовичъ поднялъ вопросъ о „просачиваніи“ польской литературы въ русскую. Не интереснѣе ли будетъ поставить обратный вопросъ: о „просачиваніи“ русской литературы въ польскую, котораго поляки, конечно, не допускаютъ? Что касается романа Совинскаго, то въ немъ чувствуются осадки, оставшіеся въ сознаніи автора послѣ чтенія „Нови“ Тургенева и „Кружковщины“ Незлобина (Дьякова; онъ же—„Житель“).

Общая мысль, которую Совинскій проводитъ въ своемъ романѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія, хотя она и отдаетъ труизмомъ. Она заключается въ слѣдующемъ. Въ жизни каждую

---

[1]) Вышелъ въ Варшавѣ въ 1887 г.; цензурныя разрѣшенія помѣчены 18 декабря 1885 г. и 28 марта 1886 г.

минуту мы имѣемъ передъ собою много перекрестныхъ дорогъ. Вѣроятно, ни одна изъ нихъ не ведетъ къ правдѣ и къ абсолютному счастью. Но есть непогрѣшимый компасъ, который указываетъ, какую дорогу слѣдуетъ избрать, и всегда можетъ довести человѣка до цѣли его назначенія. Компасъ этотъ—общее благо. Въ семействѣ ли, или въ свѣтѣ и жизни общественной, но человѣкъ, руководящійся имъ, всегда остается чистымъ, почтеннымъ и сильнымъ. Жаль только, что ни одинъ изъ героевъ романа не принялъ ея къ свѣдѣнію; всѣхъ ихъ ожидаетъ поэтому печальный конецъ. Авторъ справедливо говоритъ о нихъ: „Не говоря уже о душахъ, испорченныхъ окончательно вслѣдствіе дурнаго воспитанія и отвратительныхъ примѣровъ, но даже благородныя сердца, подъ вліяніемъ ли наслѣдственности или стремленія къ плохо понятой самостоятельности,—очень часто истощаются въ ненужной ни для кого борьбѣ и отчаянномъ метаніи изъ стороны въ сторону. Одни мечтаютъ о наукѣ, о славѣ, о поэзіи, о великой любви, другіе упиваются туманнымъ мистицизмомъ, а когда станутъ передъ жизненной дѣйствительностью и увидятъ передъ собою множество перекрестныхъ дорогъ, то тогда, не зная, какую изъ нихъ выбрать, блуждаютъ во тьмѣ и очень часто падаютъ въ пропасть“. (т. III, стр. 250).

Въ заключеніе изложимъ фабулу романа. Петербургскій студентъ Горнъ, побочный сынъ графа Вальдбурга, пріѣзжаетъ на каникулы въ гости къ своему товарищу графу Станиславу Сасъ-Пшыемскому, въ с. Сасово подольской губерніи. По дорогѣ онъ ночуетъ въ м. Тополинцахъ въ корчмѣ Мошки Ушицкаго, гдѣ знакомится съ сыномъ корчмаря Ицкомъ, одесскимъ студентомъ. Оба оказываются принадлежащими къ нигилистической партіи.

Семейство графовъ Сасъ-Пшыемскихъ состоитъ изъ старухи матери, двухъ вдовствующихъ сестеръ Цециліи и Розы, старшаго брата Петра, самого Станислава и младшей сестры Ксеніи. Мать женщина непріятнаго характера, занята исключительно молитвой и поддержаніемъ аристократическаго этикета. Изъ вдовствующихъ сестеръ одна, Цецилія, набожная девотка, влюбленная въ родственника ксёндза о. Прота; другая, Роза, легкомысленная дамочка, ищущая любовныхъ приключеній. Графъ Петръ—это ка-

кая-то невѣроятная смѣсь разгульнаго польскаго пана-козакофила 40-хъ годовъ съ русскимъ нигилистомъ 70-хъ. Онъ одновременно содержитъ обширный гаремъ и поддерживаетъ въ своемъ околоткѣ аграрное движеніе. Станиславъ—скромный малый, съ увлеченіемъ занимающійся химіей. Наконецъ, излюбленная авторомъ Ксенія—это поэтическая дѣвушка, преисполненная всякихъ возвышенныхъ добродѣтелей, но совершенно неспособная къ практической жизни.

Какъ только Горнъ поселился въ Сасовѣ, то тотчасъ же началъ вести различныя интриги, которыя были, повидимому, его сферой и замѣняли для него всякое серьезное дѣло. Началъ онъ съ Баси, служившей у Ксеніи горничной. Графъ Петръ похитилъ ее для своего гарема и спряталъ на время въ укромномъ уголкѣ, въ домѣ одного отставнаго учителя. Но неизвѣстно почему обратилъ на нее свое вниманіе Горнъ, открылъ ея убѣжище, влюбилъ въ себя и уговорилъ бѣжать отъ графа Петра въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ нигилистической партіи.

Между тѣмъ имущественныя дѣла графини Сасъ-Пшыемской таковы, что нужно было найти для Ксеніи богатаго жениха. Для этого она возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ сестрой своей, княгиней Прусъ-Бельзской, проживающей въ г. Самославѣ. У княгини, между прочимъ, дочь Берта—бойкая свѣтская дѣвица, нѣсколько циничная. Впослѣдствіи она настолько увлекаетъ распутнаго графа Петра, что тотъ на ней женится. Желанные женихи являются, но Ксенія не соглашается продать себя изъ за видовъ матери и предпочитаетъ выйти замужъ за своего опекуна—пожилаго Владиміра Щуку.

Съ другой стороны Горнъ долженъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ онъ между тѣмъ проживалъ. На простой телѣгѣ въ крестьянской одеждѣ пробирается онъ въ Сасовъ, гдѣ и заболѣваетъ воспаленіемъ мозга. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря разумной медицинской помощи доктора Сальма, то графъ Петръ помогъ ему бѣжать заграницу. Тамъ онъ соединился съ одной изъ вдовствующихъ дочекъ графини Сасъ-Пшыемской, Розой, и сталъ жить на ея счетъ, ведя какую-то пропаганду.

По сосѣдству съ Сасовымъ проживала нѣкая княгиня Свирская. Крестьянка по происхожденію, она была сначала у князя экономкой, но потомъ вышла за него замужъ. У нея была внѣбрачная дочь Эмма Былевская. Эта дѣвица страстно влюбилась въ графа Станислава и такъ какъ послѣдній колебался на ней жениться, то однажды она сама пріѣхала къ нему ночью верхомъ, заставила его лишить ее невинности и такимъ образомъ женила на себѣ.

Женитьба Станислава и выходъ замужъ Ксеніи совершенно измѣнили строй жизни въ Сасовѣ. Тамъ остался Станиславъ съ молодой женой, между тѣмъ какъ Ксенія съ мужемъ переселились въ имѣніе послѣдняго Вѣнецъ, гдѣ хозяйничала сестра его Марцелина. Разныя волненія настолько разстроили здоровье Ксеніи, что мужъ, по совѣту врачей, повезъ ее въ Италію. Здѣсь, въ Венеціи, Ксенія встрѣтилась съ молодымъ польскимъ поэтомъ— Морой. Оказалось, что уваженіе къ мужу не въ состояніи заглушить потребность любви, и вотъ Ксенія со всею силою страсти привязывается къ Морѣ. Между тѣмъ и Горнъ, проживавшій также въ Италіи, оказывается влюбленнымъ въ Ксенію. Узнавши, что она неравнодушна къ Морѣ, онъ рѣшается убить послѣдняго. Сообщниками его являются родственники любовницы Моры, неаполитанской рыбачки Пепиты. Они хотѣли отомстить поэту за то, что онъ обольстилъ Пепиту. И вотъ, подстерегши Мору съ Пепитой въ одной кофейнѣ, они сдѣлали покушеніе на ихъ жизнь. Пепита вскорѣ умерла въ больницѣ, но Мора остался живъ. Отношенія его къ Ксеніи перешли мало по малу въ пылкую взаимную любовь, которая кончилась паденіемъ Ксеніи. Горнъ не могъ перенести такого хода событій. Онъ снова покусился на жизнь Моры, хотя за нимъ слѣдили, какъ за убійцей одного банкира, но былъ во-время арестованъ.

Между тѣмъ въ Римъ, гдѣ все это происходило, пріѣхалъ графъ Станиславъ. Онъ былъ очень несчастливъ съ женой и долженъ былъ окончательно разойтись съ нею въ Парижѣ. Свиданіе его съ сестрой было самое трогательное. Но онъ не могъ перенести своего несчастья и умеръ въ ту же ночь отъ удара.

На Ксеніи поѣздка въ Италію отразилась роковымъ образомъ. На чужбинѣ еще она перенесла воспаленіе мозга, а по возвращеніи домой въ родное Подолье у нея обнаружилась чахотка. Конецъ не заставилъ себя долго ждать.

Такова фабула романа Совинскаго. Нужно отдать справедливость автору, что онъ съумѣлъ сдѣлать ее необыкновенно запутанною, но отъ этого достоинство произведенія не выиграло. Отъ него такъ и вѣетъ парижскимъ бульваромъ. Тамъ бы ему и было мѣсто, а не на скромной лужайкѣ литературы польской.

Разсматривая литературную дѣятельность Совинскаго во всей ея совокупности, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что поэтъ былъ представителемъ прогрессивнаго направленія въ польской литературѣ и что онъ неуклонно стремился утвердить въ сознаніи польскаго образованнаго общества убѣжденіе въ необходимости для нормальнаго развитія общественной жизни—общественныхъ идеаловъ, безъ которыхъ немыслимо и личное счастье. Эту мысль онъ настойчиво преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, приводя въ подкрѣпленіе ея доводы и прямые, и отъ противнаго. Но традиціи того шляхетско-польскаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, оказали все-таки на него свое могущественное вліяніе. Этимъ объясняется: 1) что общественный строй старой Рѣчи Посполитой представлялся ему иногда идеаломъ общественнаго устройства; 2) что онъ не сумѣлъ разглядѣть въ Шевченкѣ поэта всечеловѣческаго значенія; 3) что все русское возбуждало въ немъ невольную антипатію.

Что касается личнаго темперамента Совинскаго, то онъ самъ прекрасно характеризуетъ его словами Моры въ „Перекрестныхъ дорогахъ“ (см. Т. III, стр. 150):

„Я не легкомысленъ, но имѣю черезъ-чуръ живое воображеніе и не могу быть равнодушнымъ къ красотѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ, хотя бы послѣднія окутывали самую отвратительную нравственную грязь. Въ подобныхъ случаяхъ со страстнымъ увлеченіемъ у меня никогда не соединяется языческое поклоненіе предмету моей страсти,—паденіе сердца и духа, отреченіе отъ болѣе высокихъ и благородныхъ цѣлей. Идеалъ

мой всегда остается чистымъ и незапятнаннымъ. Вѣдь обо мнѣ сказалъ другой поэтъ: „Онъ всегда любилъ бездонныя пропасти, темныя вершины скалъ и полусонныя очи тигровъ, смерть въ объятіяхъ и мечъ, повисшій надъ шумнымъ пиромъ, и ту проклятую красоту, отъ которой на тысячу миль несетъ измѣной... Но онъ любилъ также долгъ съ суровымъ и блѣднымъ челомъ и славилъ—тёрны мукъ, сіяющіе кресты жертвы, смиренныя дѣянія, святую выносливость въ ежедневной борьбѣ, и честь, незапятнанную предъ Богомъ и соборомъ братьевъ“ [1]).

Устами Моры Совинскій какъ-бы говоритъ намъ: „Я хотѣлъ-бы, чтобы эти слова были вырѣзаны на моемъ гробѣ“.

А. В. С—ко.

[1]) См. пьесу „Fragment powieści“ п. VII. Poezye. T. II, стр. 22. Пьеса эта имѣла, очевидно, для Совинскаго автобіографическое значеніе. Поэтому намъ кажется, что отрывокъ изъ нея, приводимый Морой, въ связи съ предыдущими его словами—можетъ быть разсматриваемъ, какъ поэтическая характеристика Совинскимъ самого себя.

КЪ ИСТОРІИ
КОЛОНИЗАЦІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ.

(*Окончаніе*) [1].

II.

Наступательныя дѣйствія Россіи противъ крымскихъ татаръ начались еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1676 году. Въ этомъ году царь Алексѣй Михайловичъ, по соглашенію съ польскимъ королемъ, обѣщавшимъ дѣйствовать противъ турокъ на Дунаѣ, велѣлъ „чинить всякой воинской промыселъ надъ Крымомъ“ и для этого выступить въ походъ изъ Малороссіи боярину князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, гетману Самойловичу и стольнику князю Василію Васильевичу Голицыну; съ Дону—стольнику князю Петру Хованскому; изъ Бѣлгорода—окольничему и воеводѣ князю Константину Осиповичу Щербатову [2]). Вслѣдствіе этого повелѣнія, князь Ромадоновскій сталъ приготовляться къ походу. Въ одной изъ отписокъ своихъ къ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу онъ писалъ слѣдующее: „в нынешнемъ во 184 году указал великиі государь царь і великиі князь Алексѣй Михайловичь всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержецъ с своими великого государя ратными и конными і с пѣшими людми итти намъ в поход для крымъского промыслу, а что чего ратного к тому походу в драгунской і в

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, т. XXI.

[2]) „Отношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Өеодора Алексѣевича“ Е. Е. Замысловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, январь, 1888 г., стр. 1 и 2.

салдацкие полки к обозному строю надобно, и то все по указу великого государя и по грамоте, какова его великого государя грамота прислана к нам из розряду за приписью дьяка Петра Ковелина, велено здѣлать і взять, а иные всякие мелкие статьи купить белогородцкого полку в городѣхъ повольною ценою без передачи, а иное в тѣх же городѣх взять или здѣлать безденежно, чтоб одноконечно во всѣхъ полкѣхъ все было готово до походовъ заранее, а в которых городѣх что взято или куплено будетъ, и о томъ велено намъ писать къ великому государю к Москве. А ис Чюгуева для того походу довелось взять в пѣшей салдацкой генерала маеора в Ѳранцовъ полкъ Вулѳа пятдесять кож барабанных, сорокъ хомутов ременных новых самыхъ добрых с крышками и шлеи, пятдесят аршин холсту на пушечные мехи, безменъ ѳуптъ вескь вѣсить зелья и свинецъ. І тебе бъ по указу великого государя то все вышеписанное велѣть взять с Чюгуевцовъ" и проч. [1]). 10 февраля того же года всѣ эти предметы получены были Ромодановскимъ въ Курскѣ [2]). 28 января Ромодановскій предписывалъ Осипу Яковлевичу прислать къ нему десять человѣкъ чугуевскихъ кузнецовъ для государева дѣла „со всѣми кузнечными снастьми и запасы" и ямскія деньги [3]), что̀ подтверждалъ и въ отпискѣ своей 9 февраля [4]). Тотъ же Ромодановскій въ одной изъ отписокъ своихъ писалъ чугуевскому воеводѣ: „в нынешнем во 184 году Ѳевраля въ 12 день прислана" грамота царя Алексѣя Михайловича „к нам ис Стрелецкого приказу за приписю дьяка Леонтья Кондратова, а в государеве грамоте написано. Велено нам писать Белогородского и Сѣвского полков во всѣ городы к вам воеводам и приказным людем, чтоб вы московского выборного Агѣева полку Шепелева начальных людей и урядников и редовых салдат собрали всѣх и сказали им его государевъ указ, чтоб тѣ начальные люди и урядники и редовые салдаты на службу великого государя были готовы со всѣми полными запасы и живучи в

[1]) Свиток. III, док. 62.

[2]) Тамъ же, док. 69.

[3]) Тамъ же, док. 64.

[4]) Тамъ же, док. 70.

домѣх своих готовили всякие запасы, а впред гдѣ по наряду велят быть на государеве службе в каково время ни есть, и ім на ту великого государя службу итти на указные мѣста с великим радѣнемъ и поспевать на указные сроки со всѣми полными запасы"[1]). Приготовлялись къ походу и рейтары бѣлгородскаго полка. 27 февраля 1676 года бѣлгородскаго полку рейтарскаго строю полковникъ Григорій Полтевъ подалъ князю Ромодановскому „въ Бѣлгороде в розрядной избѣ за рукою роспись, а въ росписи ево написано. Его ж Григорьева полку Чюгуевъския рейтары в домѣх своих померли и по розбору от полковыя службы отставлены, а государева де ружья у тѣх рейтар корабинов и пистолей и латъ и шишаков не принято". Вслѣдствіе этого, Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ порутчика Тараса Смирного, для принятія оружія послѣ умершихъ и отставныхъ рейтаръ[2]). Въ скоромъ времени рейтарскій полкъ Григорья Полтева высланъ былъ, для похода, въ Бѣлгородъ[3]). Для продовольствія войска, потребованъ былъ четвериковый хлѣбъ какъ за 1676-й годъ, такъ и за предыдущіе годы. „В нынѣшнем во 184 году,—писалъ Ромодановскій Чугуевскому воеводѣ,—указал великиі государь царь і великиі князь Алексѣй Михайловичъ всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержецъ на жаловане своимъ великого государя ратным людемъ, которым быть в крымском промыслѣ, белогородцкого полку з городов со всяких чинов людей, которые платят и возят в Бѣлгородъ четвериковой хлѣб, собрать на прошлые годы из доимки, а на нынешней на 184 годъ по окладу сполна, а собрав привезти в Бѣлгород тѣхъ же городов подводами"[4]). Въ началѣ марта послѣдовало дополнительное требованіе о доставленіи чюгуевцами нѣкоторыхъ вещей для полка генералъ-майора Франца Вульфа, „По указу великого, государя—писалъ Ромодановскій чугуевскому воеводѣ,—в поход для крымского промыслу въ копейной и в рейтарские і в драгунские і в салдатцкие полки к обозному строю

[1]) Свиток. III, док. 4.

[2]) Тамъ же, док. 8.

[3]) Тамъ же, док. 26.

[4]) Тамъ же, док. 72

из городов что чего ратного взять или купить поволною ценою без передачи или что здѣлать безденежно, чтоб... во всѣх полкѣх одноконечно все было готово до походу заранѣя, и к обознону всякому строю для того походу ис Чюгуева довелось взять рейтарского и салдатцкого строю генерала майора в Ѳранцов полкъ Вулѳа к прежнему в добавку воровины на припряжи к дватцати осми шлеям сто тритцать саженъ косых по три аршина длина сажень, пятдесят кос сенокосных і с колцы новых, і для того посланъ из Белагорода нарочно в Чюгуевъ того ж полку порутчик Кирила Летягинъ. I как он в Чюгуевъ приѣдет, і тебѣ б по указу великого государя то всѣ выше писанное велѣть взять с Чюгуевцов со всякихъ чинов людей городовые службы, или им велѣть купить поволною ценою или здѣлать, а взяв или купя прислать въ Бѣлъгород с ним Кирилою Летягиным безо всякого мотчаня тотчас, не описываясь ничѣм, чтоб за тѣм государеву дѣлу порухи і нашему походу нималого мотчанья не учинилось. А будет, ты то выше писанное тотчас не пришлешъ, или і пришлешъ да не всѣ сполна, і учинишъ о томъ хотя малоя мотчаня своею оплошкою, і о твоем нерадѣнье ево великого государя указ о том к тебѣ присланъ будетъ" [1]). Но, не смотря на строгость предписанія, оно исполнялось медленно. 24 марта получено было только 50 косъ сѣнокосныхъ, но воровины не прислано [2]), и уже въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало подтвержденіе Ромодановскаго о присылкѣ въ Бѣлгородъ канату ворового [3]), а 15 мая доставлено было изъ Чугуева въ Курскъ восемь колесъ окованыхъ пушечныхъ да образцовое колесо [4]).

Причинами замедленія въ приготовленіяхъ къ походу, по всей вѣроятности, были кончина царя Алексѣя Михайловича и затянувшіеся переговоры Россіи съ Польшею о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ и татаръ [5]). Наконецъ, въ маѣ 1676

---

[1]) Свиток. III, док. 6.

[2]) Тамъ же, док. 11.

[3]) Тамъ же, док. 22.

[4]) Тамъ же, док. 25.

[5]) „Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича" Е. Е. Замысловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", январь, 1888 г., стр. 2 и слѣд.

года послѣдовала грамота новаго царя Θеодора Алексѣевича о мобилизаціи сѣвскаго и бѣлгородскаго полковъ. Во исполненіе этой грамоты, князь Григорій Ромодановскій писалъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем во 184 году маия въ 23 день прислана великого государя царя і великого князя Феодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержца грамота из розряду к намъ в Курескъ за приписю дияка Петра Ковелина, а въ государеве грамоте написано. Указал он великиі государъ намъ сѣвского и белогородцкого полков і с иными прибылными его государевыми ратными людми збиратца і к войсковому дѣлу против неприятелскихъ людей быти в готовости, царьского величества с подданным войска Запорожского обоих сторон Днепра з гетманомъ с Иваном Самойловичем ссылатца, а по вестямъ і по самым подлиннымъ вѣдомостямъ со всѣми ратными людми итить против неприятелских людей без мотчаня, і о высылке на его государеву службу к нам в полкъ его государевых полковые службы всяких чинов ратныхъ людей в городы к вам воеводом і приказнымъ людем велено писать, чтоб всяких чинов ратным людемъ быть в полку в собране і совсѣмъ в готовости до походу заранее. А его государевы грамоты из розряду сѣвского и белогороцкого полков во всѣ городы к вам воеводамъ і приказным людемъ о высылке на его государеву службу ратных людей со всѣю службою и с полными запасы к нам в полкъ посланы. И тебѣ б по указу великого государя Чюгуевцом ратным всяких чинов людемъ сесь великого государя указ сказать, чтоб они одноконечно на его великого государя службу были готовы і к походу запасы готовили и лошади кормили. А какъ мы впредь о высылке ихъ ратныхъ людей к себѣ в полкъ писать учнем, и они б ратные люди на службу великого государя на назначеное мѣсто к нам в полкъ шли безо всякого мотчаня тотчас, а ратных же людей, которые на службе великого государя въ прошлом во 183 і в нынешнем во 184 годѣхъ по наряду в полкъ не бывали і которые быв до отпуску іс полку бежали, за воеводчиков і есоулов і сотенныхъ и копейщиков і рейтар и драгунов і солдатъ, по прежним росписям, которым велено быть для городового дѣла

на Торскихъ озерахъ, і копейщиков же, которые взяты нынѣ по розбору внов, со всею службою і с полными запасы выслать в Курескъ безо всякого мотчаня тотчасъ і о том к нам отписать" [1]). Послѣ этой грамоты вновь замѣтно оживленіе въ приготовленіяхъ къ крымскому походу. Въ концѣ мая опять выполняются какіе-то заказы на выдѣлку кожъ [2]), и доставляется чугуевцами 130 саженъ воровины [3]), а въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производится усиленное взысканіе денежныхъ недоимокъ за прежніе годы, на жалованье ратнымъ людямъ [4]). 9 іюня 1676 года Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ рейтарскаго строю Григорьева полку Полтева ротмистра Дементья да прапорщика Акима Холиныхъ для осмотра и починки карабиновъ и пистолей у чугуевскихъ рейтаръ [5]). 12 того же іюня Ромодановскій приказалъ чугуевскому воеводѣ оковать, для похода, по присланному образцу, десять колесъ въ запасъ, а желѣза купить изъ неокладныхъ доходовъ или, если этихъ доходовъ нѣтъ, взять съ градскихъ со всякихъ чиновъ людей городовыя службы и доставить колеса въ Бѣлгородъ на чугуевскихъ подводахъ [6]). Исполнивъ это предписаніе, чугуевцы получили новый наказъ оковать еще 8 колесъ. На этотъ разъ они заупрямились, и 21 іюня въ Курскѣ „подали челобитную Чюгуева города дѣти боярские и станичники, стрелцы и казаки и пушкари и воротники всѣмъ городомъ". Изъяснивъ, что они уже оковали 10 колесъ, и что имъ велѣно оковать еще 8, чугуевцы писали: „да они ж купили 20 телѣг самых добрых глабчастых, да 40 хомутов, а хомутъ купили по рублю и болши, да 50 кож дѣланых яловичьих, 30 уздъ новых, 50 аршин холстин, безмен да фунтъ вески, 130 сажен воровины; да они ж строят государевы арбузные и виноградные огороды безпрестанно, а в иных городѣх государевых арбузных и виноградных огородов нѣт, а ныне им тѣх ко-

[1]) Свиток. Ш, док. 34.
[2]) Тамъ же, док. 29.
[3]) Тамъ же, док. 24.
[4]) Тамъ же, док. 40, 43, 44, 49, 51, 53, 55, 56 и 52.
[5]) Тамъ же, док. 38.
[6]) Тамъ же, док. 37.

лес оковать нѣчим". Поэтому они просили освободить ихъ отъ оковки новыхъ 8 колесъ. Но въ отвѣтъ на эту челобитную Ромодановскій строго подтвердилъ чугуевскому воеводѣ оковать 8 колесъ въ скоромъ времени и прислать ихъ въ Бѣлгородъ [1]).

Результатомъ этихъ приготовленій были два похода Ромодановскаго съ Самойловичемъ подъ Чигиринъ, въ первый разъ противъ Дорошенка, а во второй—противъ турокъ и татаръ [2]). Но эти походы еще болѣе раздразнили турокъ и татаръ. Въ 1680 году турки, собираясь идти на Кіевъ, направили татаръ на московскія украйны. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды. Къ Карпову, напримѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день напасть па русскія украйны [3]). Между прочимъ, они взяли въ плѣнъ цѣлый балыклейскій таборъ на Голаго долинѣ, не доходя торскихъ озеръ, и въ числѣ плѣнныхъ увели съ собой въ Азовъ балыклейца Савку Алексѣева или Алексѣенка, съ которымъ встрѣтимся въ послѣдствіи. [4]). Въ виду этихъ набѣговъ, московское правительство сначала постаралось построить новую черту укрѣпленій и по рѣкѣ Мжѣ и нижнему теченію Сѣвернаго Донца и гуще заселить южную часть Слободской Украины, лежавшую въ предѣлахъ нынѣшняго изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи, а потомъ уже сдѣлало новыя попытки наступательнаго движенія на Крымъ.

Еще въ 1680 году генералъ Гр. Ив. Косоговъ тщательно измѣрялъ и изучилъ ту мѣстность, по которой предполагалось

---

¹) Свит. III, док. 54.

²) „Истоорія Россіи“ Соловьева, т. XIII, стр. 258, 259, 266 и слѣд.

³) „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 254.

⁴) Свит. V, док. 26.

провести валъ, ровъ и засѣки и построить рядъ городовъ, слободъ и стоялыхъ острожковъ. Исполнителемъ же плановъ Косогова былъ харьковскій полковникъ Гр. Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій съ сыномъ Константиномъ. Онъ образовалъ изъ сотеннаго городка Изюма полковой городъ и вообще укрѣплялъ и заселялъ новый Изюмскій полкъ и употреблялъ для работы козаковъ своего харьковскаго полка. Укрѣпленіе этой линіи совершилось не вдругъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]), и продолжалось до 1689 года, если не долѣе. Въ іюнѣ 1689 года бывшій тогда въ Изюмѣ думный дворянинъ и воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ поручилъ „столнику князь Якову Івановичю (Мансурову) по новопостроенной чертѣ до Бѣшкина городка досмотреть татарскихъ бродов, также і караулов, которые поставлены на тѣх бродах, и описать тѣ броды именно і сколко на тѣх бродах которых городов служилых людей нынѣ на стороже стоитъ, и всѣ ль с ружем, или хто із них без ружя". Вмѣстѣ съ тѣмъ „в Савинской въ новопостроенный городъ, в Балыклѣю, в Ондрѣева лозы, въ Лиман, в Бешкин воеводам и приказнымъ людемъ и Харковского полку козацкой старшине" послана память, въ которой сказано: „Сего числа по указу великих государей послан ис полку думного дворянина і воеводы полку ево столникъ князь Яков Емикѣев сынъ Мысыревъ по новопостроенной чертѣ до Бешкина городка, а велѣно ему у вас воевод и у приказных людей и у казацкой старшины в тѣх городѣх для указаня бродов имать вожей от города до города по скулку пристойно, и как он князь Яков в тѣ городы приѣдетъ, і вышеписанных городѣх воеводам и приказным людемъ и козацкой старшине велѣть ему давать вожей от города до города, по сколку ему пригоже, без мотчаня" [2]). Перечисленными городами и опредѣляется направленіе новоукрѣпленной линіи. Въ чемъ состояли укрѣпленія этой линіи,—это можно видѣть изъ слѣдующаго денесенія Ловчинова князю Василію Васильевичу Голицыну въ маѣ 1689 года: „По досмотру моему,—писалъ Лов-

---

[1]) „Очерки" Багалѣя, I, стр. 440, 485—487.

[2]) Свиток. V, док. 9.

чиновъ,—прежние крѣпости, которые были построены по новопостроенной чертѣ по рѣке Донцу по перелазам татарскимъ, полою водою поламало и рознесло, а иные в вешнее время погорѣли, а засѣчные мѣста и заповѣдные лѣса во многих мѣстех подлѣ реки Донца новопостроенных городков жители вырубили і к ордам дороги наложили, а в рѣке Донце вода ныне стала мала, и приходу неприятелских людей от Азова к украинным городам через рѣку Донец тѣми перелазы ныне опасно, и по рѣке Донцу на тѣх перелазех и по причинным мѣстам, которыми преж сего через реку Донецъ в черту под новостроенные городки прохаживали воинские люди, для бережения поставлены сторожи, чтоб неприятелских людей без вѣсти в черту не пропустить" [1]).

Придвинувшись, посредствомъ новопостроенной укрѣпленной черты, ближе къ татарскимъ кочевьямъ, московское правительство немедленно возобновило попытки наступательнаго движенія своего на татаръ, тщательно оберегая въ тоже время новую черту укрѣпленій отъ татарскихъ набѣговъ и все болѣе и болѣе продвигаясь вглубь татарскихъ кочевьевъ.

Настутательное движеніе Россіи на татаръ къ концу XVII вѣка выразилось въ крымскихъ походахъ, подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына, въ 1687 и 1689 годахъ, и въ походахъ азовскихъ. Въ первый и второй крымскіе походы козаки раздѣлялись на двѣ очереди такимъ образомъ, что въ 1687 году одна половина ихъ отправилась въ походъ, а другая оставалась дома, тогда какъ во второй походъ 1689 года отправилась другая половина, съ прибавленіемъ нѣтчиковъ и дезертировъ перваго похода. Въ 1687 году, по чугуевскимъ смотреннымъ спискамъ, первая очередь состояла изъ 192 очередныхъ чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей и воротниковъ, слѣдовательно всѣхъ ратныхъ людей въ Чугуевѣ въ этомъ году было около 384 человѣкъ [2]). Въ нашихъ документахъ имѣются только

---

[1]) Тамъ же, док. 13.

[2]) Свиток. V, докум. 12. Въ этомъ документѣ упоминается еще Самарскій походъ 1688 г., вѣроятно для постройки крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, нынѣшней екатеринославской губерніи.

свѣдѣнія о приготовленіяхъ ко второму крымскому и первому азовскому походамъ.

Въ виду втораго крымскаго Голицынскаго похода, велѣно было чугуевскому воеводѣ Степану Богдановичу Ловчинову выслать чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, драгуновъ и пушкарскаго чину людей очередныя половины и нѣтчиковъ и бѣглецовъ втораго крымскаго походу на государеву службу въ крымской походъ къ боярину и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву въ Межирѣчи, не позже 20 февраля 1689 года, всѣхъ до одного человѣка, давъ имъ ихъ великихъ государей жалованье. Ловчиновъ выслалъ 70 человѣкъ въ Межирѣчи къ Неплюеву и кромѣ того 19 человѣкъ въ большой полкъ въ Сумы къ князю Василію Васильевичу Голицыну и 8 человѣкъ въ полкъ къ стольнику, воеводѣ и полковнику Афанасію Алексѣевичу Чубарову въ Рыльскъ, для похода въ Переяславъ, всего 105 человѣкъ, оставивъ въ Чугуевѣ изъ очередной половины только 81 человѣка [1]. Конечно, подобныя распоряженія сдѣланы были и по другимъ городамъ слободской украины [2]. Независимо отъ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ разряду, велѣно было воронежскому воеводѣ Никитѣ Головкину „для их великих государей службы и промыслу над крымскими городы и для ходу морского взять на Воронеже і в иных городех у промышленых людей 40 лоток, а с тѣми лотками послать на Дон в гребцах полку ево Воронежского уѣзду села Яндовищъ 120 человѣкъ казаков“ [3]. Для обеспеченія сухопутнаго похода, построенъ былъ Новобогородицкій острогъ на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, куда посылались изъ Слободской Украины подводчики и проводники [4].

Большая часть служилыхъ людей и козаковъ Слободской Украины освобождена была отъ похода и оставалась дома, для обеспеченія тыла дѣйствующей арміи и охраненія государствен-

---

[2]) Свит. V, док. 12.

[3]) Напр., Харькову и Салтову. См. тамъ же, док. 17 и 1. Шесть салтовцевъ выслано къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметьеву въ полкъ въ крымскій походъ. См. тамъ же, докум. 20.

[4]) Свиток. V, док. 20; сн. свит. VI, док. 1.

ныхъ границъ, и должна была нести довольно тяжелую сторожевую и оборонительную службу. Оставаясь дома для береженья своихъ городовъ, ратные люди должны были высылать подкрѣпленія въ важнѣйшіе пункты Слободской Украйны, въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву [1]), въ Ахтырку [2]) и Изюмъ, и въ то же время оставаться въ домахъ своихъ во всякой воинской готовности на случай новыхъ требованій для отраженія непріятельскихъ нападеній [3]). Но важнѣйшимъ изъ этихъ пунктовъ былъ городъ Изюмъ съ новопостроенною чертою укрѣпленій, какъ по стратегическому положенію своему на самой крайней, отдаленной чертѣ московскаго государства, такъ и по своему значенію въ дѣлѣ дальнѣйшей русской колонизаціи на югѣ Россіи.

Во время крымскаго похода 1689 года, въ Изюмъ посланъ былъ со своимъ полкомъ чугуевскій воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ для храненія новопостроенной черты укрѣпленій отъ приходу непріятельскихъ людей. По указу великихъ государей „велѣно мнѣ,—писалъ Ловчиновъ князю Голицыну,—быть на их великих государей службе по новопостроенной чертѣ на Изюмѣ с полком для береженья украинных городовъ од приходу неприятелских людей, а в полку со мною велено быть ратным людем по наряду іс приказу великие росиі Острогожского полку казацкому полковнику и столнику Івану Сасу, а с ним полку ево казаком Коротояцким, Урывским, Воронежскимъ, Землянскимъ, Ольшанскимъ, Усердскимъ и Новооскольскимъ, всего 1000 человѣкъ, і стать им у меня в полку на Изюме на указной срокъ апрѣля 29 число нынешнего 197-го (1689) году, а досталнымъ полку ево казаком велено быть в домѣх своих во всякой воинской готовости. Да по указу ж великихъ государей и по отписке от тебя, господине, іс болшого полку для малолюдства полку моего ратных людей велено мне по вѣдомостям о приходе неприятелских людей, буде у меня в полку учинятца какие вѣдо-

---

[1]) Свиток. V, докум. 1.

[2]) Тамъ же, док. 17.

[3]) Тамъ же, док. 13.

мості, писать от себя в городы в Харков, в Салтов. в Змиевъ, в Бѣшкин, в Лиман, в Андрѣевы Лозы, в Балыклѣю, в Савинской, на Изюм, в Царев Борисовъ, в Мояцкой, в Соленой, къ воеводам і к приказным людем о присылке к себѣ в полкъ тѣхъ городовъ жителей городовые службы, да Харковского полку городов к казацкой старшинѣ о пресылке казаковъ, которые остались в домѣх за крымскимъ походом, посколку человѣкъ пристойно, на вспоможение на отпоръ неприятелским людем". Исполня приказаніе, Ловчиновъ выбралъ 140 человѣкъ чугуевцовъ изъ семей, для вѣстей, а одиночекъ оставилъ въ Чугуевѣ для береженья города. Но Острогожскій полкъ, назначенный въ Изюмъ, собирался неисправно и не въ назначенномъ составѣ. Лишь 4 мая пришелъ къ Ловчинову въ Изюмъ Острогожскаго Иванова полку Сасова наказной полковникъ Василій Тимоѳеевъ съ козаками и подалъ отписку Ивана Саса съ именнымъ спискомъ козаковъ 1000 человѣкъ; но въ наличности оказалось только 538 человѣкъ, да впослѣдствіи дослано 274 человѣка, а всего 812 человѣкъ, изъ коихъ многіе были пѣши и безъ ружья [1]). Изъ состава Острогожскаго полка явились въ Изюмъ: изъ Коротояка 60 человѣкъ, Урыва 108 человѣкъ съ сотникомъ, Землянска 246 съ сотникомъ, Ольшанска 146 съ сотникомъ, Усерда 71 съ сотникомъ и Новоскола 41, всего 812 человѣкъ. Не доставало въ указное число 188 человѣкъ, изъ коихъ 34 померло въ запорожскомъ походѣ и въ домахъ, 62 козака изъ Ендовичъ посланы съ лодками на Донъ въ гребцахъ для промыслу надъ крымскими городами, 12 бѣжало въ разные города и 80 самовольно не явились въ Изюмъ и остались дома, а именно изъ Коротояка 8, Урыва 1, села Терлевки и деревни Гвоздевки воронежскаго уѣзду 13, Землянка 33, Ольшанска и села Тростянка 14, Усерда и Новооскола 5 [2]). По отпискѣ Ловчинова, Острогожскій полковникъ Иванъ Сасовъ выслалъ въ Изюмъ семь человѣкъ землянскихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ полка; но изъ нихъ двое бѣжали дорогой отъ землянскихъ провожатыхъ [3]).

---

[1]) Свиток. V, док. 6, 7, 13 и 14.

[2]) Тамъ же, док. 14.

[3]) Тамъ же, док. 5.

Между тѣмъ, еще до присылки въ Изюмъ острожскаго полка стали доходить до Ловчинова тревожныя вѣсти о приближеніи татарскихъ скопищъ къ изюмской чертѣ укрѣпленій. Поэтому воевода Ловчиновъ немедленно воспользовался предоставленнымъ ему правомъ требовать себѣ помощи изъ сосѣднихъ городовъ и около 2 мая писалъ „в городы, которые в чертѣ, в Харков к столнику і воеводе къ Ивану Кобякову, в Салтов к Ондрею Колпакову, да харковскаго полку къ салтовскому і к Мартовецкому і к Волченскому и к Печенежскому наказным сотником и атаманомъ о присылкѣ к себѣ в полкъ тѣхъ городов жителей, для отпора непріятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Дону городкахъ велѣлъ держать сторожа по перелазамъ татарскимъ и всѣмъ и всѣмъ причиннымъ мѣстамъ, сообщивъ также вѣсти о приближеніи татаръ наказному харьковскому полковнику Ивану Сербину. Вслѣдствіе требованій Ловчинова, 12 мая ему прислано въ Изюмъ изъ Харькова стольникомъ и воеводой Иваномъ Кобяковымъ 19 русскихъ и 45 черкасъ, да 17 мая съ Салтова 21 человѣкъ дѣтей боярскихъ, всего 85 человѣкъ самыхъ скудныхъ, изъ коихъ только 9 человѣкъ было съ ружьемъ, тогда какъ въ Харьковѣ было до 100 русскихъ людей и до 1000 черкасъ, а въ Салтовѣ свыше 200 человѣкъ русскихъ людей а черкасъ. Кромѣ того, въ разныхъ числахъ мая прислано было къ Ловчинову въ Изюмъ изъ Зміева стольникомъ и воеводой Семеномъ Дурново 10 человѣкъ, изъ коихъ только 5 человѣкъ было съ ружьемъ, да харьковскаго полку съ Салтова 10, съ Печенегъ 25, съ Волчьихъ 19 и Мартовецкихъ 27 человѣкъ скудныхъ и пѣшихъ, изъ коихъ только 15 человѣкъ было съ ружьемъ. Всѣхъ этихъ козаковъ Ловчиновъ послалъ въ Савинской, и въ Бѣшкинъ, и въ иныя мѣста, и велѣлъ имъ быть на татарскихъ перелазахъ съ наказнымъ харьковскимъ полковникомъ Гаврилом Могилкою [1]). Получивъ новыя свѣдѣнія о приближеніи татаръ къ изюмской чертѣ укрѣпленій, Ловчиновъ 1 іюня требовалъ себѣ дополнительныхъ подкрѣпленій изъ сосѣднихъ городовъ, высылки бѣжавшихъ и смѣны прежде высланныхъ козаковъ новыми очередными

---

[1]) Тамъ же, док. 14.

Такъ, онъ писалъ въ Салтовъ Андрею Колпакову, чтобы этотъ послѣдній прислалъ въ полкъ на Изюмъ салтовцевъ городовыя службы всякихъ чиновъ служилыхъ людей конныхъ съ ружьемъ въ добавку къ прежнимъ салтовцамъ, на отпоръ непріятельскимъ людямъ [1]). Того же 1 іюня послана была память печенежскимъ наказнымъ сотникамъ Ивану Леянку да Панку Лозовому, съ предписаніемъ выслать 20 печенежскихъ козаковъ конныхъ и оружныхъ на Савинскій бродъ, для осторожности отъ непріятельскихъ людей, на перемѣну прежней печенежской очереди, а также выслать въ Изюмъ пятерыхъ печенежскихъ козаковъ, бѣжавшихъ съ Савинскаго броду домой [2]). Но изъ Салтова отвѣчали Ловчинову, что въ Салтовѣ „городовыя службы дѣти боярские высланы на службу великих государей в полки к бояромъ и воеводамъ в указные мѣста і в Бѣлгород к столнику і воеводе к Михаилу Борисовичю Шереметеву с товарыщи, и за тѣми высылками ныне осталось самое малое число, і в прибавки к темъ присылнымъ Салтовцемъ послать к тебѣ, господине, в полкъ некого; толко осталось ныне Салтовцовъ городовые службы для перемены Салтовцомъ, которые ныне в полку у тебя двадцать же человѣкъ" [3]). Даже и прежде посланные салтовцы смѣнены были новыми только послѣ нѣскольких напоминаній Ловчинова [4]).

Вслѣдствіе такихъ неисправностей въ доставленіи военной помощи, воевода Ловчиновъ могъ оказаться въ Изюмѣ къ критическомъ положеніи. Назначенный въ его распоряженіе острогожскій полкъ присланъ былъ въ Изюмъ далеко не въ полномъ своемъ составѣ. А между тѣмъ изъ Харькова и Салтова не могли явиться въ Изюмъ немедленно, на отпоръ непріятельскимъ людямъ. Пока придетъ помощь, непріятельскіе люди могли повоевать страну и удалиться назадъ. Поэтому Ловчиновъ просилъ князя Василія Васильевича Голицына сдѣлать распоряженіе, чтобы выслано было въ Изюмъ недостающее число козаковъ острогож-

---

[1]) Свиток. V, док. 1.

[2]) Тамъ же, док. 11.

[3]) Тамъ же, док. 1.

[4]) Тамъ же, док. 8, 16, 19, 20 и 21.

скаго полка [1]). Вѣроятно, вслѣдствіе этой просьбы, 7 іюня 1689 г. прислана была грамота Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны изъ приказу великія Россіи, за приписью дьяка Василія Бобинина, въ Харьковъ и Зміевъ, съ приказаніемъ здѣшнимъ воеводамъ, по вѣдомостямъ о приходѣ непріятельскихъ людей и по письму и по присылкѣ Ловчинова, посылать изъ Харькова и Зміева городовыя службы черкасъ въ полкъ въ Изюмъ, или въ тѣ мѣста, которыя укажетъ Ловчиновъ, по половинѣ конныхъ и оружейныхъ съ перемѣною, а напередъ послать въ полкъ къ Ловчинову для вѣстей по два человѣка [2]). Но и эта царская грамота исполнялась весьма туго и неохотно. Около 15 іюня 1689 года харьковскій воевода Иванъ Кобяковъ писалъ Ловчинову слѣдующее: „В Харкове ныне Харковцовъ городовыя службы черкасъ обявилось мнѣ на смотрѣ 200 человѣкъ, а достольные городовыя службы харковские черъкасы высланы на службу великихъ государей в разные полки бояръ і воеводъ, а иные многие в Бѣлгород і в Охтырской, і в Харкове приставлены для сторожи и береженя Петацких лошадей и для работы в посылку в Бѣлгородъ уголя и лубя и бревенъ и достокъ. Да харковской городовой службы войтъ и сотники и харковского уѣзду селъ и деревень войты ж про тѣхъ харковцов городовыя службы черкасъ сказали, которые на смотре передо мною не обявились, что многие харковския мещане называютца козаками и іх не слушаютъ, і выпровясь подлинно спискоми, тѣх мещан вышлю к тебѣ, господине, в другую перемѣну. А иные многие харковцы городовые службы черкасы скудные и бозлошадные и безружейные и от скудости пошли с Харкова и із уѣзду в иные городы и слободы для работы, чтоб имъ зимою было чѣмъ прокормитца. А которые передо мною в Харкове на лицо обявились, и тѣх харьковцовъ городовыя службы черкас велѣл я росписать пополамъ и по указу великихъ государей и по грамоте исъ приказу великие россіи за приписю дьяка Василя Бобинина одну половину выслал на службу великихъ государей

---

[1]) Тамъ же, док. 13.

[2]) Тамъ же, док. 2, 3 и 4.

к тебѣ, господине, в полкъ июня въ 10 день конных и пѣших и с ружемъ, у которых есть, 87 человѣкъ. А той же половины 13 человѣкъ обявились на смотре пѣшие и без ружя самые скудные и били челом великимъ государемъ, что им ити на службу великихъ государей нѣ с чимъ, запасу нѣтъ и не толко в полку и в Харкове кормитца работою своею, а иные Хрістовым именемъ, и за скудостью выслать их к тебѣ, господине, в полкъ никоторыми дѣлы невозможно“ [1]). Но изъ 87 харьковцевъ, высланныхъ въ Изюмъ, по провѣркѣ оказалось въ наличности только 62 человѣка. Поэтому Ловчиновъ писалъ харьковскому воеводѣ Ивану Григорьевичу Кобякову, чтобы онъ выслалъ въ Изюмъ харьковскихъ нѣтчиковъ, а также 20 русскихъ людей на смѣну прежнимъ [2]). Исправнѣе противъ прежняго оказались салтовцы. 16 іюня послано изъ Салтова на Изюмъ дѣтей боярскихъ русскихъ 20 и черкасъ 20, оставлено въ другую перемѣну 20 черкасъ, не смотря на то, что отправлено было къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву въ полкъ въ крымскій походъ 6 салтовскихъ мѣщанъ съ воловыми подводами, выслано въ Новобогородицкій 6 мѣщанъ съ подводами и съ проводниками и разошлось въ иные города для работы и не сыскано 8 человѣкъ [3]). Отъ начальниковъ укрѣпленій по новопостроенной чертѣ Ловчиновъ требовалъ списковъ наличныхъ жителей и служилыхъ людей [4]). Въ іюнѣ 1689 года маяцкій сотникъ Семенъ Даценковъ писалъ Ловчинову: „По указу великих государей і по приказу вашей панской милости которих козаков жителей Маяцких велѣли полку Харьковского имена прислать, і я Сенко Даценковъ імена козаков списавши лейстровие і которые поприходили полку Харковского козаки і становлятся у мужики, ізбываючи службу, которая стала по указу великихъ государей служба болшая, іс полку Харковского пришло человѣкъ тритцеть без одного, а тих то людей, которие поприходили з розних полковъ, девять человѣкъ,

---

[1]) Свитокъ V, док. 10.

[2]) Тамъ же, док. 31.

[3]) Тамъ же, док. 19, 20 и 21.

[4]) Тамъ же, док. 32, 38, и 46.

і которие откуду пришли, і тих людей в росписѣ к вашей панской милости отсилаю“ [1]).

Относительно сторожевой и оборонительной службы на новопостроенной чертѣ укрѣпленій за 1689 годъ сохранились слѣдующія извѣстія. 2 мая писалъ къ Ловчинову „въ полкъ на Изюм Бышкинской наказной сотникъ Сидор Савелевъ: апрѣля де въ 30-м числѣ с Крымские стороны рѣки Донца от Тиндикова бояраку воинских людей татар человѣкъ с тритцат приѣзжали к рѣке Донцу к Бешкинским бродам и осматривали бродов“. 3-го того же мая писалъ къ Ловчинову въ полкъ тотъ же сотникъ Савельевъ: „Маия ж де во 2-м числѣ к тѣмже вышеписанным бродам приходила многая орда явно и за болшою де водою табора к Бешкину городку не перешла и поворотилась де вверхъ по рѣчке Сухому Бешкину и в степи де запали“. Получивъ эти свѣдѣнія, Ловчиновъ требовалъ подкрѣпленій изъ Харькова, Салтова и отъ салтовскаго, мартовецкаго, волченскаго и печенежскаго наказныхъ сотниковъ и атамановъ, для отпора непріятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Донцу городахъ велѣлъ держать сторожи по татарскимъ перелазамъ и по всѣмъ причиннымъ мѣстамъ [2]). 9 мая шли съ Тору (Славянска) съ солью въ домы свои жители города Гороховца Хмеленковъ и Смеляновскій, и въ дорогѣ въ урочищахъ на Мокатихѣ ихъ побрали воинскіе люди, а четыре бочки соли и съ тѣлегами побрали тарскіе жители и привезли въ Соленой. По приказу Ловчинова, соль и тѣлеги выданы были женамъ плѣнниковъ [3]). Въ концѣ мая и въ началѣ іюня послѣдовало нѣсколько татарскихъ набѣговъ и нападеній на новопостроенную линію, о которыхъ воевода Ловчиновъ доносилъ князю Василію Васильевичу Голицыну слѣдующее: „в нынешнемъ во 197-м году Маия въ 29 день писали ко мнѣ в полкъ на Изюмъ с Соленого Левъ Авдѣевъ, да Мояцкой сотникъ Семен Даценко, а в отписках их написано. Маия ж де въ 28 день воинскіе люди татаровя в урочище за долиною Мока-

---

[1]) Свит. V, док. 10.

[2]) Тамъ же, док. 13.

[3]) Тамъ же, док. 39.

тихою били на Торской дровяной табор, и того де табору всяких чинов людей от тѣх неприятелских людей отошли боемъ до Тарских озер в целости. Да того ж числа писал ко мнѣ в полкъ с Мояцкого Григорей Переверзев: воинские де люди татаровя, которые били на Торской дровяной табор Маия 28-го числа о полудне в дроворубе под Тепленскимъ лѣсомъ розбили і в полон побрали проѣзжих людей немногих, которые остались въ дроворубе отъ табору болшого". Получивъ эти извѣстія, Ловчиновъ того же числа посылалъ полку своего Ѳедосѣя Степанова, да острогожскаго полку урывскаго сотника Ивана Лиходѣева со 120 человѣками[1]), потребовавъ въ то же время подкрѣпленія изъ Салтова и другихъ городовъ[2]). Между тѣмъ татары уже ушли внизъ по Голаго долинѣ. Посыльные ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Торедь, но не догнали ихъ. „А июня въ 2 день,—значится далѣе въ донесеніи Ловчинова,—писал ко мнѣ с Соленого Лев Авдѣевъ: июня де въ 1 день пришел перед него полоненик Водолажской житель черкашенин Матвѣй Жаданъ, а в роспросе перед нимъ сказал: Маия де въ 28-м числѣ не доходя Тарских озер в дроворубе ево Матвѣя с товарыщи 12 человѣк взяли неприятелские люди татаровя Нагайцы и с тѣми де полонениками тѣ таторовя пришли на рѣчку Тор в урочище в Росоши, остановились и от того де урочища тѣ татаровя поворотились, а кошъ с полономъ оставили в тѣх вышеписанных урочищах, а было де тѣх татар человѣкъ со ста, а от тѣх татар он Матвѣй Маия противъ 29-го числа в ночи ушол". 3 іюня, по этимъ вѣдомостямъ, Ловчиновъ посылалъ своего полку харьковскаго наказнаго полковника Гаврила Могилку и съ нимъ 300 человѣкъ. Отрядъ этотъ переправился черезъ Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, дошелъ до ея верховья, а съ верховья поворотилъ къ Тору, не встрѣтивъ татаръ[3]). Сообщивъ эти вѣсти князю Голицыну, Ловчиновъ писалъ также о нихъ и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, который отправилъ отписки съ

---

[1]) Тамъ же, док. 15.

[2]) Тамъ же, докум. 1.

[3]) Свитокъ V, док. 15.

гонцомъ въ Москву[1]). Новыя вѣсти о татарахъ получены были въ Изюмѣ 16 іюня. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу дня, прибѣжалъ къ Ловчинову „в обоз на рѣчьку Изюмъ на лошеди полоненик черкаские породы, а сказался: зовут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи, ушол де он от татар с рѣчки Белинкихъ"[2]). Въ распросѣ онъ показалъ слѣдующее: „Завут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи. В прошлых годѣх тому лѣтъ с восмь взятъ он в полон с таборомъ на Голого долине, не дошед Торских озер, и был в полону в Озове у турченина, и тот де турченин ево босурманил, и тому другой год тот турченин умер, и по смерти ево он свобожился на волю, а взят де он в полон лѣтъ в тринатцать. И ныне де тому десятой день, неприятелских людей татар Озовцов двѣсте, да Нагайцов сто, всего триста человѣкъ, пошли из Озова для войны великих государей под украинные городы и ево де Савку взяли с собою потому, что де он Савка обусурманенъ. И он де Савка, напомня православную Християнскую вѣру, не дошед Торских озер, с рѣчки Беленких июня 16 числа на заре от тѣх татар ушол. А как де он Савка был в Озове, и по вѣдомости де ис Крыму, что великихъ государей ратные многие люди идут для войны на крымские городы, из Озова пошло тысяча пятдесятъ человѣкъ Озовцовъ лутчих людей на помочь Крымъскимъ ордам. А послѣ де походу донскихъ козаковъ в полки, воровских козаковъ росколщиков, которые сошли из донских городковъ на Куму рѣку, человѣкъ триста нынешние весны приходили к Озовцом, да с тѣми ж росколщики приходил Черкаской мурза да с нимъ горских черкасъ человѣкъ с триста, и случась с Озовцы вмѣсте ходили х Коголнику и к Голубымъ и к инымъ городкам и поймали отцов своих и жон и детей и свойственников, у которых были в тѣх городкѣх, и побрав тѣ воровские козаки отцов своихъ и жон и детей и родственниковъ, пошли с тѣми же черкасы на Куму, а Озовцы де возвратились въ Озов. А донские де козаки, которые пошли судами на море, розбили

---

[1]) Тамъ же, док. 22.
[2]) Тамъ же, док. 24.

на мори три судна болшихъ, а по прозванию де турскому тѣ судна *Гимеи*, и турчене де, которые на тѣх гимяях были, тѣ донские козаки побрали, а полонеников де і грековъ и армян отпустили на волю, а в тѣх до гимеях везена пшеница в Озов на продажу, и той де пшеницы они неймали. Да в Озове ж де будучи он Савка слышел, что у цесаря римского и у короля Ѳранцужского и у Виницѣинъ и у Венгров с салтаномъ турецкимъ чинитца бои великие, и пять де каторг турецких да три галены на море ѳранцужские люди розбили. А про государевых людей, которые стоят на Изюме, в Озове вѣдамо, да и про то де вѣдают, что по рѣке Донцу на татарских перелазех поставлены караулы, потому что де татаровя, приѣзжая осматривать бродов, видели на тѣх бродах караулщиков, а въ Озове де и в иных татарских городках на люди и на скоты мороваго поветрия нѣтъ“ [1]). Отправивъ Савку Алексѣева на жительство въ Балаклею, съ приказаніемъ наказному полковнику Гаврилу Могилкѣ поручить балаклейскому протопопу справить Алексѣева къ вѣрѣ христіанской, или же обратно прислать для направленія изюмскому протопопу [2]), Ловчиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ распросныя рѣчи Алексѣева въ розрядъ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову, также въ большой полкъ къ князю Василью Васильевичу Голицыну и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, а о приближеніи татаръ увѣдомилъ харьковскихъ наказныхъ полковниковъ Гавріила Могилку и Ивана Сербина, начальствующихъ въ новопостроенныхъ городкахъ [3]) и между прочимъ царевоборисовскаго наказнаго сотника Кирила Моисѣева, съ приказаніемъ держать караулы у города и по рѣкѣ Осколу и по Донцу по бродамъ [4]). Но предостереженія Ловчинова оказались уже запоздалыми. 17-го же іюня пришелъ въ Соленый въ приказную избу Тарскій житель черкашенинъ Семенъ Карнѣевъ и передъ сотникомъ Львомъ Авдѣевымъ сказалъ: „в нынѣшнем де во 197 году июня въ 17

[1]) Свитокъ V, докум. 26.

[2]) Тамъ же, док. 33, 45 и 34.

[3]) Тамъ же, док. 24, 25 и 31.

[4]) Тамъ же, док. 27.

день был он Семен въ Розищах у казенного броду на речки Тарца і видел воинских людей татар, на заре перелезли на том броду на сей бок Тарца, а по смете воинских людей коней с пятдесят, а куда они воинские люди пойдут, про то невѣдома“ [1]). А слѣдующаго 18 іюня, въ два часа ночи, писалъ къ Ловчинову въ полкъ на Изюмъ съ Соленаго Левъ Авдѣевъ Соленаго же городка со сторожемъ съ Михайломъ Чернымъ, а въ отпискѣ его написано: „июня де въ 17 день били воинские люди татаровя под Соленой городокъ і у Торского де жителя у Ѳилипа Крамара взяли в полон челядника ево Ѳедку черкашенина, и с тѣми неприятелскими людми былъ бой, а по смете де тѣх татар было коной с пятсотъ и болши, а куды де тѣ неприятелские люди пошли, про то ему Лву невѣдомо“. Ловчиновъ переслалъ эти вѣсти въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ ихъ въ Харьковъ стольнику и воеводѣ Ивану Кобякову, въ Зміевъ, въ Салтовъ, въ новопостроенные городки, въ Балаклею, въ Савинской, въ Лиманъ, Бѣшкинъ и др. [2]). 21 іюня того же года торскій житель Грицко Зуба извѣщалъ словесно Льва Авдѣева, что „видел де он Гриц, ишли воинских людей татаръ две юрты от луга к Соляному і не доходя Соляного городка пошли въ Басарабиху, і тѣ воинские люди татарове нигды не обявились“ [3]). На самомъ же дѣлѣ они объявились въ тотъ же день. „В нынѣшнем во 197-м году июня въ 21 день били под Соленой воинские люди татаровя под город и побрали Соленого города жителей и приезжих людей, а было их воинскихъ людей человѣк со двѣсти и болши, и с тѣми воинскими людми был бой“ [4]). Татарами убито 2 человѣка и между ними одинъ изъ Полтавы и одинъ изъ Колонтаева, и взято въ плѣнъ 10 человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ изъ города Куземина, двое изъ Котелвы и одинъ изъ села Слицовъ, Гадячскаго полка [5]).

---

[1]) Тамъ же, док. 28 и 29.

[2]) Свитокъ V, док. 35.

[3]) Тамъ же, док. 41.

[4]) Тамъ же, док. 42 и 44.

[5]) Тамъ же, док. 43.

Нельзя не замѣтить, что всѣ почти эти татарскіе набѣги направлены были на Торъ или Соленый (нынѣ Славянскъ), выдававшійся впередъ изъ новопостроенной черты укрѣпленій и привлекавшій массу чумаковъ, пріѣзжавшихъ сюда за солью. Татарскихъ набѣговъ на какіе-либо центральные пункты Слободской Украины мы теперь не видимъ. Напротивъ, она становится теперь операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ движеній Россіи противъ татаръ. Разыскивая и преслѣдуя татарскихъ хищниковъ, казацкіе сотники Степановъ и Лиходѣевъ, какъ мы видѣли, ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Торедь, а харьковскій наказной полковникъ Гавріилъ Могилка переправлялся со своимъ отрядомъ черезъ рѣку Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, и доходилъ до верховья этой рѣчки. Во время походовъ Голицына на Крымъ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, на рѣкѣ Самарѣ, является Новобогородицкое укрѣпленіе, а впослѣдствіи и Сергіевское. Во время азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ сюда и переносится центръ военныхъ дѣйствій противъ татаръ, тогда какъ Слободская Украина обезспечивала лишь тылъ дѣйствующей арміи и доставляла ей необходимую помощь и провіантъ.

Еще 13 іюня, 1693 года, бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ отпиской изъ Бѣлгорода велѣлъ чугуевскому воеводѣ Евстратію Алексѣевичу Ушакову, чтобы чугуевцы городовыя службы всякихъ чиновъ люди на кормъ государскимъ полковымъ лошадямъ накосили сѣна краснаго по возу и склали въ скирды, вслѣдствіе чего собрано было и сложено въ скирды 660 возовъ [1]). Во время же самаго азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ, изъ Слободской Украины требовались и ратные люди, и сборъ и доставка хлѣба, овса и сѣна для дѣйствующей арміи, и нѣкоторыя принадлежности полковаго обоза.

7 декабря, 1694 года, князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ писалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ къ племяннику покойнаго чугуевскаго воеводы Григорью Ушакову, „чтоб он Чюгуев-

---

[1]) Свитокъ VI, док. 36.

цом ратным всякихъ чиновъ людемъ полковые службы сказалъ всѣмъ вслух, чтоб они однолично к походу были в всякой готовости и лошедей кормили і запасы свои положили въ возы". Подтверждая это приказаніе преемнику Ушакова Семену Еремѣевичу Пашкову, въ концѣ декабря Борисъ Шереметевъ писалъ ему: „и тебѣ б чюгуевцом ратнымъ всякихъ чинов людемъ полковые службы однолично сказать всѣмъ вслух з болшим подкреплением і в Чюгуевской уѣздъ во всѣ станы і в села і в деревни послать із Чюгуева приказные избы подячихъ с наказными памятми і велѣть им ратнымъ людемъ потому ж сказывать з болшим подтвержением, чтоб они однолично к службе і к походу были во всякоі готовости і лошедеі кормили і запасы свои положили в возы, а какъ о высылке их к себѣ въ полкъ учьну я къ тебѣ писать, и тебѣ б для высылки их ко мнѣ въ полкъ ѣхать із Чюгуева во всѣ села і в деревни самому і высылать ихъ ко мнѣ в полкъ в назначеные места денно и ночно с великимъ поспешениемъ і велѣть имъ ко мнѣ в полкъ итить днем і ночию наспех, не мешкая нигдѣ ни малого времени, а что о том учинено будетъ, о том ко мнѣ писать" [1]). 4 января 1694 года Борисъ Шереметевъ вновь писалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову; „в нынешнемъ въ 202-м году генваря въ 4-м числѣ вѣдомо мнѣ учинилось по вестовымъ писмамъ из розных мѣстъ, что конечно многочисленныя орды из своихъ поганских жилищъ рушились и по своему поганскому злому намѣрению хотят приходить войною под украиные городы сими часы вскоре, и тебѣ б от приходу тѣх неприятельских людей однолично жить в великой осторожности, а Чюгуевцом ратным людем всяких чинов полковые службы однолично сказать всѣм вслух с великимъ подкреплением, чтоб они къ службе и къ походу были во всякой воинской готовости, и лошади кормили и запасы свои положили в возы конечно безо всякого отлагателства, а какъ я учну к тебѣ писать о высылке ихъ ратных людей к себѣ в полкъ, и тебѣ б ихъ ратных людей высылать ко мнѣ в полкъ денно и ночно с великимъ поспешениемъ і велѣть им ратнымъ

[1]) Тамъ же, док. 9. О смерти Ушакова и пріемѣ воеводства Пашковымъ см. тамъ же, док. 23, декабря 13.

людем ко мнѣ в полкъ итить не мешкая нигдѣ нималого времени, и что о том учинено будет, о томъ ко мнѣ писать“ [1]).

Изъ послѣдняго предписанія можно видѣть, что слободскіе полки готовились собственно для защиты украинныхъ городовъ отъ непріятельскихъ людей, а не для отдаленнаго похода. Въ послѣднемъ участвовали преимущественно регулярныя войска, для которыхъ Слободская Украина должна была доставлять провіантъ и на мѣстѣ, и въ Новобогородицкое и Сергіевское укрѣпленія на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи. Грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 10 ноября, 1694 года, предписывалось слѣдующее: „Указали мы великие государи на кормъ нашимъ великих государей ратнымъ людемъ, будучимъ на Самаре въ Новобогородицком і в Сергиевском взять хлѣбныхъ запасовъ Белогородцкого полку с указных з деветнатцати городовъ, сверхъ окладного четверикового и стрелецкого хлеба, муки ржаные пятнатцать тысячь четь и отвесть тот хлѣбъ из указныхъ мѣстъ, ис Курска, іс Хотмышска, із Ахтырска по пяти тысяч четей, и под тот хлѣб подводы с подвотчики взять Чугуевцовъ і иныхъ Белогородцкого полку с тритцати городовъ полковые і городовые службы и со всяких чиновъ служилых градцких жилецкихъ и посадцкихъ и с уѣздныхъ и с уѣздныхъ же со властелинскихъ и с монастырских і вотчинниковых с крестьян і бобылей, по переписнымъ книгамъ 188 (1680) и 192 (1684) и 199 (1691) годов і которые обявятца сверхъ переписных книгъ, по розвытке с четырех дворов подводу с подвотчики, с кули и с рогожи и с веревками, і выслать тѣ подводы с Чюгуева въ Ахтырской генваря къ 15-му числу нынешнаго 202-го году неотложно, а в Ахтырску положить того хлѣба по две чети на подводу и проводить тот хлѣб до Новобогородицкого нашимъ великихъ государей ратным людемъ пѣшего строю и черкасом, а в Новобогородицком приняв тотъ хлѣб у подвотчиковъ и отпустить тѣхъ подвотчиков с подводы с тѣми ж ратными людми, которые будутъ за ними в провожатых, в домы их без задержанья“. По переписнымъ книгамъ 1684 года, въ Чугуевѣ и

[1]) Свитокъ VI, док. 22.

въ чугуевскомъ уѣздѣ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей числилось 672 двора [1]); слѣдовательно, съ Чугуева и чугуевскаго уѣзда требовалось, полагая по одной подводѣ съ четырехъ дворовъ, всего 168 подводъ, каковое число прямо и указывается въ подтвердительной царской грамотѣ 10 декабря того же года [2]). 22 декабря чугуевцы выбрали 168 человѣкъ подводчиковъ, за поручными записями [3]), и составили имъ роспись [4]), а 9 января эти подводчики съ подводами отправлены были въ Ахтырку съ дьякомъ Осипомъ Пузиковымъ и съ провожатыми [5]).

Кромѣ сбора и доставки хлѣба въ Новобогородицкій и Сергіевскій, жители Слободской Украины обязаны были доставлять провіантъ для проходившихъ черезъ нее полковъ. Около 17 декабря, 1694 года, князь Борисъ Шереметевъ велѣлъ объявить чугуевцамъ, чтобы они продавали сѣно и овесъ для полковыхъ подъемныхъ лошадей и съѣстные и конскіе кормы ратнымъ людямъ [6]). Въ 20-хъ числахъ декабря Борисъ Шереметевъ велѣлъ харьковскому воеводѣ Степану Акимовичу Сумарокову отослать его отписки въ Царевоборисовъ къ Михайлу Моисеевичу Переверзеву, въ Маяцкой Андрею Степановичу Мокѣеву, въ Купенку Андрею Берестецкому, въ Каменку атаману Ивану Данилову, въ Сенковку сотнику Семену Осипову, въ Двурѣчной сотнику Игнатію Матвѣеву и въ Острополь атаману Якову Согуну о коскѣ сѣна въ Маяцкомъ [7]). Особенно же обременителенъ былъ для Чугуева уманскій полкъ солдатскаго строя, квартировавшій въ Чугуевѣ. 20 декабря, 1694 года, выдано было въ уманскій полкъ полковника Бориса Бенина къ обозному строю 30 лубковъ [8]). Того же числа Бенинъ писалъ къ Шереметеву въ Бѣлгородъ, что

[1]) Тамъ же, док. 1; см. подтвердительную грамоту 7 декабря тамъ же, док. 16, а также док. 8.

[2]) Тамъ же, док. 3.

[3]) Свитокъ VI, док. 18.

[4]) Тамъ же, док. 19.

[5]) Тамъ же, док. 17, 21, 25 и 27. Но изъ Печенѣжской Слободы прислано было 10 худыхъ лошадей, которыя замѣнены въ Чугуевѣ хорошими. Тамъ же, док. 14 и 15.

[6]) Тамъ же, док. 2.

[7]) Тамъ же, док. 4, 5 и 6.

[8]) Тамъ же, док. 11.

въ наказѣ де у чугуевскаго воеводы „о даче государскимъ полковымъ подемным лошадям ничего не написана, а лошади стали от безкормицы всѣ худы, а есть де в Чюгуеве зборной стрелѣцкой овес, і без указу де того овса не даютъ, і о том бы ему указ учинить“. Вслѣдствіе этого, Шереметевъ предписалъ чугуевскому воеводѣ выдать Бенину овса и сѣна, „а что дано будет, і вмѣсто того даного овса собрать з грацких і с уѣздных людей, а собравъ положить в житницы без мотчанья“ [1]). 26 тогоже декабря Бенинъ снова писалъ Шереметеву, „что де чюгуевцы конскихъ и съясныхъ кормовъ не продают“, а Шереметевъ 31 декабря приказывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову: „і тебѣ б о даче подемным лошадям сѣна і овса і о скаске і о продаже Чюгуевцом съясных і конских кормовъ Усмонского полку солдатом учинить по прежнему і по сему великих государей указу, а что учинено будетъ, о том ко мнѣ писать“ [2]). 5 января, 1694 года, Борисъ Шереметевъ предписывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову собрать съ чугуевцевъ и печенежцевъ сѣна и овса для 69 подъемныхъ лошадей усманскаго полка полковника Бенина, по полувозу сѣна и по получетверичку овса съ двора. „И буде Чюгуевцы всяких чиновъ люди вскорѣ на продажу ратнымъ людемъ съясных запасовъ и конских кормовъ не повезутъ и указною ценою продавать не учьнут, и тебѣ б у них взять по возу сѣна со всякого двора безденежно, а взяв отдать полковнику Борису Бѣнину с роспискою без мотчаня“ [3]). Пашковъ отвѣчалъ Шереметеву, что сѣно и овесъ для лошадей Усманскаго полка собраны съ чугуевцевъ еще до пріѣзду его Пашкова, а по пріѣздѣ его собираютъ вновь; но жители селъ Бабки и Телѣги сѣна не даютъ, такъ какъ Усманскій полкъ, идя въ Чугуевъ, потравилъ ихъ покосы на рѣкѣ Бабкѣ и позабиралъ сѣно. Поэтому Пашковъ просилъ у Шереметева дозволенія принимать отъ чугуевцевъ, вмѣсто сѣна, овесъ, присовокупивъ, что чугуевцы „конскіе кормы і съесные запасы въ Чюгуев привозят і ратным людем продают поволною

[1]) Тамъ же, док. 10.
[2]) Тамъ же, док. 7.
[3]) Свитокъ VI, докум. 12 и 13.

ценою" [1]). Въ отвѣтъ на это, Шереметевъ предписывалъ воеводѣ Пашкову наказывать батогами ратныхъ людей, если они тайнымъ обычаемъ учнутъ грабить сѣно" [2]), но не отмѣнилъ прежняго своего распоряженія. 23 января Пашковъ посылаетъ въ Печенежскую слободу Петру Ивановичу Маслову подтвержденіе о присылкѣ сѣна и овса въ Чугуевъ для лошадей Усманскаго полка [3]).

Походъ объявленъ былъ только на Крымъ. Огромное войско, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилось къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собой и малороссійскихъ козаковъ. Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два турецкіе городка Кази-Кермень и Таганъ. Но войско новаго строя, созданное Петромъ Великимъ, полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ Московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ генераловъ Голована, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, т. е. самъ царь [4]). На этотъ разъ оно потерпѣло неудачу подъ Азовомъ, который взятъ былъ лишь въ 1696 году. Это было первое торжество Россіи надъ страшными дотолѣ турками и предвѣстіе дальнѣйшихъ побѣдъ ея надъ ними.

Н. Петровъ.

---

1) Тамъ же, док. 20.

2) Тамъ же, док. 28.

3) Тамъ же, док. 24.

4) „Исторія Россіи" Соловьева т. XIV, стр. 221 и 224.

МОЛОТНИКИ.

(*Бытовой разсказъ*).

У насъ, кто не имѣетъ своего *плуха воливъ* и не сберется даже на то, чтобъ быть *супряжникомъ*, тотъ „становится молотить за коробку".

Четверо такихъ убогихъ людей провѣдали, что у вдовы, сосѣдней хуторянки, хорошій урожай, а поля у нея въ каждую руку по пятнадцати десятинъ.

Пришли: „Чы треба молотныка?"

„Треба, та ще й геть: бо я, колы хочете знаты, не люблю пизнытысь. Ярыну мени такъ перемочять та переточять, що скотъ понюхае й не йисть, а въ жыти повного колоса не знайдешъ".

„Ну, яка жъ у васъ мирка?"

„Така, якъ и въ людей".

„У людей, мы чулы, дванадцята",

„А я чула, симнадцята".

Стали договариваться. Дѣло пошло на ладъ. Согласились молотить за пятнадцатую коробку. Только старшій молотникъ, по прозванію Тупотунъ (у насъ ревизскія имена не всѣ въ ходу: одинъ другаго знаютъ по прозванію, которое дается случайно). Вотъ Иванъ Тупотунъ осмотрѣлся кругомъ и говоритъ:

„Усе гараздъ у васъ, добродійко, одно не гараздъ: пекарня тиснà".

„Се не велыка бида,—отвѣчаетъ вдова,—хиба не можна углы россунуты?"

„Та воно то правда,—отвѣчалъ серьезно Тупотупъ.—Дакъ одъ же щò: не псуймо будивли; бо не дъ Велыкодню йде, и дъ Риздву. Нехай товарыство мистыцця по лавкахъ, а я соби зроблю оселю пидъ столомъ, абы мени солома“.

Иванъ Тупотунъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, дюжій, румяный, круглолицый, русоволосый, средняго росту, глаза голубые, добрые. Но эти глаза всегда смотрѣли въ землю и только тогда поднималъ онъ ихъ спокойно на своего слушателя, когда его комическое слово вызывало смѣхъ. Самъ Тупотунъ смѣялся едва замѣтной улыбкой, но и тогда лицо его оставалось пасмурнымъ. Вообще онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто ему было смѣшно и удивительно одно: что люди могутъ отъ чего-нибудь смѣяться.

Молотники пришли вечеромъ, договорились, и тотчасъ каждый выбралъ себѣ мѣсто спанья. Но одинъ Тупотунъ нуждался въ соломѣ. Товарищи его преспокойно расположились на голыхъ лавкахъ, подложивъ подъ изголовье свои кожушки. Самый ветхій кожушокъ былъ у Кавуна. Звалъ онъ его *кажанòкъ* и для теплоты носилъ подъ нимъ свытынку своей жинки, чтó никого не удивляло. Штаны изъ домашней выбойки у всѣхъ были въ протертыхъ заплатахъ, на которые наложены новыя лàтки, чтò также было въ порядкѣ вещей.

Радовалась вдова, что Богъ ей послалъ хорошихъ молотниковъ. Люди знакомые изъ сосѣдняго села, а жила вдова себѣ хуторкомъ. Держала свой плугъ воловъ: наймытъ ходилъ за плугомъ, а наймычка была за погоныча. Хозяйливая была вдова и не любила такихъ людей, которыхъ зовутъ у насъ незвычайными. Да боялась таки, какъ хуторянка, людей захожихъ, которыхъ звала заволòками.

Другаго молотника звали Карпо Кавунъ. Этотъ всегда молчалъ, но до смѣху былъ великій охотникъ и былъ себѣ, что называется у насъ, при здоровьѣ человѣкъ. Волосы черные, курчавые, взглядъ спокойный и правдивый.

И двое остальныхъ, Хома Макитра да Харко Колотуша, люди были смирные, нужды нѣтъ, что веселые. Всѣ были почти что ровесники, люди, что называется, подстарковатые. И это хорошо: а то молодые старика пожалуй ради *жарту* станутъ, какъ у насъ

говорится, припекать. Вилять молотнику нельзя: молотникъ не косарь: тотъ присядетъ къ гострилу, наточитъ косу и отдохнетъ; молотникъ и не жнецъ: тотъ самъ по себѣ гонитъ свою постать. А тутъ трахъ, трахъ, трахъ, трахъ! не отставай!

Молотьбы у вдовы было довольно. Часть поля отдавала она половинщикамъ; но эта часть всё уменьшалась, и вотъ по какой причинѣ. Наймычка рѣдко дослуживала у нашей вдовы хуторянки до конца году: какъ разъ нагрянутъ сваты послѣ Дмы́тра, а она свою наймычку всегда хвалитъ; умѣетъ, что называется, показать товаръ лицомъ, да умѣетъ кромѣ того и къ хозяйству пріучить. Это послѣднее обстоятельство всѣмъ было извѣстно. Смотри, сирота, вдовья дочка, идётъ отъ нея за отецькаго сына. Тогда сейчасъ находится другая наймычка, и непремѣнно если не послѣ Покровы, то ужъ послѣ Дмы́тра будетъ засватана. Это привлекало ко вдовѣ самыхъ красивыхъ и работящихъ дивчатъ изъ села, нужды нѣтъ, что въ хутора наши дивчата неохотно нанимаются.

Но въ парубкахъ ей не счастливилось: шли къ ней только такіе, которыхъ пахари браковали. Причина была та, что парубки любятъ сельскія собранія, а дѣвушки у нихъ передъ глазами на выборъ. Наконецъ сталъ служить у вдовы парубокъ, вездѣ извѣстный за дурака. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ недалекъ въ хозяйствѣ; но за то такъ послушенъ, что вдова не знала ему цѣны. Парня звали Антонъ, по уличному Куцый. Некрасивое прозвище: *Куцымъ* или *Куцакомъ* величаютъ у насъ того, что въ пеклѣ поджариваетъ грѣшниковъ. Да и не былъ онъ куцъ, то есть малорослый; напротивъ, очень выросъ изъ свитки, которая была у него повидимому на всю жизнь одна, какъ и кожа на тѣлѣ. Свитка сдѣлалась куцая, а по бѣдности не за что было справить подлиннѣе. Такъ и утвердилось прозвище Куцый за бѣднымъ сиротой Антономъ.

Что касается дураковатости Антона, то въ этомъ люди были правы. Когда вдова скажетъ ему „Антонъ!“ онъ отзывается къ ней „хорошо!“ и вообще его отвѣты рѣдко соотвѣтствовали вопросамъ. Повидимому онъ это сознавалъ и никогда не принималъ участія ни въ какомъ разговорѣ; даже на вопросы отвѣчалъ только хозяйкѣ;

отъ постороннихъ же отдѣлывался упорнымъ молчаніемъ. И не смѣялся никогда Антонъ, какъ бы ни смѣшенъ казался другимъ разсказъ про жида, цыгана, ляха, литвина. Все это утвердило всѣхъ и каждаго во мнѣніи, что Антонъ—дуракъ. Такъ думала о немъ и вдова. Но однажды этотъ дуракъ говоритъ ей что называется ни съ сего, ни съ того: „Добродійко! чи вы бъ мене не оженылы?“

А вдову ничто не озадачивало.

„Чому не оженыты?“ отвѣтила она „абы ты заслужывъ того“.

„Я заслужу,—говоритъ общепризнаный дурень рѣшительно.—Скильки вы запоралы поля торикъ?“

„Висимъ десятынъ толокы, та висимъ на зябъ ярыны?“

„А я пидіймаюсь по девяты запораты“.

„Нехай тоби поможе Богъ и Божа Маты. Дакъ оце тебе за се й ожены?“

„Ни, не за се, а ось за що, добродійко. Служытыму я вамъ годъ, служытыму два и тры, и що году прыбавлятыму запоранои толокы й ярыны; а вы карбуйте соби копы, снопы и вмолотъ. Якъ мало вамъ трёхъ литъ, я ще послужу“.

Равнодушно приняла вдова предложеніе дурня,—не высказывала она никогда ни радости, ни печали, но въ душѣ восхищалась дурнемъ Антономъ Куцымъ. „Это мнѣ благодать Божія“,—думаетъ она, но испытанная въ жизни многими опытами, долго не довѣряла, чтобы исполнилось все то, что было ей обѣщано.

Но проходитъ годъ, другой, третій, и у ней обрабатывается поле собственнымъ плугомъ по одинадцати десятинъ въ руку.

Вдова не хвалитъ своего дурака-наймыта ни ему самому, ни другому кому-нибудь: ему самому, чтобъ не возгордился, а сосѣдямъ, чтобъ „не одбили“. Даже свиты не справляетъ ему длинной: какъ пришелъ къ ней Куцый, такъ и остался. Стали однакожъ люди замѣчать, что работа идетъ у вдовы на славу, да и хлѣба на десятинѣ родитъ больше противъ другихъ ратаевъ.

„И, люде добри! говоритъ сосѣдямъ вдова.—Се все дурень за моимъ прыводомъ робыть. Я раненько встану, скотынку выжену на пашу, а зимою сама й разивъ килько синця вскубну та волыкамъ

пидложу; отъ волыкы веселенько въ плузи ремыгають, а я дурня свого въ спыну поштовхую; де такъ и прыбавляю й прыбавляю оранкы. А що бильше въ мене хлиба родыть, то знайте—се мени Пречыста помагае про мое одыночество, а то ще я—самы бачыте—скоту доволи на пашу прыймаю. Хуторець мій одрубный; е де вынасты, а скотъ мени гнойку прыдбовуе. И вже я въ осени й напровесни не дамъ Антону гавы ловыты: знай возы та й возы на поле гноёкъ. А вы сами здорови знаете: у кого рукы въ гнойку, въ того душа въ лойку. Жывемо, хвалыты Бога, не згиршъ. Не жалуемо соби сытенькои баранынкы до що. За все, про все треба дякуваты Богу мылосердному".

Такъ удаляла вдова догадки сосѣдей о стараніяхъ дурня Антона Куцаго, а между тѣмъ размышляла въ душѣ своей такъ:

„Забравъ Господь до себе дитокъ моихъ и чоловика забравъ. Одружу я сёго сыроту; нехай винъ жыве въ мене. За нымъ усе: винъ мене й на свити держыть. А тутъ же й наймычка въ мене така трапылась, що не жаль їй кусокъ города поступыты. Не показнà вона съ себе, кирпатенька и трошкы глухенька, да до роботы руча, и голосомъ прыятна, вдачею тыхенька. За такою жинкою чоловикъ ни нудьгы, ни нужы не знатыме".

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ стали у вдовы молотники молотить за коробку.

Деликатные люди были молотники: они знали, что у такой хозяйки найдется чтò поужинать. У нея и салà въ запасѣ, а подъ осень и бараньи джикгыри. Но молотники поужинали дома и тотчасъ улеглись спать.

Вдова изъ своей свѣтлички долго слышала веселый смѣхъ убогихъ людей и благодарила мысленно Бога за то, что, оставшись одна на свѣтѣ, была, что называется, господынею заможною, такъ что и бѣдняку есть у нея заработокъ.

Интересно ей было знать, чтò заставляетъ молотниковъ такъ беззаботно, такъ весело смѣяться. И начала она замѣчать, что говорилъ одинъ только, именно Тупотунъ, прочіе смѣялись. Изрѣдка кто-нибудь произносилъ слóва два-три, и опять смѣялись. Наконецъ

голоса слушателей Тупотуна совсѣмъ умолкли, но его голосъ продолжалъ ровнымъ тономъ непрерывную рѣчь. Такъ и уснула вдова, прислушиваясь какъ бы къ журчанью весенняго ручья-бурчака. Утромъ еще ни свѣтъ ни зоря, вдова встала и вмѣстѣ съ наймичкой сготовила снидання.

„Ні, госпо́сю“, сказалъ Тупотунъ, „треба спершу вмолотыты на вдову, а тоди вже и йисти“.

Вдовѣ понравился добрый обычай, но тѣмъ не менѣе она пошла вслѣдъ за молотниками въ клуню и неотступно слѣдила за работой. Случалось ей имѣть такихъ молотниковъ, что прятали въ кули недомолоченные снопы жменями, или уменьшали отсчитанные снопы, откладывая на засторонокъ; а опытная хозяйка по числу перевеселъ видѣла фальшь, и, ничего не говоря плутоватымъ людямъ, никогда уже не давала имъ у себя заработка. Но такъ поступали съ нею тѣ, которые молотили за деньги; однакожъ вдова находила нужнымъ присутствовать и при молотьбѣ тѣхъ, которые „становылысь за коробку“.

Смолотилъ Тупотунъ съ товарищами десять сноповъ на вдову, и пошли снидать. Во все время работы, веселые бѣдняки не переставали балагурить, перекидывались отрывочными словами и смѣшили другъ друга: но тотъ, кому принадлежала острота, никогда не смѣялся, а Тупотунъ только съ удивленіемъ и легкой усмѣшкой поглядывалъ на товарищей.

Одинъ изъ молотниковъ Карпо Кавунъ сказалъ:

„Треба мени черезъ день збигаты до дому. Хлиба нема въ госпо́ди—хочъ груды тешы. Треба вготовыты, одвезты въ млынъ: а то наши жинкы якъ уготовъ ій дровъ, хлиба, дакъ и мовчыть, а ни, до такъ и пре колиньмы зъ хати. Ну, рушаймо жъ снидаты“.

Понравился молотникамъ завтракъ у вдовы.

„Такъ и моя жинка не втне“, сказалъ Карпо Кавунъ.

Обѣдъ еще больше понравился, такъ что вечеромъ, заканчивая молотьбу, молотники говорили: „Ни, брацци, не хапаймось, а трепнимо ще на вдову“.

„Эге, эге!“—подхватили другіе,—„трепнимо хочъ снопивъ съ пять“.

А трепнувши вмѣсто пяти цѣлый десятокъ сноповъ, сгладили грядку жита, сдѣлали цѣпомъ крестъ и говорили: „Нехай же теперъ Маты Божа достерегае“.

„Бачъ, якъ гарно розумни люде говорять“,—сказала вдова своему Антону.—„Замичай, до й самъ колысь будешъ розумнымъ“.

А въ это время Антонъ возилъ изъ клу́ныща навозъ.

„Та пора, добродійко, вже й теперъ вашому дурню набратысь розуму“,—сказалъ Хома Макитра.—„Который ёму годъ?“

„А который же ёму годъ?“ отвѣчала вдова на вопросъ вопросомъ.—„Думаю, бильшъ двацяты двохъ.—Та винъ безбачченко, до ничого сёго й не знае. А маты, не вамъ кажучы, пидъ тыномъ умерла“.

„Сказано, самосійна дытына: тымъ и дурный“—замѣтилъ Харко Колотуша.

При этомъ Хома Макитра вздохнулъ и сказалъ:—„Лучче бъ и въ мене бувъ дурный сынъ“.

„Щó ты говорышъ? нехай Богъ крые!“—сказала вдова.

„Те що чуете. У мене такий розумный сынъ, що вже двичы сыдивъ на грудяхъ“.

„Якъ се?“

„А такъ, що я его за чуба а винъ мене за груды, та й пидгорнувъ пидъ себе, наче ведьмидь“.

Разсмѣшило и это двоихъ слушателей. Но вдова не смѣялась, и когда на другой день пришла въ клуню къ молотникамъ, то сказала имъ:

„Сами выновати вы, добри люде, що диты васъ не поважають; на себе жалкуйте“.

„А що вы думаете, бра̀ття?“—продолжалъ Харко Колотуша.—Господыня наша, нехай такъ щаслыво викуе, наче раюе, вона, я чувъ, древнёго роду людына: всячыну перѐказомъ знае; що ни рече, мовъ тоби съ письма бере. Ничого гриха таиты, мы сами вынувати. Покы дытя малесеньке, николы не зупыняемо. Я й самъ теперъ порозумнищавъ, якъ померлы мои диты, а то, якъ що, до мени, або своій матери, межы очы плюхъ! А иноди ско̀чыть роз-

бадёрывшысь, та пугою тебе й набье. А мы регочемось. Далеби що такъ! А разъ, дакъ ось яке выгадало: де воно й почуло! Я васъ у Сибиръ позавдаю! Оце жъ Богъ ихъ одибравъ, до туды имъ и дорога. Хай Богъ простыть. Оце чую—бодай було не чуты!—що вже й твій сынъ у тебе на грудяхъ сыдивъ, та й не жалкую, що й померлы. А якъ же ты ёму й догоджувавъ"!—

За вечерею вдова постоянно слышитъ изъ своей свѣтлички разговоръ въ полъ-голоса, но не можетъ различить, что̀ говорятъ: столько было смѣху. Потомъ уже наймычка донесла ей, что это всё Тупотунъ такъ оживляетъ застольную бесѣду. Разсказываетъ о своемъ путешествіи на Донъ, о вѣдьмахъ, о своей домашней жизни, и конца нѣтъ его разсказамъ. А когда легли спать, онъ опять продолжалъ безконечную сказку про голаго царя, что хотѣлъ поймать лебедя въ золотой коронѣ, про подстрѣленнаго орла и его сестеръ-царевенъ, про бабу въ лѣсу съ двѣнадцатью сыновьями разбойниками, и конца нѣтъ его сказкамъ.

„Уже яка я до ныхъ охоча,—прибавила отъ себя наймычка,—та й мене сонъ зморыть, не дослухаю, покы замовкне".

Ничего не отвѣчала вдова, но сама себѣ подумала:

„Усякъ чоловикъ заглушуе свое горе: хто пъянствомъ, хто скнаростью, а сей, бачъ, казка̀мы!"

Слѣдя однажды въ клунѣ за работою молотниковъ, вдова сказала имъ:

„Дивуюсь я, слухаючы васъ, яки вы люде весели! Цилый день працюете и про вдову, спасиби вамъ, не забуваете, потомытесь, а знай жартуете".

„Чомъ же намъ не жартуваты?—сказалъ Иванъ Тупотунъ. Хыба журбою поле перейдешъ? Я, добродійко, виджурывся за себе тоди, якъ сватався".

„Хыба жъ се журбова ричъ?"—спросилъ Харко Колотуша.

„Добре тоби таке казаты. Тоби жывецця и на скыбку берецця", сказалъ Тупотунъ и замолчалъ.

„Мабуть, не дурно винъ учора, йдучи до клуни, спивавъ такои сумнои",—замѣтилъ Макитра.

„Про гадыну?“ спросилъ лаконически Кавунъ.

„Эге: що журба коло серця мовъ гадына въецця. Гарна писня, та чы не самъ винъ и проложывъ? Якъ до ладу проложено, дакъ я заразъ и перейму:

Чомусь мени, брате, горилка не пъецця:
Коло мого серця мовъ гадына въецця.
Коло серця, брате, коло серця мо́го,
А колы не вирышъ, нехай коло тво́го!“

„Тымъ винъ и мени завидуе“.

„А вже жъ тымъ, заговорилъ опять Иванъ Тупотунъ. Нихто того не видае, якъ сырота обидае. Я жыву, брате Хомо, прыкупывшы горя. А колы хочешъ знаты, дакъ за мене годивъ, може, десять не йде́ та й не йде не одна дивка. Хтось про себе онъ якъ проложивъ:

Ой выйду я за ворота,
Сюды туды гляну,
Одна несе вареныкы,
А друга сметану...

Взрывъ хохота смѣшливыхъ перебилъ его рѣчь, и сама вдова разсмѣялась.

„А я, не вамъ кажучы, выйду було на майданъ: дивчатъ стилько, що за день не перевишавъ бы, а пиды свататысь, дакъ и чоботы видтопчешъ. Та̀ хустокъ не напряла, та̀ рушныкивъ; та до Пѐтра не пійде, та по жнывахъ; та̀ по обмоло̀тынахъ надумалась иты; та̀ ще полотна не вбылыла. Щобъ васъ дидько усихъ злызавъ! Бида вбогому чоловикови паруватысь. За думкамы и ничъ мала, а за ходнею—день. Задумавъ нетяга женытысь,—тамъ пиде шапкы позыче, де свытку, де пояса, де чоботы. Я пійшовъ, тилько гнива̀ дойшовъ и добра не знайшовъ. Хотивъ бувъ уже въ чѐнци йты, дакъ тамъ усе треба мовчати, да нызько кланятысь. Тутъ хочъ горе свое кому розкажешъ, да й туга спаде зъ серця, а тамъ творы молытву да мовчы“.

„А тоби се всёго гиршъ, якъ мовчаты“, сказалъ Харко Колотуша

„Се справди була бъ ёму бида!“ думала вдова, слушая печальную исповѣдь съ участіемъ. Женщина она была добрая.

„Ни, скажы мени, Иване“,—спросилъ Харко Колотуша,—„чомъ за тебе дивчата не йшли? Сёго жъ, кажуть, цвиту по всёму свиту“.

„Чому не йшлы! Ось чому! Одно: що въ мене було стилько худобы, якъ у шолудывого чуба, а то ще прозвано мене злодіемъ. Злодій тай злодій,—всюды мене й цураюцця“.

„Хиба жъ ты справді бувъ колы злодіемъ?“—сказалъ Колотуша „Мы знаемъ тебе одколы, а злодіемъ не звемо“.

„Я не злодій, братци, и не бувъ злодіемъ, а злодюжкою бувъ. Отъ люде зъ злодюжкы та й зробылы трохы не злодіяку“.

„Якымъ же ты бувъ злодюжкою? Выбачай, що спытаю“,—сказала вдова.

„А ось якимъ, колы хочете знаты. Бувъ я хлопчыкомъ, ще й сыротою, у одного пана и паніи. Звисно, треба щось и сироти робыты. Щд жъ такому невелычкому робыты? Давай ёму гусей пасты. Можна гусей пасты й неившы“.

„А воны таки, си пузаны!“—замѣтилъ Колотуша.

Тупотунъ далъ товарищамъ пересмѣяться и продолжалъ:

„Що жъ я, малый? А ось що! Пасу, пасу, та й закуняю зъ голоду,—далеби! Дывлюсь, а воронне вже гусенятамы вгори телипае, воронятамъ несе. Буде мени теперъ лыха годына видъ моеи пани! Та зъ велыкои тугы—хипъ! хипъ! нахапавъ чужыхъ гусенятъ за пазуху четверо.—Якъ гайнувъ! А за мною дитвора. Я берегомъ деру,—я ставкомъ да въ воду! Дитвора надъ водою тыць! а я, скилько могы, да хляпъ у сины! И тычка въ мене въ рукахъ, щобъ нихто до мене не пидійшовъ. Не ходы! держу на пострасй, а маленьки гусенятка змешалысь изъ велыкымы и пизнаты не можна. Стари гусы малыхъ не займають. Тутъ люде до пáніи: „Вашъ хлопець покравъ гусей“.—„Нѣтъ, каже, у меня сполнà“... Було бъ мени одъ паніи, якъ бы я не поповнывъ: бо вороны та сорокы ажъ четверо перехапалы. Сказала:—„И не вертайся безъ гусенятъ!“—Оце прыйду було до дому: жывитъ полапае: „Кто давалъ ѣсть? признавайсь“! Признавсь разъ, такъ було имъ! Отъ и перестали мени да-

ваты. Пийду пасты, выбижять сильски диты на майданъ изъ своимъ стадомъ. У кого пырожечокъ стремыть изза пазухи, у кого палянычка. Исты такъ хочецця, я вырву да й ззимъ. Такій разбой, що й не показуйся мени на очы. А побижу—нихто й не наздожене. Пошле було индыкивъ пасты. Я попутаю ихъ, наче кони. Лежять воны любенько цилый день на поли; не вміють у пути по-кинськи плыгаты. А индычятка пасуцця. У вечери прыжену,—ихъ погодують. А то и клочче валы, и индыкивъ пасы. Я пасъ и свыней, дакъ я й сю пеню́ знаю: порозбигаюцця. Ніякъ до купы не жженешъ. Отъ я привъяжу поросятко до пугы, та й воджу по полю, а якъ треба зозваты, до я й давай колинчыты. Воно кувыкае, мовъ ёго колють; свыни позбигаюця,—я й пожену до дому гуртъ увесь. Та разъ позабигалы ажъ у попову леваду. Колинчывъ я, колинчывъ дурне порося, да й доколинчывсь, що тамъ и здохло. Ну, якось вывернувсь. Оттакъ то журывсь я соби журно зъ малку! Такъ и злодіякою зробывся. Сказано: сонъ мутыть, а голодъ краде. Да якъ выйшла воля, дакъ мене нихто и не наймае и поденно не бере: „Краде!“ кажуть. Пожывъ; бильшъ обизналы мене люде; сталы нaймaты, а я ставъ лучче промышляти про себе. Теперь якъ хто пугу краде, дакъ у мене й тило трусыцця, а тоди—голодъ не титка“.

Вдова никогда еще не слышала про такое горе, а товарищи только смѣялись. Она подумала.

„Оце жъ и е воны́ весели злыдни!“

Иногда эти веселые злыдни отпускали такія шутки:

„Ой лышенько!“ кричалъ одинъ, переставая молотить.

„Щó тамъ таке?“—спрашивалъ спокойно другой.

„Запорошывъ око жытыною!“

„Жытына въ око впала?“—говорилъ третій.—„Ке сюды, я выкорпаю ципылномъ“.

„Хочъ бы бычемъ, а то ципылномъ“,—отвѣчалъ пострадавшій протирая полою глазъ.

„Хыба око мале? бычемъ не выкорпаешъ“.

Кавунъ только смѣялся: *жартуваты* не умѣлъ онъ.

„Оце, брацци, добре що насъ четверо молотыть“,—говорилъ Тупотунъ.—„Нема лучче. Молоты втрохъ, дакъ выходыть: чортъ, чортъ, чортъ: а вдвохъ способнійще: бо тоди выходить: Богъ помичъ! Богъ помичъ! А найгиршъ одному: ни съ переду въ нёго, ни ззаду“.

Иванъ Тупотунъ вовсе не смѣялся, разсказывая о своихъ дѣтскихъ подвигахъ: ограничивался только усмѣшкой, глядя на хохочущихъ товарищей. Но не проходило минуты, чтобъ онъ чего-нибудь не сказалъ. Вдову это чрезвычайно занимало. Она упускала свои кухонныя дѣла и торопилась къ молотникамъ.

„Жыто паруецця зъ пшеныцею, горохъ—изъ чычевыцею, а овесъ—удовецъ“ объявилъ товарищамъ Тупотунъ.

Товарищи смѣются тѣмъ же самымъ смѣхомъ. Но Харко Колотуша, размышляя, какъ видно, о парованьѣ жита съ пшеницей, гороха съ чечевицей и о вдовствѣ овса, спросилъ:

„А якъ, Иване, лучче жывецця: чы гуртомъ, чы коженъ самъ по соби?“

„Гуртове—чортове“—отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ.—„Самъ соби голова: оце найкраще“.

„А на що жъ кажуть: у гурти й каша исця?“—сказалъ Хома Макитра.—„Та зновъ же кажуть: добре на одынъ снипъ жаты. Про що воно, добродійко? Вы розумни люде. Навчить насъ“.

„Навчыть васъ бида съ саломъ коржи исты, а я скажу хыба ось що: чула я що й по тры невисткы съ дитворою вкупи вжывалысь, свекоръ и свекруха имъ порядокъ давалы. Е стороны, що, кажуть, якъ батько вмре, дакъ старшого брата и невистку слухають, наче и стару голову. Оттакымъ то, мабуть, людямъ у гурти й каша исця“.

„Ну, Йване“,—сказалъ Харко Колотуша, „теперъ ты, я думаю, не журыссе журно. Було тай мынуло“.

„Не журюсь, дакъ горюю, а хлиба не купую“,—отвѣчалъ веселымъ голосомъ Тупотунъ.—„Якъ прійдецця зъ петривського дня, дакъ и до спасивкы“.

„Се винъ, добродійко, говорыть, абы горло не зашерхало“,—сказалъ Хома Макитра. „Бо винъ старишый одъ усихъ насъ, а стари люде говирки.

„Который же тоби годъ, Иване?“—спросила вдова,—„ще старощи видъ тебе далеки“.

„Не лита старощи роблять“,—отвѣчалъ все ровный голосъ Ивана Тупотуна.—„Чы не пора намъ обидаты? Отъ метлы не треба такъ становыты, якъ на насиння готуешъ, а треба класты; а забудешъ, дакъ стояны й будуть у жыти. Ге, ге!“—продолжалъ онъ,—„ось два колоскы въ купи, подывицця! Добродійко, оддайте корови, дакъ и будуть вамъ телятка-блызнятка“.

„Да ты, бачу, Йване, всячыну знаешъ“.

„Усячыну, добродійко, знаю, тилько не знаю, якъ свою долю втоптавъ. А свита багато бачывъ, да тропы не вхопывъ. Зъ малечку оце було панію одбуду, дакъ панъ пъяный оставыть мене на вколишкы: Давай, я тоби отправлю службу. Я говивъ саме. Се було въ пистъ. Що жъ? спивавъ, спивавъ,—паску поивъ не свячену и яйця. Отъ и одправывъ мени службу. Тоди мени давъ порцію. Треба було зновъ мени почынаты говиння“.

„А якъ выйшла видъ царя воля, годи куды ты притулывся?“—спросила вдова.

„Довго сновыдавъ“, продолжалъ Иванъ Тупотунъ.—„Ніхто не найма и поденно не бере. Хотивъ одружытысь, дакъ и жализни чоботы виттоптавшы, не знайшовъ бы соби пары. А посли пишовъ на Чорноморію. Заробывшы грошей и дыва всякаго надывывшысь, людей лучче познавшы, вернувсь изновъ у свое село. Тымъ часомъ мене тутъ прызабулы. Я прыдбавъ пивтори сотни карбованцивъ, прыйшовъ. Ажъ тутъ прысусидывсь до мене одынъ пройды-свитъ. Славъ мяхко, а довелось спаты, дакъ твердищъ нижъ безъ соломы у васъ пидъ столомъ, не въ гнивъ мое слово. Се я про мого тестя вамъ росказую. Якъ мени йты въ суботу до дому, дакъ лучче бъ у въ ополонку. Прыймаку тамъ, якъ тому куцому собаци. Якъ де побачите куцого собаку, то значить у прыймахъ бувъ. И свои пивтораста втопивъ; и теперъ безъ хлиба и безъ права седжу й роблю на ихъ. Якъ бы добрый до мене бувъ тесть, до я бъ до ёго трыйчы!“

„Де жъ се такъ буває?“—спросилъ Харко Колотуша.

„Ей Богу правда! Винъ мене лаявъ не разъ, а я ёго николы. Разъ прыйшовъ родычъ, ничымъ шановаты; дакъ я четвертака й давъ на горилку“.

„И самъ же пывъ?“

„Ни, и губъ не обмочывъ: пійшовъ соби на заробитокъ мовчкы. А теща... Бодай ты на себе наглу смерть достала! Мени бъ легше, щобъ я прыйшовъ до дому, ажъ Богъ и зривнявъ усе. Высылае мене въ наймы, а я кажу: колы ты посылаешъ у наймы, до й сама служы. А жинка ажъ выскочыла зъ хаты, якъ почула таке іи слово. Якъ же не жаль жинци? Якъ я у людяхъ молочу, до зъ яловычыною борщъ; а якъ субота, мене ждуть до дому, до й нема, и свитла не засвитять. Ищо жъ мене нихто зъ ряду не выкыдавъ. Накормы та й кыемъ жены, а воны й того не хочуть. А теща усе до другои дочкы зъ коморы выносыть и мое зароблене. Сей тесть тилько на практыки: сыдыть, да сміеццця зъ усихъ, да прычты каже: на соби ничого не бачыть и робыты не хоче. Йимъ, та й гнусь, щобъ менче ззисты: такъ ихъ боюся“.

„Ну, се ты мени, Йване, таке сумне росказавъ, що я зроду й не чула“,—сказала вдова.

„Оттакъ якъ чуете“,—продолжалъ спокойно молотникъ. „Надало жъ мени встряты! и векселя не давъ, а тилько мяхко славъ. Якъ той жыдъ наймыцци: Ты зъ у мене ніцого робыты не будесъ. Тилько попеоы плаття да й сядь; коровы повыдоюй, да й сядь; самоваръ поставъ, да й сядь; людей отбудь, да й сядь; дытыну заколеси, да й сядь. Теперъ и я сыджу, мовъ та жыдивська наймычка, що не здышеццця. А ихъ годую“.

„Та й я“—сказалъ тѣмъ же тономъ Хома Макитра,—„прыйду до дому, дакъ и свитла не засвитять. Якъ бы не онукъ, до ни до кого бъ и загомониты. Заразъ озвеццця, якъ не спыть: Диду, дидусю! А невистка и сорочкы не залатае. А я то жъ, що зароблю, те й несу. Сынъ уже, кажу вамъ, не разъ у мене на грудяхъ сыдивъ“.

„Эге, теперъ така пленида настала“,—сказалъ Харко Колотуша,—„Оце жъ казалы, що зъ нового году не буде уроджаю, дакъ сынъ устане на батька, а батько на сына“.

„Яке вы все гирке та важке говорыте!“—сказала вдова.—„Я такъ думаю: Не хорошый се звычай, що диты ростуть у васъ ничого не знаючы. На̀вчыть, кажете, сама бида. Отъ и росте дочка въ матери господыни така, що тильки поле та пряде. Маты, бачъ, усе жалуе дытыны, да сама дило й робыть. Тымъ и втикае молода жинка видъ свекрухы до матери покы обвыкне въ чоловика“.

„А се правда“,—подтвердили молотники. „Ни одна безъ утекивъ не вжыве, покы наломыцця. Да хочъ и наймытъ, або наймычка. Попереду втиче, а тоди вже й осядецця. А хазяйство у хазяйки й гыне“.

„Тымъ же то“, продолжала вдова,—„и прозвалы свекруху лыхою; а вона бидна не знае що й робыты. Не вміе ничого вробыты невистка, а ни же не шупыть у господарстві. А хочъ бы й на мене. Се не свое дытя, що навчышъ: чуже—якъ ёго вчиты?“

„Отто жъ про свекруху й проложено—сказалъ Иванъ Тупотунъ.—Хочъ не лае, дакъ ворчыть“.

„Отто жъ у кого е диты, нехай учыть; въ печи уси чугуны й горшкы поперевертае, коло хатнёго дила не вміе повернутысь, а хыба копаты, або сино гребты. Якъ добра наймычка, до й ій добре. И чоловику за нею буде добре: усе вміе, усёго соби прироблыть. У насъ люде якось заздристи бояцця. Тилькы трохы проворковате, заразъ и кажуть: изъ неи добра̀ не буде: бо на ій шкура горыть. А котра працёвыта, дакъ маты й не велыть, щобъ не врeклы. Такъ и прывыкають до лежачого хлиба зъ малку“.

„Ось, я щось вамъ роскажу“,—сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Инша дытына вдасця розумнища за батька. Ото прыихалы старосты свататы панночку. Вона постерегла заразъ и выбигла на рундучокъ до ихъ назустричъ. Воны кажуть: позвольте де прыпъясты коней.—Де хочте, каже: хочъ до зимы, хочъ до лита прыпынайте. Зглянулысь мижъ себе старосты.—Дурна! собі на думці. Увійшлы въ комнаты. Де вашъ татонько? пытають.—Поихавъ сто рублівъ на

гривенныка миняты.—Ну, думають старосты—та й дурни жъ!—Да побудьмо трошкы.—Панночка каже: Може, вамъ дать що закусыты.—Та колы ваша ласка, дайте.—Чого жъ вамъ: чы прыбутного, чы одбутного, чи задеры-головы?—Воны уже й сами не знають, що имъ робыты. А одынъ и каже: Та роскажить намъ, що воно оце все значыть що вы кажете? Не зрозуміемо ничого, хочъ убый! На прыкладъ, щò се значыть: прывяжить до зимы, або до лита?—Значыть: хочъ до саней, хочъ до воза, що на подвирью стоялы.—А що значыть: сто рубливъ на грывенныка миняты?—Заяць грывенныка стоить, а коня заганяе въ сто карбованцивъ.—А прыбутне що?—Молоко: бо що дня беры и що дня прыбувае. А одбутне—сало; ёго кусочокъ визьмы тай нема на те мисце.—А задеры-голова?—Капуста".

„Э, ни",—тоди кажуть старосты. „Вона дуже розумна. Добре, що мы боржій не вернулысь до дому". Та роспыталысь, ума довидалысь, да й засваталы".

„Ну, въ тебе, Йване, не зашерхае въ роти!" говорили товарищи.

„А то ще",—продолжалъ черноморецъ,—„пійшовъ одынъ батько на заробиткы до багатого сына за коробку, такъ якъ оце мы сталы. Уговоръ такый скилько зорнятокъ улетыть батькови въ ротъ, стилько ёму коробокъ. Молотыть батько,—ни одно зерно въ ротъ не летыть. Сынъ радіе. Батько журыцця. Уже все жыто перемолотывъ батько: уже остаецця тры снопы. Якъ же ставъ домолочуваты, якъ стало жъ ёму зерно въ ротъ летиты, дакъ сынъ уже й просыть, щобъ рота такъ не роззявлявъ батько: бо прыйшлось не тилько тымъ, що въ клуни, а й тымъ що й за клунею и въ засикахъ досыпаты".

Смѣялись отъ души молотники, а разскащикъ продолжалъ:

„Такъ и я, що зáмолочу, все до дому несу. Оце прыйду зъ роботы пизно, дакъ и свитла не засвитять и не озвуцця. А жинка не насміе. А я пять литъ роблю на чужу пельку, и своихъ пивтораста, кажу вамъ, уложывъ у ихъ худобу. Тилько пійду до дому, щобъ нужы не завесты. Тесть якъ изъ людей насміятысь, дакъ и подай, а дила опустывся. Усе на мене здався. Щобъ имъ тамъ хата згорила! щобъ и воны й мы въ наймы пошлы!"

Тогда Хома Макитра говоритъ:

„А якъ я прыйду до свого сына та до невистки, да я жъ вамъ кажу: колы бъ онукъ не озвався, до й слова бъ не почувъ. Се теперъ такъ: сынъ на дверы, батько въ викно. На грудяхъ у мене ажъ двичы сыдивъ. А невистка сорочкы не выпере, штанивъ не полатае. Щобъ я іи на лави побачывъ, покы дойду! А я имъ хату, городъ заробывъ. Симдесятъ карбованцивъ весилья стало. А жинка моя Настя—нехай царствуе, перомъ ій земля,—уже висимъ литъ якъ мене покынула. Вергае було по симъ пудъ. Такои жинкы не найты, и жаловала мене здорово! А якъ у шынкъ було пиду, дакъ пугою й жене. Я якъ пъяный, до зо мною що хочъ зробышъ. Якъ займе зъ шынку, дакъ ажъ спотыкаецця. А вже якъ тверезый, до и не пидходь!“

„Отъ же кажутъ“,—замѣтилъ Иванъ Тупотунъ,—„якъ свыня укусыть, або жинка попобье, до на Страшный Судъ не встанешъ. Щобъ ты не попускався. Мени сего ничого остерегатысь: жинка въ мене покладлывенька“.

„Та въ мене тежъ покладлывенька“,—сказалъ Харко Колотуша, „та бида, що нехлюя. Якъ пійду зъ господы, до якъ покыну, такъ и застану,—такъ якъ у хлеви. Мабуть, ныколи й не вымете хаты. Тилько готове зводыть. Оце заходывсь коло неи зъ батогомъ, дакъ самого смиття висимнадцять коробочокъ вынесла. Свекрухы нема, никому прыводъ даваты. Вона въ матери жыла на своій воли. Матиркы ничого не навчають. Покы замижъ пійде, бигае по хатахъ зъ гребенемъ, да на улыцю гуляты. Отъ намъ и горе. Иншый самохить и въ москали йде, якъ жинка така нечумазна трапыцця. Та й за коробку таки мабуть сами таки нетягы молотять“.

„Эге!“ сказалъ съ *прытыскомъ* Иванъ Тупотунъ.—„Оце жъ, мабуть, про таку недбаху та нехлюю й писню проложено, що каже:

Чымъ я въ мужа не жона,
Чымъ не господыня?
Симъ день хаты не мела,
Смиття не носыла.
Та вымету разкомъ,

Та вывезу возкомъ.
Купци прыиждджалы,
Смитте куповалы.
Ой що тоби чепурухо,
За се смиття даты?
Сюды хипъ, туды хипъ,—
За се смиття висимъ кипъ".

„Ну, я до своеи сёго не прыкладую",—сказалъ молчаливый Карпо Кавунъ.

На это Харко Колотуша сказалъ:

„А моя якъ спече гныздюка, дакъ и въ горло не вбъешъ".

„А ты бъ зъ нею такъ зробывъ, якъ нашъ Кучма Харко",—сказалъ Иванъ Тупотунъ.—Се чоловяга моторный. Якъ оженывсь, бачыть, що жинка ничого не тямыть. Отъ разъ молотыть у клуни, а жинка дома мисыла, мисыла хлибъ, ничого не вдіе: такъ, може, якъ и твоя не вчена. Прыбигла.—Ни, чоловиче, я лучче паляныць напечу.—Да зновъ мисыла, мисыла—и паляныць не спекла. Бижыть изновъ:—Чоловиче!—Чого, жинко? А тамъ, ажъ морозъ по шкури иде.—Я лучче кнышивъ напечу.—Да печы жъ!—Зновъ бижыть, ажъ земля вгынаеццця отъ жыру:—Ось иды, чоловиче, якого я гниздюка *напекла!*—Та ходимо жъ.—Прыйшлы въ хату.—Поможы жъ, чоловиче, вынять зъ печы—той гниздюкъ такъ и розплывся по черени и ростраскавсь! Чоловикъ кочергою гребе, вона рогачемъ; выкотылы.—Ну, жинко, се жъ ты понесешъ батьку на гостынець.—Добре. Тилько поможы мени донесты.—Добре, поможу.—Убралысь, дойшлы до батьковыхъ воритъ. Несы жъ теперъ ты, жинко: ты на те дочка, а то що я ёму?—Вона забрала и несе. Увийшла въ хату: Ось, тату, гниздюка тоби прынесла. Тогди батько взявъ пугу, да гнуздавъ, гнуздавъ. Дочку разъ, матюръ два, дочку разъ, матюръ два. А зятя поклыкавъ, посадывъ на покути и горилкы купывъ, и пошановавъ добре".

„Такъ, такъ брате", говорилъ Харко Колотуша. „И матирокъ треба вчыты".

„А батькивъ треба вчиты за сынивъ“, сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Я знаю парубка, двадцяты пяты литъ. Нихто за ёго не йде. И полукопка не зложыть, рожна до кгрынжолъ не затеше. Чы се жъ не батько вынуватъ! А здоровый, и въ дверы не влизе. Я такы разъ и запытавъ: Чому не учышъ ни косыты, ни такъ що въ хазяйстви робыты?—Жалуемо, каже: Добре, що въ тебе прыплидку нема; дакъ ты таке й верзешъ. Отъ и поговоры до горы. Ще й насупывся“.

„Ну, мій Антонъ хочъ и не вміе майструваты“ сказала вдова „дакъ винъ же про те й безбачченко: вырисъ дурнемъ пополамъ зъ бидою тай годи“.

„Не зовсимъ винъ и дурень“, сказалъ Колотуша, „не шуткуйте, добродійко, зъ вашымъ Антономъ. Винъ крыецця зъ своимъ розумомъ. Ума вывидуе въ людей, а мовчкы залыцяецця до вашои глухенькои Одаркы, усякъ ій услуговуе“.

„Не знаете вы ще моеи Одаркы“, сказала вдова. „Вона зъ вамы говорыть голоскомъ тоненькымъ, а на парубка знай гримае. Винъ іи боицця, наче мачухы. Що ни загадае, заразъ кынецця й зробыть“.

„Та винъ и шуткоматы вмие“, сказалъ Макитра. „Разъ пытаемо: чы не пора бъ тоби, Антоне, женытысь? А винъ: бувъ я вже двичы жонатымъ, дакъ одна жинка на лёду розидралась, а друга пидъ кожухомъ у петривку замерзла“.

А Тупотунъ къ этому прибавилъ: „Отъ и волы, да й у тыхъ е розумъ. Одынъ вилъ каже другому волу: Якъ я, каже, боюся хуры! А другый каже: А я гаивъ, дерево возыты. Бо на хуру вагою кладуть, а дерево безъ вагы. Вилъ розумный. Разъ и съ конемъ закладався, хто швыдче побижыть. Кинь каже: я, а вилъ каже: я, Да трошкы й пробигъ выбрыка. Тилько що земля, каже, пидомною провалыцця, тымъ Богъ и не веливъ довго бигаты. А ракъ ище хытрищый одъ вола. Зъ вовкомъ закладавсь, хто швыдче добижыть до якогось тамъ мисьця.—Отъ вовкъ бижыть, а ракъ и прычепывся до вовчого хвоста: той прыбигъ до граныци та й каже: обертасъ!—А я давно жду васъ. А вовкъ по-

вернецця, та й махне хвостомъ; ракъ и ставъ уперодъ. То чомъ же людямъ не хытруваты? Я оце згадавъ про одного прояву, дакъ се вже правда. Тоди проморыя була на дитей. Пийды бо до ликара, каже жинка. Ажъ тутъ и проявывсь у насъ дохторъ. Усяки въ ёго пляшечкы де глына наколочена, де цегла, де яке сыныло. Ходыть по хатахъ, а жинкы облавою ёго обступылы. Такъ обійшовъ трохы не все село. Добру калытку грошей надбавъ. Каже, що ёго прыслано. А въ дитей дехторыты чы що булы, гирла болилы. Посли каже: Треба мени верстовъ за десять поихаты ище всякого медикаменту набраты. А тутъ ёго просять, щобъ ище зайшовъ да полічывъ. Нема вже ликарства. Отъ одынъ заможный чоловикъ дае коней и погоныча, годивъ десяты хлопчыка, дарма що було пидъ робочу пору. Тилько доихалы до кущивъ чагарнякивъ, винъ заразъ погоныча знявъ зъ воза за спыну, якъ цуцыка, скынувъ, а самъ по коняхъ, и бувъ такій, и по сей день ёго не знайшлы. Де якыхъ дитей поризалы мертвыхъ, щобъ побачиты, отъ чого воны такъ мруть, а въ ихъ одъ ёго ликарства усе въ животи брусомъ побралось. Сказано, кинець свиту".

„Така наша лыха годына, сказала вдова, що всякій заволока людей дурыть".

„Ну, у насъ тилькы ошукують людей, а инде, дакъ и розбывають, отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ. Отъ якъ я бувъ у Чорноморіи, дакъ чувъ про Игната Голого: Савуръ Могыла близько Ростова, за Екатерынославомъ. Мы ходылы на Чорноморію, дакъ тамъ на Савуръ Могыли жывъ чоловикъ Савуръ (такъ и зовуть) изъ дочкою и тяжко грабылы людей. Могыла высока, девять верстъ иты въ гору. Оце жъ по узъ ту гору йты и ихаты. Везуть люде рыбу, винъ никого не пропустыть, усе грошы одбирае. А Игнатъ Голый та служывъ за наймыта у одного хазяина, та й прочувъ про це. Имъ треба було ихаты съ хазяиномъ по узъ Савуръ Могылу и платыты, оплачуватысь, щобъ не розбывалы. А Игнатъ Голый, зробывъ соби дротянку. Идуть; хазяинъ боицця. А той узявъ мезынцемъ зачепывъ за пидтокы,—такъ воза й повернувъ. Отъ хазяинъ бачыть таку сылу, переставъ боицця. Доихалы до Савуръ Могылы; Игнатъ Голый и каже: Давайте я самъ

ёму гроши однесу. Той давъ скилькось; винъ пишовъ и дротянку съ собою забравъ.—Нате, каже, гроши. А дочка Савурова ще щось ёму сказала. Винъ якъ ударывъ дротянкою, такъ на двое й росколовъ, а посли й ёго. Тоди позабиравъ уси гроши, що винъ грабовавъ у людей и прынисъ хазяину. Соби ничогысинького не зоставывъ. Сили коло осели, седять; ажъ иде чоловикъ и дуже журыцця, и такый налякавый! Росказуе имъ, якъ выскочыло, каже, симъ чоловикъ та й позабиралы рыбу. Игнатъ Голый каже: Ходимъ до тыхъ заразъ: я ихъ розбышакъ усихъ попереводжу, якъ того Савура! Той боицця, а хазяинъ штовхае ёго да каже: да не бійся: винъ сылачъ. Отъ и пишлы. Идучы бачять долыну таку превелыку и тамъ хатка и багаттечко. Подывылысь у виконце: бачять воны, за столомъ сыдять, пъють да гуляють. По стинахъ рыба порозвишована того чоловика, що позабиралы. А хазяинъ лежыть у перынахъ и росказуе имъ. Вы, каже, на одынця николы не нападайте. Одынъ ныколи такъ спроста не поиде, а непреминно зъ якымы-небудь хымородамы. А тутъ Голый у викно: одчыныть! Не одчыняють. Винъ узявъ за замкы,—такъ и поодпадалы. Увійшовъ и каже: подайте мени отого крайнёго, що въ перынахъ! да такъ дротянкою и росколовъ, и всихъ повбывавъ. Найшлы погребъ роблений изъ цеглы. Що тамъ срибла, золота! усе позабиралы. Прынеслы, а посли й поихали, тилькы Игнатъ Голый ничого соби не зоставывъ“.

„Да годи тоби вже верзты! про таке страхитте!“ сказалъ Харко Колотуша. „Ось скоро й обмолотыны будуть. Кинчаймо вже; поздоровъ Боже господыню. Може такы и въ насъ одлыгне на серци“.

„Будуть, будуть, да ще й яки!“ сказала вдова. „Такыхъ обмолотынъ ще нихто не справлявъ молотныкамъ“.

„Чы справди!“ заговорили молотники и даже Кавунъ прибавилъ: „Се добра ричъ“.

Быстро завершили молотники свою работу. Въ субботу вечеромъ было назначено праздновать обмолотины. Пекарня была убрана попраздничному, а наймычка—въ *чохлатой* сорочкѣ и въ мачкахъ на головѣ.

„Оттакъ вырядысь!“ сказалъ Тупотунъ, „неначе молода“.

„Вона й е въ мене молода княгыня“ отвѣчала вдова „сёгодни и свататымуть?“

„Хто? звидкиля? за кого?“

„Вы сами, добри люде“.

„Ге, ге! теперъ бачымо“ заговорилъ Тупотунъ. „Се жъ того такъ Антонъ ій и вслуговувавъ! Разъ изнявъ у нeи коромысло съ плечей, та й понисъ видра въ пекарню. Отъ якъ винъ іи боицця“.

„А що жъ?“ продолжала вдова. „Винъ сырота, вона сырота. Не высоко литають обое. Нехай поберуцця, до веселище буде имъ у мене въ наймахъ. Я й хату имъ збудую и города вдилю, и поля дамъ по десятынци въ руку“.

„Спасенне дило вы робыте, добродійко“, сказалъ Тупотунъ, „тильки я не велю вамъ грунту запысуваты, а чомъ не велю, дакъ ось: люде навчять, покыне винъ васъ. А якъ знатымуть, що земля ваша, дакъ и жытымуть зъ упокоемъ, и Богу й вамъ дякуватымуть. Я свитъ пройшовъ, дакъ надывывсь на всячыну“.

„Спасиби тоби за пораду“ сказала вдова, и не призналась, что она сама такъ думала. „Оце жъ тоби, Иване, прыходыцця буты за свата въ Антона“.

„А мене“ сказалъ Макитра „берите за пидбрихача. Да нехай заразъ ваша дивка внесе намъ воды, щобъ мы побачылы іи ходы“.

„А я хотивъ бы почуты говиркы женыховои“ сказалъ Колотуша. „Женылы мы одного такого, якъ вашъ Антонъ. Отъ и навчаемо: Ты жъ, Дороше, не мовчы, щобъ не сказалы: дурный! А якъ перееговорымо свои речи, дакъ и ты скажы що небудь кругленьке. Тильки що замовклы, а винъ якъ бовкне: Обручъ! Боже! якъ лякнувъ—дивка й батько й маты въ одно слово: да се жъ винъ дурный! Тоди мы за шапкы, та за палыци! тильки й бачылы насъ. Боялысь, щобъ ище й не быто за таку насмишку“.

„А то маты ддавала слипувату дочку“ сказалъ Тупотунъ. „Дакъ ся мудро й навчыла: кынула заздалегидь проторга передъ собою, а слипувата дивка нагнулась та й подала: Ось, мамо, голочку вы загубылы! Такъ и взято іі за выдющу. И добра зъ неи була господыня, не пекла гниздюкивъ, такъ якъ та Кучмына Харкова жинка“.

„Усе гараздъ у вашои молодои пары, добродійко“, сказалъ Харко Колотуша, „одно не доладу: що чоловикъ буде надто смырный, а жинка лаюча. Бувъ у насъ одынъ такый, що й пидъ пичъ кочергою було зажене, ще й туды штырхае та крычыть: Бачъ якый злый! ажъ за кочергу хапаецця!—А винъ изъ пидъ печы: А на що жъ ты за мене йшла, колы я такый злый“.

„А я тебе, дивонько, пораджу“ сказалъ Тупотунъ: „не доймай виры Антоновій смырнôти. Ось я тоби заспиваю писеньку, замисть весильнои. Перенявъ я ii въ лытвынка, якъ бувъ у Чорномории. Туды всякого языка находыть. Инший заволочецця зъ Мôсквы. Ну, въ москаля, звисно, лубъяный языкъ. Чуе, якъ нижненько кругомъ по-нашому говорять: *плугъ воливъ*, а верне по-своему: *плукъ валофъ*. Ну, а лытвынокъ хыба лыхо его нападе, щобъ не дзекнувъ. Не скаже по нашому *винъ, вона*, а *іонъ, яна*, не скаже *есть*, а *ёсть*. Оце жъ и писеньку я тоби заспиваю такъ, якъ винъ спивавъ, по литовськи:

„Вясѣлитясь, красавицы,
Докуль ёсть уръемъя.
Вы ня въертя жаныхамъ,
Што яны бажȁцца.
Жаныхами забажацца,
Мужми пазабудуць,
А надъ вами младёхными
Смѣятися будуць“.

Общій хохотъ былъ наградой пасмурному разскащику, который не имѣлъ въ жизни радостнаго времени и не научился смѣяться, а другихъ смѣшить былъ мастеръ.

Среди веселыхъ разговоровъ появился въ пекарнѣ Антонъ въ длинной новешенькой свитѣ и въ красномъ поясѣ.

„Отъ тоби й Куцый!“ заговорили въ одинъ голосъ молотники. Одарка между тѣмъ показала свою ходу. Начались *законныи речи*, пошло веселое угощеніе.

„Тисна въ васъ, добродійко, пекарня“ говорилъ Тупотунъ, „а якъ намъ було й простирно й затышно! Оце бъ мы молотылы въ васъ хочъ до самои косовыци, и про жинокъ своихъ позабувалы“.

„А мени зъ такымы молотныкамы такъ було весело, наче въ гостяхъ“ отвѣчала вдова. „Якъ дасть Богъ, дождемо нового хлиба, дакъ уповаю, що не мынете вдовинои хаты. Мы зъ Одаркою за никольствомъ не понапрядалы на рушныкы, та на хусткы, до я оце крамне вамъ покупыла“.

И счастливая наймичка поднесла всѣмъ четыремъ молотникамъ по длинному рушнику въ тканыхъ орлахъ и по нарядному платку въ разноцвѣтныхъ узорахъ.

„Оттеперъ буде чимъ токову куряву бмитаты“ говорилъ Тупотунъ, принарядясь въ роскошные подарки, „такыхъ рушныкивъ и нашъ соцькый не дававъ за своею одыначкою!“

„Эге“! сказалъ, радуясь молча Кавунъ.

Въ знакъ благодарности Тупотунъ повторилъ вдовѣ свой совѣтъ: „Бо хочъ винъ и дурень, а заразъ васъ покыне. На сели въ насъ не одно таке дыво було. Покы не дае векселя, до й поважае старого. А хто не остеригся: Ты, мовлявъ, мене воспытуватымешъ за се до смерти,—дывысь, беззменныкъ та й выпирае старенькыхъ изъ хаты! Иноди и одчепного старый дае, щобъ збавыцця одъ напасти, позбутысь такого лыха, та й ничого не вдіе. То не велю, добродійко, й вамъ даватысь у рукы дурневи. Отъ же й мій тесть видказуе мени на пидпытку: тоди оддамъ, якъ свыни биттымуть сами въ череду“.

„Нехай уже воно на сухый лисъ иде, те не людське лыхо, а въ нашій хати дай Боже, щобъ було тыхо!“ сказала вдова. „Не здывуйте на сырицьки подарункы. Николы було намъ самымъ по напрядаты; нехай за насъ крамъ одвичае. Дакъ за те жъ не дорекатыме и Одарка мени такъ, якъ та дочка матери, що каже:

Скрыне моя, скрыне!
Не годъ, не два пряла,
Не вѐсну билыла,—
За день роздилыла.
Ой дбала жъ я, дбала,—
Маты надибрала
Бояръ даровала.

Ганна Барвинокъ.

НА РУБЕЖѢ.[1]

VII.

Зима прошла среди дѣятельныхъ приготовленій козаковъ къ войнѣ съ Польшею; наконецъ, блеснули первые дни нетерпѣливо и тревожно ожидаемой весны; приближался условленный срокъ борьбы, на которую возлагались надежды освобожденія отъ шляхетскаго господства въ краѣ. Едва сошелъ снѣгъ въ степи, къ Гордію явился посланецъ изъ Сичи съ извѣстіемъ, что охотники изъ Запорожья уже двинулись маленькими отрядами и незамѣтно пробираются вдоль Выси и Кодымы къ западу; хотя трава еще не показалась, разсчитывали пока прокормить лошадей въ степи, то останавливаясь въ уединенныхъ зимовникахъ, то, въ крайности, пользуясь изсохшею прошлогоднею травою; къ этому средству прибѣгали въ Запорожьи неоднократно, и оно, съ грѣхомъ пополамъ, выводило до новой травы. Запорожцы двигались осторожно и медленно, разсчитывая въ половинѣ пути дождаться свѣжаго корма.

Получивъ это извѣстіе, Гордій понялъ, что и ему пора собираться въ походъ, чтобы во́-время поспѣть въ Немировъ и Шаргородъ для соединенія съ Саввою и Верланомъ. Хотя по общему плану дѣйствія онъ долженъ былъ выступить нѣсколько позже сичовиковъ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ энергично ускорять всѣ необходимыя приготовленія; его болѣе всего задерживала необходи-

[1] „Кіевск. Стар.", т. XXI, 1888

мость поджидать сбора охотниковъ изъ Гетманщины, эти же послѣдніе собирались медленно и безпорядочно. Притомъ приходившіе вели себя неосторожно и несдержанно; они привыкли къ другимъ, болѣе свободнымъ общественнымъ порядкамъ и не умѣли приноровиться къ обстоятельствамъ правобережной Украины; по мѣрѣ того, какъ они собирались, Гордій размѣщалъ ихъ подъ благовидными предлогами въ сосѣднихъ селахъ и хуторахъ; болѣе развязныхъ и болтливыхъ онъ пряталъ въ степныхъ пасѣкахъ и ярахъ, стараясь по мѣрѣ возможности менѣе обращать на себя вниманіе старостъ и помѣщиковъ. Въ домѣ Гордія происходила лихорадочная дѣятельность. Для всѣхъ участниковъ дѣла ясно было, что онъ долженъ подать сигналъ къ походу, хотя формально никого объ этомъ не предупреждали. Къ нему являлись и пріѣзжіе изъ-за Днѣпра, къ нему за справками и распоряженіями приходили крестьяне и козаки изъ окрестныхъ селъ. На левадѣ за его садомъ, среди зарослей, лозъ и осокорей, въ концѣ зимы еще появились двѣ кузницы: въ нихъ ковали новыя копья, исправляли старыя сабли и другое оружіе.

Домочадцамъ своимъ Гордій не говорилъ ни слова о своемъ предпріятіи,—по принципу онъ не довѣрялъ женской болтливости; онъ зналъ, что, конечно, женщины догадываются,—и пусть ихъ! но точно онѣ ничего знать не должны. Дѣйствительно, и въ его домѣ, и въ мѣстечкѣ было ясное сознаніе, что готовится нѣчто; народъ пережилъ много волненій и сумятицъ и чутьемъ угадывалъ предстоящее возстаніе по такимъ мелочнымъ признакамъ, которые ускользали отъ вниманія самаго чуткаго региментаря; но никто не зналъ подробностей задуманнаго дѣла и его размѣровъ, и потому молва носилась въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ, которыя не много вреда могли принести предпріятію, если бы даже и дошли до слуха старостъ.

Наконецъ Гордій приказалъ прибавлять втеченіе нѣсколькихъ дней корму лошадямъ и каждый вечеръ вни-

мательно наблюдалъ съ крылечка своего дома солнечный закатъ. Домашніе догадались, что приближается время выступленія въ походъ. Въ одинъ изъ вечеровъ Гордій смотрѣлъ на горизонтъ: солнце медленно уходило за безоблачный небосклонъ, отсвѣчивая тихимъ желтымъ свѣтомъ, который медленно исчезалъ, смѣняясь ясною лазурью небеснаго свода. Гордій присѣлъ на скамейку и весело смотрѣлъ впередъ.—Совсѣмъ кстати, сказалъ онъ, погода надолго установилась. Затѣмъ, увидѣвъ стоявшаго на улицѣ Гнатка Голаго, онъ подозвалъ его:—Садись, сыну! сказалъ онъ.

— Что скажете, дядьку?.. Никто уже не является?..

— Нечего ждать долѣе. Кто опоздалъ, пусть старается догнать насъ на пути,—намъ пора. Вчера уже ушли переяславскіе, сегодня уйдутъ батуринскіе, завтра наша очередь. Собирайтесь, хлопцы, и двигайтесь къ Черному шляху; сборный пунктъ на Татарской нивѣ; кто пріѣдетъ раньше, пусть ждетъ сбора.

Въ слѣдующую ночь изъ разныхъ улицъ мѣстечка, повидимому въ различномъ направленіи, выѣхали два отряда всадниковъ. Ночь была темная, глухая; мѣстечко повидимому объялъ глубокій сонъ; среди тишины въ одной изъ отдаленныхъ улицъ слышались шаги и тихій говоръ: это осторожно двигался послѣдній отрядъ, состоявшій изъ двухъ десятковъ всадниковъ. Этотъ отрядъ, котораго неясные силуэты едва были замѣтны среди ночнаго мрака, остановился у воротъ большой бѣлой хаты; одинъ изъ всадниковъ спѣшился и сказалъ тихимъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на домъ: „Темно... спитъ онъ, что-ли“?

Сзади кто-то шепнулъ насмѣшливо:—Онъ сторожитъ молодую жену, боится, чтобы она не ушла въ походъ!—

Спѣшившійся направился черезъ „перелазъ“, прошелъ дворикъ и осторожно постучалъ въ окно хаты, затѣмъ сталъ ждать оклика, но отвѣта не было; въ хатѣ господствовала абсолютная тишина. Пріѣхавшій смутился,

какъ будто явленіе это было неожиданно и неестественно, пожалъ плечами и постучалъ громче.—Въ хатѣ, наконецъ, послышался шорохъ.

— Наконецъ-то проснулись! сказалъ онъ съ укоризною. Онъ продолжалъ стоять у окна и прислушивался; изъ хаты послышался женскій голосъ.

— Гнатко! это ты?

— Я,—разбуди Грыця.

Бѣлая фигура приблизилась къ окну; это была Гандзя, жена Грыця.

— Зайди въ хату!

Вслѣдъ затѣмъ послышалось раздуваніе углей и вскорѣ запылала смолистая „лучина". Гнатко входилъ въ хату въ то время, когда Гандзя освѣтила яркимъ пламенемъ лучины всю избу.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ! отвѣтила хозяйка нѣсколько неувѣреннымъ голосомъ.

Гнатко окинулъ взоромъ избу. Грыцька здѣсь не было.

— Гдѣ мужъ? спросилъ онъ.

— Уѣхалъ въ степь... онъ сказалъ, что знаетъ, куда слѣдуетъ ѣхать, заупрямился и поѣхалъ.

— Напрасно! Мы условились ѣхать вмѣстѣ; онъ зналъ, что завернемъ.

— Что съ нимъ подѣлаешь! Я его удерживала:—не захотѣлъ...

Нечего было дѣлать, Гнатко попрощался съ хозяйкою и ушелъ. Козаки шагомъ выѣхали изъ мѣстечка и направились на западъ въ степь. Гнатко не могъ себѣ объяснить повода, почему Грыцько предпочелъ ѣхать одинъ; онъ не могъ угадать настоящаго повода; на дѣлѣ же вышло то, что жена не пустила его изъ дому; она молчала, пока онъ собирался въ путь, но когда узнала о срокѣ, назначенномъ для выѣзда, то собрала все его оружіе,—самопалъ, списъ, пистолеты и саблю, унесла въ комору и послѣднюю заперла на ключъ. Когда онъ по-

требовалъ ключа, она, вмѣсто отвѣта, напустилась на него съ укоризнами: попеременно то сыпала бранныя слова, то плакала, то приводила резоны.

— Вотъ такъ ладно, нечего сказать! Третій мѣсяцъ, какъ женился, и бросаетъ жену! Не пущу, тай годи!— Вишь рыцарь какой: ему драться захотѣлось... не видали такого богатыря! А если такъ ужъ непремѣнно „кортыть“, то иди... бери дубину и иди сражаться съ ляхами, а оружія не дамъ, и не проси. Да и подумай: драться они будутъ не день, не два,—нечего торопиться, переждешь дома до „зеленыхъ святъ“ или до „св. Петра-Павла“, а тамъ и успѣешь догнать товарищей.

— Послушай, жинко! такъ нельзя,—что обо мнѣ подумаютъ люди, когда узнаютъ, что я остался за печью? Меня одѣнутъ въ юбку, повяжутъ голову платкомъ, саблю подмѣнятъ „кудилью“!

— Пустяки! крикнула Гандзя: посмѣются, да живьемъ тебя не съѣдятъ, а ты сочини что нибудь: скажи, что выѣхалъ въ походъ, да заболѣлъ, или что тебѣ атаманъ приказалъ возвратиться, поджидать да собирать запоздавшихъ и направлять ихъ въ походъ; подумай,—ты вѣдь на выдумки мастеръ: захочешь, такъ „сбрешешь“ такъ гладко, что никто „брехни“ не замѣтитъ.

Грыцько спорилъ вяло, чесалъ затылокъ, но, видимо, не сдавался; въ глубинѣ души шевелилось у него какое-то неловкое, крайне непріятное ощущеніе; первый разъ ему приходилось сознавать полную свою несамостоятельность, склоняться передъ предпріимчивостью и настойчивостью жены, да еще въ такомъ дѣлѣ, вмѣшательства въ которое онъ не ожидалъ. Въ его легкомысленной натурѣ вспыхнуло чувство досады, жена ему показалась противною; но чувство это вызвало лишь минутную вспышку; сладить съ энергіею жены онъ не умѣлъ и почувствовалъ инстинктивно, будто на рукахъ его затягиваются пута, которыя его крайне раздражаютъ, но снять которыя онъ не въ состояніи. Онъ уныло задумался: „отъ тоби вими-

нявъ шыло за швайку", мелькнуло въ его головѣ. Ему вспомнились прожитые три мѣсяца и ясно обрисовались отношенія къ женѣ: вся ея природа мало по малу уходила въ одно господствующее чувство ревности; вслѣдствіе этого постоянное ея стремленіе не разлучаться съ мужемъ, не отпускать его отъ себя ни на шагъ. При каждой попыткѣ съ его стороны возвратить себѣ часть потерянной свободы происходили тяжелыя сцены, въ которыхъ она вела себя столь рѣзко и энергично, что легкомысленный супругъ отступалъ шагъ за шагомъ и сталъ въ грустную роль „попыхача" своей жены, не давая себѣ въ томъ яснаго отчета. Теперь наступилъ рѣшительный моментъ семейной драмы: она вѣдь ограничиваетъ его общественную дѣятельность, не допускаетъ его исполнять то, что общественное мнѣніе признаетъ священнымъ долгомъ; она его не считаетъ козакомъ, поступаетъ, будто съ мальчишкою, конфискуетъ его оружіе... Грыцько вспылилъ; онъ вскочилъ со скамьи и подбѣжалъ къ женѣ.

— Послушай, гадюко! вскричалъ онъ:—давай ключъ!

— А зась тоби! крикнула Гандзя, вооружившись на всякій случай рогачемъ.

Но первый взрывъ вспышки мужа быстро прошелъ. Не столько видъ рогача, сколько рѣшительное выраженіе лица женщины, ея спокойно блестѣвшіе глаза, стиснутыя губы, на которыхъ мелькала ироническая улыбка, и вызывающая поза смирили его порывъ. Онъ перемѣнилъ тонъ и повелъ разговоръ нерѣшительнымъ, задыхавшимся голосомъ:

— Послушай, тебѣ вѣдь стыдно будетъ; про твоего мужа пройдетъ молва, что онъ трусъ, баба, что спрятался „за пичъ", что сидитъ „пидъ запаскою" въ то время, когда всѣ его товарищи пошли „на ляха". Вѣдь на меня дѣти будутъ пальцами показывать. Мнѣ насмѣшками глаза выколютъ.

— Не ихъ дѣло! А тебѣ бродяжничать нечего! Коли называешься хозяиномъ, сиди дома и присматривай за

хозяйствомъ: справься съ пахатью, а тамъ придетъ „косовыця“, а тамъ „жнывa“, а послѣ живъ, если тебѣ такъ сильно захотѣлось „козаковать“, то „й пидешъ къ бису“.

Прокричавъ рѣзкимъ голосомъ послѣднюю фразу, Гандзя бросила съ досадою рогачъ на мѣсто и вышла изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью. Грыцько остался посреди избы въ недоумѣніи. Очевидно объясняться вторично съ женою онъ не посмѣетъ, необходимо на нѣкоторое время исполнить ея волю, а тамъ можно будетъ улучить удобную минуту и догнать товарищей; нужно только придумать благовидный предлогъ, чтобы объяснить людямъ причину своей остановки, а тамъ подойдетъ нѣсколько человѣкъ запоздавшихъ молодцовъ, и онъ укатитъ съ ними въ степь!... Тамъ меня и розыщи!...

Утѣшаясь такимъ образомъ, Грыцько взялъ свиту и благоразумно ушелъ на ночь въ „клуню“, обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій; онъ зналъ, что вечеромъ долженъ былъ по условію заѣхать Гнатко и, не давая самъ себѣ яснаго отчета, устраивался такъ, чтобы избѣгнуть съ нимъ встрѣчи и объясненія. Гандзя, увидѣвъ, что мужъ удалился въ клуню, самодовольно улыбаясь, внесла въ комору сѣдло и уздечку и, надѣвъ на коня „обороть“, увела его черезъ садъ въ огороженную леваду и пустила на пашу; затѣмъ, не принимаясь за приготовленіе ужина, улеглась спать.

На другой день послѣ выступленія козаковъ въ походъ, Грыцько весь день просидѣлъ безотлучно дома. Ему стыдно было показаться на улицѣ; чѣмъ болѣе тяготѣло надъ нимъ неопредѣленное и неловкое положеніе, въ которомъ онъ очутился, тѣмъ болѣе росло раздраженіе по отношенію къ женѣ; она его обезчестила передъ людьми и унизила въ собственныхъ глазахъ. Маленькая, до сихъ поръ незамѣченная имъ трещина стала теперь медленно разширяться, превращаясь въ глубокую пропасть, раздѣлившую его отъ жены; и по мѣрѣ того, какъ углублялась эта пропасть, все живѣе и явственнѣе шевелилось

въ душѣ его сожалѣніе; передъ нимъ вставалъ образъ тихой, кроткой, брошенной имъ дѣвушки... „Безуменъ я, просто глупъ, думалъ онъ, исполненный безотрадной тоски: я промѣнялъ добрую, искреннюю, горячо и давно меня любившую дѣвушку на веселую и бойкую, но безсердечную змѣю“.

Грыцько погрузился въ подобнаго рода размышленія, но кромѣ безплоднаго сожалѣнія, кромѣ сознанія своего безвыходнаго положенія и унизительнаго малодушія ни до чего не могъ додуматься. Минуло нѣсколько дней, онъ поблѣднѣлъ, исхудалъ, двигался апатично, равнодушно смотрѣлъ тусклыми глазами, говорилъ мало и неохотно. Сосѣди, заходившіе въ его хату, сочли его дѣйствительно больнымъ и стали утѣшать; тогда Грыцько отважился выходить изъ дому, но общества избѣгалъ и обыкновенно вечеромъ отправлялся за „царину“ и безцѣльно бродилъ по полямъ. Возвращаясь съ прогулокъ, онъ всегда направлялъ путь мимо хаты Гордія, вида которой прежде онъ тщательно избѣгалъ; теперь какая-то сила тянула его мимо воли въ ту сторону.

Разъ, возвращаясь вечеромъ по излюбленной дорогѣ, онъ замѣтилъ издали Марусю, сидѣвшую на улицѣ у „перелаза“; сердце его тревожно забилось; онъ остановился въ недоумѣніи: идти ли дальше, или бѣжать назадъ? Маруся сидѣла неподвижно, смотрѣла въ его сторону, какъ бы поджидая его прихода. Постоявъ немного, онъ двинулся впередъ; чѣмъ ближе подходилъ къ дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ потребность остановиться, обмѣняться хотя бы однимъ словечкомъ,—но ему было неловко и стыдно; онъ опустилъ голову и медленно подошелъ къ воротамъ; наконецъ рѣшился взглянуть на Марусю. Она сидѣла неподвижно и съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматривала его своими кроткими голубыми глазами.

— Добрый вечеръ! сказалъ онъ застѣнчиво.

— Добрый вечеръ, отвѣтила спокойно Маруся:—откуда Богъ привелъ?

— Съ поля: иду домой... Онъ чувствовалъ себя неловко; ему казалось, что Марусѣ все извѣстно: и причина, почему онъ не ушелъ въ походъ, и его внутреннія тревоги и побужденія, заставлявшія его въ послѣднее время бродить около ея хаты. Онъ рѣшился пройти не останавливаясь.

— Спѣшишь домой? Съ того времени, какъ ты женился, полюбилъ ты свою хату. Люди тебя и встрѣчать перестали.

Голосъ Маруси былъ спокоенъ, но это именно спокойствіе показалось Грыцьку выраженіемъ глубокой ироніи, хуже самой язвительной насмѣшки. Онъ сознавалъ, что былъ неправъ по отношенію къ ней, онъ ожидалъ встрѣтить оскорбленное самолюбіе, нескрываемое озлобленіе и укоры, вызвать по этому поводу объясненіе и вмѣсто того встрѣтилъ невозмутимое спокойствіе и тотъ же прежній добрый взглядъ голубыхъ глазъ. Все это усилило его смущеніе.

— Да нѣтъ!... Ничто особенно не привлекаетъ меня домой.

— А жена?

Отвѣта не было. Она взглянула на собесѣдника; онъ стоялъ блѣдный, съ опущенными глазами. Она почувствовала къ нему глубокое состраданіе. Неужели такъ скоро случилось то, что она предугадывала? Неужели ихъ любовь уже кончилась? Неужели звонкій хохотъ Гандзи вызываетъ уже въ легкомысленномъ мужѣ не веселость, а досаду и злобу? Скоро же кончилась ихъ любовь! Не желая продолжать разговора на эту, очевидно непріятную тему, Маруся быстро перешла къ другому предмету.

— Почему ты не ушелъ въ походъ?

— Я заболѣлъ, долженъ былъ возвратиться съ дороги, „нездужаю“: немного поправлюсь и пойду съ батуринцами, которые должны подойти на дняхъ.

— Да батуринцы вѣдь давно ушли.

— Ушли, да не всѣ; ожидаю новаго отряда.

Онъ поднялъ глаза; въ нихъ виднѣлась тяжелая скорбь, какая-то нѣмая, сердце раздиравшая жалоба.

— У тебя тяжелая „журба“ на сердцѣ?

— Да, тяжело мнѣ здѣсь, сказалъ Грыцько, отчаянно махнувъ рукою: хочу поскорѣе въ степь, на волю, да можетъ быть ляшская пуля не минетъ меня.

— Пожалѣлъ бы ты жены.

— Жены? Что ее жалѣть? Тебя я буду жалѣть. Любились мы съ тобою долго и разошлись безъ толку: должно быть нечистая сила попутала меня, и вышла доля моя такая горькая, такая безталанная, что лучше бы мнѣ сидѣть на турецкой каторгѣ или висѣть на ляшской „шибеницѣ“.

Дѣвушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и какъ-будто не понимала его словъ. Грыцько вдругъ повернулся и опустилъ голову.

— Прощай!... Пойду искать для себя счастія въ томъ, въ чемъ люди видятъ несчастіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстрыми шагами удалился.—Маруся осталась на перелазѣ въ томъ же положеніи; она сидѣла неподвижно и смотрѣла вслѣдъ за уходившимъ, пока онъ не скрылся изъ ея глазъ. Немного спустя, изъ хаты вышла тетка Ярына.

— Зачѣмъ онъ сталъ вновь ходить? сказала она вслухъ, будто про себя: кончится это хожденіе бѣдою.

Дѣвушка упорно молчала. Въ душѣ ея волновались разнообразныя страсти: и сожалѣніе, и гнѣвъ, и неукротимая ревность; ей казалось, что сердце ея разрывается на части; она не думала, хорошъ ли, плохъ ли Грыцько... она чувствовала только, что другая отбила у нея „милого“, лишила ее „доли“, но не сумѣла ни ему доставить счастья, ни сама имъ не воспользовалась. Маруся чувствовала, что этого счастья ей не вернуть, но не была въ силахъ сладить съ прежнею любовью; ею овладѣла всецѣло ревность, и жажда мести мало по малу охватывала ея кроткую до того времени душу. Месть нашептывала ей: онъ твой, былъ твоимъ раньше, отними его у разлучницы, пусть она понесетъ кару за посягательство на твое добро.

Солнце уже зашло за небосклонъ, а Маруся все еще сидѣла въ раздумьи на томъ же мѣстѣ, и мысли ея вылились невольно въ пѣснѣ:

„Два голубы воду пылы, а два колотылы.

„Бодай лыхо тыхъ побыло, шчо насъ розлучылы!

Ярына опять вышла изъ хаты и прикрикнула на племянницу.

— Годи вже тоби, годи! ступай домой. Еще лѣто не наступило, еще рано по ночамъ сидѣть на улицѣ: насидишь себѣ „пропасныцю" или другую бѣду!

Маруся поднялась и обѣ женщины вошли въ хату.

Между тѣмъ весь трагическій порывъ Грыцька ограничился сказанными имъ жалкими словами; возвратившись домой, сталъ онъ раздумывать, какъ бы ему отправиться поискать „лядськои кули",—думалъ онъ, тосковалъ, но не трогался съ мѣста, откладывая выѣздъ со дня на день подъ разными, болѣе или менѣе благовидными предлогами; онъ увѣрялъ самого себя, будто поджидаетъ товарищей, на приходъ которыхъ въ сущности не могъ разсчитывать; то его будто задерживала ненастная погода; наконецъ, онъ остановился на мысли, что онъ не знаетъ, куда слѣдуетъ ему ѣхать, что необходимо подождать вѣсти отъ Гордія, который исчезъ вмѣстѣ съ отрядомъ въ степи, какъ чайка въ открытомъ морѣ, не оставивъ слѣда и не сообщивъ о направленіи всего похода. Такъ онъ и порѣшилъ ожидать извѣстія и на томъ успокоился. А между тѣмъ жилось ему невесело: жена стала ему ненавистна, его устрашало общественное мнѣніе, которое могло проснуться и придавить его тяжелымъ позоромъ; но болѣе всего подавляло его сознаніе собственнаго безсилія и малодушія; онъ старался о немъ не думать, отбивался отъ этого сознанія всевозможными софизмами, но оно тѣмъ не менѣе все явственнѣе и яснѣе росло въ глубинѣ его души и подавляло его унизительными укорами и угрызеніями совѣсти. Чѣмъ тяжелѣе слагалась его жизнь личная и семейная, тѣмъ болѣе тянуло его къ хатѣ

Гордія; но въ хату эту онъ не имѣлъ доступа;она была ограждена отъ него и церковнымъ обрядомъ, и незыблемымъ обычаемъ предковъ. Общественное мнѣніе, строгое и непреклонное, стояло на сторожѣ обычая, и Грыцько ясно сознавалъ, что „не годыться“ ему, женатому человѣку, вести себя по прежнему, „по-парубоцьки“,—что если бы онъ и попытался стать въ прежнія отношенія, то Маруся, каковы бы ни были ея чувства, не только не пойдетъ ему навстрѣчу, но рѣзко дастъ ему почувствовать безнравственность его поведенія. Потому онъ не ходилъ въ домъ Гордія, не смѣлъ и помыслить о свиданіи съ Марусею; но каждый день, возвращаясь съ поля, невольно попадалъ на ту же улицу и самъ себя увѣрялъ, что совершенно случайно встрѣчается съ дѣвушкою и обмѣнивается двумя-тремя, повидимому безразличными, обыденными фразами.

Между тѣмъ Гордій съ своимъ отрядомъ человѣкъ въ 300 или 400 „ярамы та манивцямы“ пробирался къ границамъ Брацлавщины. Не желая обращать на себя вниманія, Гордій раздѣлилъ свой отрядъ на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая подвигалась на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, но иною дорогою, сносясь на пути одна съ другою. Козаки двигались по лѣсной полосѣ, тянувшейся мимо Таращи, Володарки и Тетіева, по южному берегу Роси, стараясь не выѣзжать изъ лѣсной мѣстности въ поле, во избѣжаніе встрѣчи съ польскими разъѣздами „украинской партіи“, и сохраняли на пути строгій порядокъ и всевозможныя предосторожности.

По тому же направленію, по которому выступилъ Гордій, вслѣдъ за нимъ выѣхалъ изъ сѣкирянской корчмы его сосѣдъ, Орунъ. Согласно волѣ региментаря и иструкціи, сообщенной ему Цалинскимъ, еврей возвратился въ свою корчму; втеченіе зимы онъ наблюдалъ исправно за всѣмъ, что происходило вокругъ него, и, отъ времени до времени, давалъ отчеты черезъ посыльныхъ, которые пріѣзжали къ нему изъ Немирова; очевидно, отчеты его

были точны и обстоятельны: они обратили на себя вниманіе военнаго начальства. Орунъ сообщалъ свѣдѣнія и о гонцахъ, ѣздившихъ къ Гордію изъ Сичи и Шаргорода, и о сборѣ охотниковъ изъ-за Днѣпра, и объ агитаціи, которая велась въ селахъ и хуторахъ въ окрестности Мошенъ; онъ, конечно, не зналъ подробностей предположеннаго похода, но отчеты его давали возможность составить точное понятіе о настроеніи крестьянъ и о приготовлявшемся движеніи. Недѣли за двѣ до выступленія Гордія, къ Оруну явился послѣдній гонецъ изъ Немирова; онъ привезъ ему приказъ отъ Цалинскаго немедленно послѣ выступленія козаковъ изъ его мѣстности явиться въ Немировъ съ подробными свѣдѣніями о силахъ отряда, о пути, по которому онъ направится и вообще обо всѣхъ провѣданныхъ имъ подробностяхъ. Для того, чтобы поощрить рвеніе Оруна, гонецъ этотъ привезъ ему важный документъ: это было письмо отъ немировскаго губернатора (главноуправляющаго имѣніемъ) къ региментарю; въ письмѣ этомъ губернаторъ заявлялъ, что по ходатайству региментаря, въ виду доказанной вѣрности и полезныхъ для Речи-Посполитой услугъ „старозаконнаго“ Оруна Менделевича, губернаторъ намѣренъ предоставить вышепоименованному Оруну „генеральную корчемную аренду“ во всемъ немировскомъ „ключѣ“, въ случаѣ, если сообщенія, доставляемыя Оруномъ, региментарь найдетъ вполнѣ достовѣрными. Такимъ образомъ будущее богатство Оруна было вполнѣ обезпечено. Онъ сталъ щедро угощать заѣзжавшихъ къ нему козацкихъ гонцовъ и заходившихъ въ корчму гетманцевъ и за послѣднее время успѣлъ по частямъ выпытать кое-какія новыя важныя свѣдѣнія; онъ узналъ о выходѣ въ степь запорожцевъ, о числѣ охотниковъ, собранныхъ Гордіемъ, и о времени выступленія его отряда; онъ радостно потиралъ руки, не сомнѣваясь, что эти извѣстія окончательно утвердятъ за нимъ обѣщанную награду. Онъ немедленно снарядилъ возъ, для виду нагрузилъ его вяленою рыбою и пустился въ путь, направ-

ляясь къ западу, но не придерживаясь большаго купеческаго „тракта“; онъ заѣзжалъ по сторонамъ въ мѣстечки. уединенные еврейскіе шинки и мельницы и тщательно собиралъ свѣдѣнія о времени и направленіи, по которому проходили гайдамацкіе отряды.

Вслѣдствіе необходимыхъ предосторожностей отрядъ Гордія подвигался медленно; пять дней спустя послѣ выступленія онъ остановился на ночлегъ на небольшой лѣсной полянѣ между Володаркою и Лобачевымъ, среди болотъ и озеръ, образуемыхъ лѣсною рѣчкою Торчею. На разсвѣтѣ Гордій, по обыкновенію, снарядилъ патруль для того, чтобы предварительно развѣдать безопасность предстоящаго пути. Патруль этотъ, состоявшій изъ четырехъ козаковъ, находился подъ начальствомъ Гнатка Голаго. Выѣхавъ изъ стоянки, онъ направился внизъ по теченію рѣчки и вскорѣ выѣхалъ на песчаный берегъ Роси, окаймленный дикою лѣсною пущею; козаки внимательно разсматривали мѣстность, въ надеждѣ встрѣтить пасѣку или хуторъ, въ которомъ бы они могли разспросить о состояніи мѣстности и безопасности пути,—но кругомъ не было никакого жилья. Пустынные берега Роси были окаймлены очеретомъ и аиромъ, за каймою котораго виднѣлась черная зеркальная поверхность рѣки, изъ которой поднимался сѣрый утренній туманъ. Наконецъ, на противоположномъ берегу рѣки блеснулъ крестъ, и вскорѣ всадники увидѣли группу домовъ, покрытыхъ частью красною черепицею, частью соломенными крышами. Передъ ними лежало небольшое мѣстечко.

— Это Володарка! сказалъ одинъ изъ всадниковъ.

— Да, Володарка,—отвѣтилъ Гнатко; поѣдемъ дальше.

Козаки повернули обратно въ лѣсъ и, не выѣзжая на опушку, двигались параллельно теченію Роси. Проѣхавъ версты двѣ, они очутились въ широкой долинѣ, спускавшейся къ Роси. Передъ ними вновь была рѣка, окаймленная камышемъ, и по ту сторону ея въ отдаленіи виднѣлось мѣстечко. Гнатко остановился и внима-

тельно осмотрѣлъ мѣстность; въ концѣ онъ замѣтилъ небольшую полоску дыма, разстилавшуюся по верхушкамъ деревьевъ.

— Должно-быть паромъ? замѣтилъ одинъ изъ козаковъ.

— Вѣроятно, паромъ, отвѣтилъ Гнатко: у парома должна быть хата.

Они молча направили лошадей въ ту сторону и вскорѣ увидѣли нѣсколько лачугъ, стоявшихъ на опушкѣ лѣса, а за ними виднѣлся паромъ, устроенный на дорогѣ, соединявшей Володарку съ Уманью.

Гнатко направился къ ближайшей хижинѣ, расположенной на песчаномъ холмѣ надъ рѣкою; возлѣ хаты, на кустахъ развѣшены были сѣти, среди аира стояла „душегубка“; очевидно, хозяинъ занимался рыбнымъ промысломъ.

На встрѣчу козакамъ изъ дверей хижины показалась сгорбленная фигура старика.—Ты кто такой? спросилъ Гнатко.

— Сторожъ при паромѣ.

— На панской службѣ?

— А тожъ.

— Кто живетъ въ другихъ хатахъ?

— Такіе же старики, какъ я. Кто „не здужае“ отбывать панщины, того посылаютъ сюда ловить рыбу на шабасъ жидамъ.

— Что у васъ слышно, старый?

— Все спокойно... Я, впрочемъ, знаю не много, никуда не хожу... Вотъ распросили бы вы у парома,—его арендуетъ жидъ: онъ долженъ знать все, онъ ѣздитъ „по всимъ свитамъ“.

Козаки направились къ парому. На берегу стоялъ еврей, дававшій распоряженія перевощикамъ; тутъ-же остановилось нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, ожидавшихъ переправы; рядомъ около еврейскаго дома, въ которомъ помѣщался шинокъ, стоялъ большой кованный возъ, нагруженный товаромъ и запряженный парою ло-

шадей. Гнатко окинулъ быстрымъ взглядомъ и группу, стоявшую на берегу рѣки, и корчму, и возъ; послѣдній особенно поразилъ его вниманіе: онъ узналъ хорошо ему знакомыхъ лошадей. Онъ подъѣхалъ къ еврею; послѣдній, замѣтивъ вооруженныхъ всадниковъ, нѣсколько струсилъ, но, стараясь сохранить спокойный видъ, пошелъ на встрѣчу козакамъ и, приподнявъ шапку, спросилъ:

— Вы, господа, въ Володарку?

— Можетъ быть и въ Володарку, отвѣтилъ Гнатко.

Неопредѣленный отвѣтъ, а еще болѣе видъ всадниковъ, которыхъ съ перваго взгляда нельзя было признать ни жолнерами, ни козаками любой „надворной милиціи“, усилили смущеніе еврея; онъ чувствовалъ, что можетъ случиться нѣчто неладное.

— Прошу обождать съ минутку, паромъ сейчасъ будетъ готовъ, сказалъ онъ и поспѣшно удалился въ корчму. Трое козаковъ спѣшились и, передавъ лошадей четвертому товарищу, послѣдовали за нимъ.

— Послушай, обратился Гнатко къ хозяину: не знаешь ли, гдѣ по близости стоитъ ляшская команда?

— Команда? спросилъ еврей, улыбаясь подобострастно; я не знаю, она мнѣ не нужна, мнѣ самому лучше жить безъ жолнеровъ.

— Смотри только,—не „бреши“, не виляй хвостомъ, какъ лисица, говори правду!

— Не вѣрите мнѣ, такъ у людей спросите: въ нашихъ мѣстахъ давно уже не видно жолнеровъ; больше я ничего не знаю... военныя дѣла ко мнѣ не относятся, я человѣкъ мирный, я занятъ своимъ промысломъ.

Гнатко подошелъ къ группѣ крестьянъ, стоявшимъ у парома, и сталъ съ ними бесѣдовать; очевидно, онъ собралъ нужныя извѣстія, потому что вскорѣ вошелъ въ корчму, спокойно сѣлъ на скамью у стола и приказалъ подать козакамъ пива. Посматривая какъ будто случайно въ окно, онъ спросилъ равнодушно хозяина:

— Чей это возъ съ товаромъ?

Еврей замѣтно поблѣднѣлъ. Не знаю, сказалъ онъ,— какой-то еврей пріѣхалъ на разсвѣтѣ, попросилъ присмотрѣть за его товаромъ, а самъ по дѣлу пошелъ въ Володарку и еще не возвращался.

— Откуда пріѣхалъ этотъ еврей? спросилъ Гнатко, всматриваясь пристально въ хозяина.

— Не знаю... Пріѣзжій, „тай годи"!

— Странно! Ты принялъ лошади и товаръ отъ проѣзжаго, не спросивъ, ни кто онъ, ни откуда?

Еврей растерялся; онъ пытался дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, сбивался, путался и, чувствуя это, дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страха. Смущеніе хозяина, равно какъ и исчезновеніе владѣльца повозки усиливали все болѣе и болѣе подозрѣнія Гнатка. Онъ вскочилъ изъ-за стола и прикрикнулъ:

— „Брешешъ, собача віра"!—говори, кто такой пріѣзжій и гдѣ онъ! При этомъ онъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса.

Еврей мгновенно выскочилъ съ крикомъ въ открытое окно; вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ Гнатко и схватилъ его за воротъ халата.

— Гевультъ! ратуйте! разбой! кричалъ еврей, барахтаясь и стараясь освободиться отъ сильной руки Гнатка.

Но крестьяне, стоявшіе у возовъ, смотрѣли хладнокровно на происходившую сцену; никто не спѣшилъ подать помощи арендатору,—крикъ его напрасно оглашалъ пустынный берегъ рѣки и лишь откликался эхомъ въ лѣсной чащѣ.

— „Алежъ крычыть, неначе въ судный день въ школи", замѣтилъ одинъ изъ зрителей, флегматично потягивая дымъ изъ коротенькой трубочки.

— „Крычыть невирна душа!" — такъ же флегматично подтвердилъ другой.

— Говори, гдѣ проѣзжій! кричалъ Гнатко,—а то мы тебя свяжемъ и бросимъ въ рѣку... „тутъ тоби буде й капутъ"!

— Ей-Богу, панове козаки, я не знаю!.. Можетъ быть онъ спрятался...

Передавъ арендатора въ руки одного изъ товарищей, Гнатко вмѣстѣ съ другими отправился обратно въ избу. Они стали тщательно обыскивать всѣ углы; осмотрѣли „горище“, зашли въ сарай, на сѣновалъ, приказали отперетъ кладовую, буравили „ратыщами“ сѣно и солому, смотрѣли въ бочки, заглянули въ погребъ, но нигдѣ не оказывалось и слѣда таинственнаго проѣзжаго, наконецъ зашли въ „валькиръ“, въ которомъ помѣщалась спальня хозяина. Комната была небольшая; у окна стоялъ столъ и рядомъ съ нимъ двѣ скамейки; у одной стѣны помѣщался огромный шкафъ съ посудою на верхнихъ полкахъ и съ выдвижными ящиками для склада одежды и бѣлья внизу; противоположная стѣна занята была громадною хозяйскою кроватью, на которой высилась цѣлая гора перинъ и подушекъ; бѣлая простыня спускалась съ кровати, заслоняя ее почти до пола. Гнатко приподнялъ эту простыню и увидѣлъ въ углу какую-то темную массу, прислонившуюся къ стѣнѣ; не разсмотрѣвъ ее въ полумракѣ, онъ на всякій случай ткнулъ въ нее ратыщемъ; масса была мягкая; подъ вліяніемъ укола она вдругъ вздрогнула и испустила стонъ.

— Есть! сказалъ Гнатко.

— Ой вей! пане отамане! раздалось изъ-подъ кровати: оставьте меня несчастнаго въ покоѣ... я передъ вами ничѣмъ не провинился.

— Вылѣзай! познакомимся и поговоримъ: если ты не провинился, то нечего тебѣ и прятаться отъ людей. Вылѣзай, а то вновь пущу въ ходъ ратыще.

— Зачѣмъ ратыще?—Я сейчасъ выйду.

Дѣйствительно, изъ подъ кровати показалась рыжая голова, затѣмъ выползла вся человѣческая фигура и, привставъ на колѣни, глянула на Игнатка,—это былъ Орунъ.

— Тьфу, нечиста сыла! Какой чортъ загналъ тебя подъ кровать? спросилъ Гнатко.

Орунъ, блѣдный и встревоженный, медленно приподнимался на ноги, стараясь сохранить необходимое присутствіе духа. Онъ обратился къ Игнату развязно, съ принужденною улыбкою.

— Это вы, панъ Гнатко! ну слава Богу! а я такъ испугался... я думалъ, что пришли гайдамаки.

Гнатко смотрѣлъ на него подозрительно. Онъ спросилъ спокойнымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я?.. ничего!.. хозяинъ сказалъ, что ѣдутъ гайдамаки; я испугался, растерялся... ну, и залѣзъ подъ кровать. Теперь—слава Богу!.. я вижу, что это вы.

— Ну, ладно!—Откуда и куда ты ѣдешь?

— Я по торговымъ дѣламъ; я везу товаръ продавать.

— Какой товаръ?

— Ну, извѣстно: какой попался... рыбу!

— Куда же ты везешь ее?

— Да туда, гдѣ купятъ;—продамъ, гдѣ найду сходнѣе цѣну!

— „Говори здоровъ"! рыба не оксамитъ и не китайка, далеко возить не зачѣмъ; ты могъ ее сбыть и въ Мошнахъ и въ Черкассахъ. Говори толкомъ: куда ѣдешь?

— Да мнѣ нужно посѣтить родственниковъ въ Немировѣ: при случаѣ продамъ товаръ,—тамъ цѣны лучше—да и дорога окупится.

Гнатко мрачно покачалъ головою.

— Кто же твои родственники въ Немировѣ? Не региментарь ли случайно?

Орунъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но продолжалъ вести разговоръ въ развязномъ тонѣ.

— Зачѣмъ шутить нехорошія шутки? У меня въ Немировѣ много настоящихъ родственниковъ: я вѣдь родомъ оттуда.

Онъ сталъ называть своихъ родныхъ, указывалъ ихъ занятія, перечислялъ ненужныя подробности, переплеталъ разсказъ торговыми соображеніями,—словомъ, старался придать своей поѣздкѣ самый обыденный характеръ

и, по мѣрѣ возможности, съиграть роль человѣка недалекаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе личные интересы и соображенія.

Гнатко слушалъ разсказъ спокойно и внимательно. соображая, какъ ему слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Онъ давно не довѣрялъ Оруну, замѣчалъ, что еврей очень искуссно, будто нéхотя, всегда умѣлъ свести со своими посѣтителями бесѣду на текущія общественныя событія, незамѣтно выпытывалъ все, что было возможно, и подбиралъ по мелочамъ весьма щекотливыя свѣдѣнія. Онъ былъ увѣренъ, что еврей далеко не такъ простъ, какимъ хотѣлъ казаться; притомъ его выѣздъ одновременно съ выступленіемъ отряда, поѣздка въ Немировъ, очевидное желаніе уклониться отъ встрѣчи и неловкія объясненія при разспросѣ,—все это усиливало его подозрѣнія; оставить Оруна продолжать путь ему казалось опаснымъ,—выспросить больше онъ не былъ въ состояніи; потому рѣшился предоставить рѣшеніе дѣла атаману.

Онъ поднялъ голову и спокойно прервалъ разсказъ Оруна.

— А я думаю, что ты „брешешъ"; но, чтобы выяснить дѣло, ты поѣдешь съ нами: тамъ правды добьемся.

Орунъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на окружающихъ, будто не понялъ предложенія.

— Ну, панъ Игнатъ, вы шутите, мнѣ съ вами нечего ѣхать: у васъ свои дѣла, у меня свои, вамъ одинъ путь, мнѣ другой.

— Тебѣ необходимо проѣхаться съ нами, сказалъ рѣшительно Гнатко:

Еврей попытался сопротивляться, но козаки быстро схватили его и вывели на дворъ; они посадили его на лошадь за сѣдломъ одного изъ товарищей и, связавъ его руки поясомъ, прикрѣпили ихъ къ сѣдлу; затѣмъ, вскочивъ на лошадей, отправились въ обратный путь.

Пріѣхавъ на стоянку, Гнатко далъ отчетъ Гордію о собранныхъ свѣдѣніяхъ и передалъ кратко свои подо-

зрѣнія по отношенію къ Оруну и причину его поимки. Еврея развязали и сняли съ лошади; отъ страха и непривычной верховой ѣзды онъ до того усталъ, что едва могъ держаться на ногахъ. Козаки, окруживъ его, шутили.

— Что, братъ, не любишь ѣздить верхомъ?

— Куда ему? онъ привыкъ ѣздить на языкѣ.

— Да, должно быть языкъ у него длинный, не придется ли его отрѣзать?

Между тѣмъ Орунъ обратился къ Гордію съ униженнымъ видомъ:

— Пане сотнику! Зачѣмъ это ваши хлопцы дѣлаютъ мнѣ непріятности? Они захватили меня на дорогѣ безъ всякой вины, потащили въ лѣсъ, не знаю зачѣмъ. Я бросилъ безъ присмотра лошадей и товаръ, перепугался, измучился... это совсѣмъ не умныя шутки: по-сосѣдски такъ не поступаютъ!

Гордій перекинулся между тѣмъ нѣсколькими словами съ окружавшими его козаками и сказалъ спокойно.

— Да, нужно разъяснить наши сосѣдскія отношенія. Говори просто и ясно: куда и зачѣмъ ты ѣхалъ?

— Я ѣхалъ въ Немировъ по своимъ торговымъ и семейнымъ дѣламъ. Что же, развѣ мнѣ нельзя ѣздить по своей надобности? У меня есть родня, мнѣ нужно ихъ посѣтить.

— Поздно ты вспомнилъ про родню!—То сидѣлъ десять лѣтъ въ корчмѣ и забылъ объ ней, а теперь вотъ уже второй разъ я тебя встрѣчаю на пути къ Немирову.

— Ну!.. у меня тамъ случились дѣла: я вмѣстѣ съ своякомъ взялъ подрядъ въ экономіи; мнѣ необходимо получить слѣдуемое у губернатора и свести счеты съ компаньономъ, потому и приходится ѣздить почаще.

— Посмотримъ! сказалъ Гордій и затѣмъ обратился къ Гнатку: вы осмотрѣли его возъ?

— Не догадались. Да онъ говорилъ, что везетъ рыбу.

Гордій неодобрительно покачалъ головою.—Обыщите же его! сказадъ онъ отрывисто. Козаки сняли съ Оруна

халатъ, затѣмъ принялись снимать особаго покроя жилетъ, такъ называемое „цыцеле“, и въ подкладкѣ ощупали зашитую бумагу; Грыцько разрѣзалъ ножемъ полотно и вынулъ сложенный вчетверо плотный листъ бумаги. Онъ развернулъ его и подалъ сотнику. Орунъ вздрогнулъ, но сейчасъ же оправился и подошелъ къ Гордію. Онъ зналъ, что сотникъ былъ грамотенъ и учился когда то въ школѣ, и въ головѣ его промелькнула послѣдняя надежда: должно быть Гордій знаетъ только русскую грамоту, бумага же была написана по-польски, а на оборотѣ были многочисленныя помѣтки, сдѣланныя имъ на еврейскомъ языкѣ.

— Я вамъ говорилъ, что у меня подрядъ въ экономіи: это мой контрактъ; вы, панъ сотникъ, человѣкъ ученый, вы знаете всякое письмо... посмотрите сами: это подпись немировскаго губернатора.

— Вижу, сказалъ Гордій, пробѣгая глазами бумагу съ безстрастнымъ видомъ. Орунъ вздохнулъ свободнѣе; онъ былъ увѣренъ, что Гордій, не желая признаться въ незнаніи передъ козаками, просмотритъ бумагу для виду и подтвердитъ его слова; спокойный видъ сотника и мнимое, какъ онъ полагалъ, чтеніе имъ бумаги про себя нѣсколько его успокоили.

— Да, это, дѣйствительно, контрактъ, сказалъ Гордій: а какой товаръ подрядился доставить Орунъ ляхамъ,— выслушайте, панове громадо.—Онъ медленно и отчетливо сталъ читать въ переводѣ письмо немировскаго губернатора къ региментарю; съ первыхъ же словъ Орунъ смертельно поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что дѣятельность его вполнѣ открыта. Кончивъ чтеніе, Гордій сложилъ бумагу и спросилъ окружающихъ:—Такъ что жъ теперь?

— Повѣсить! отвѣтили въ одинъ голосъ гайдамаки.

— Пане Гордію! крикнулъ Орунъ, повалившись къ ногамъ сотника: помилуй меня, я человѣкъ семейный:—у тебя вѣдь также дѣти!..

Лицо Гордія на мгновеніе передернулось выраженіемъ страданія и досады, но вслѣдъ затѣмъ оно приняло грозный видъ.—А ты думалъ о нашихъ дѣтяхъ, когда продавалъ ляхамъ наши головы? Ты разсчитывалъ, можетъ быть, что они насъ помилуютъ?—Юда!.. ты торговалъ человѣческою кровью и смѣешь просить помилованія?! Нѣтъ,—собакѣ собачья смерть... тащите его на „гиляку"!

Два дюжіе козака схватили Оруна за руки, третій накинулъ на шею веревку; его увели на край поляны.

— Паны козаки! кричалъ Орунъ: подарите мнѣ жизнь,— буду по гробъ вашимъ другомъ!

— Хороша дружба, отвѣчалъ козакъ,—нечѣмъ хвалиться!

— Послушайте!.. пустите меня, я васъ озолочу: у меня много золота, много серебра, больше, чѣмъ вы воображаете: я все вамъ отдамъ до послѣдняго шеляга, самъ нищимъ останусь, только простите мнѣ, не убивайте...

— Подавись ты своимъ проклятымъ золотомъ, сказалъ мрачно козакъ, перекидывавшій веревку черезъ вѣтвь дуба, и онъ сильно потянулъ ея конецъ. Горло Оруна судорожно сжалось, голосъ его оборвался. Всѣ три козака потянули веревку; Орунъ поднялся на аршинъ отъ земли, по тѣлу пробѣжало нѣсколько судорожныхъ движеній, и оно вытянулось неподвижно. Козаки молча постояли нѣсколько минутъ, затѣмъ одинъ изъ нихъ толкнулъ слегка рукою висѣвшее тѣло и, убѣдившись, что все кончено, медленными шагами направился къ Гордію.—Вже! сказалъ онъ отрывисто.

— Ну, теперь въ походъ! скомандовалъ сотникъ.

Черезъ полчаса весь отрядъ пробирался уже по лѣсной чащѣ въ направленіи къ западу; на полянѣ видна была только измятая трава; вѣтеръ подбрасывалъ клочки разорванной бумаги, а въ сторонѣ мрачно покачивался окоченѣвшій трупъ Оруна.

Послѣ отъѣзда Гнатка съ Оруномъ, арендаторъ перевоза побѣжалъ въ мѣстечко и оповѣстилъ въ замкѣ о появленіи гайдамаковъ и похищеніи ими проѣзжаго купца;

но погони за ними не снаряжали: въ замкѣ была небольшая команда, состоявшая изъ 20 жолнеровъ надворной милиціи, но губернаторъ счелъ болѣе удобнымъ не рисковать своими незначительными силами, не зная численности гайдамацкаго отряда; онъ только принялъ мѣры предосторожности для охраненія мѣстечка и замка. Втеченіе нѣсколькихъ дней ходили конные патрули осматривать берега Роси, и на ночь, у воротъ замка, возводили подъемный мостъ и ставили стражу у палисада; но гайдамаки не появлялись, и черезъ недѣлю предосторожности были оставлены, и жизнь въ мѣстечкѣ потекла обыденнымъ порядкомъ. Въ то время появленіе мелкихъ гайдамацкихъ партій и нападенія ихъ на проѣзжихъ были дѣломъ слишкомъ обычнымъ и не особенно волновали публику. Прождавъ нѣсколько дней, арендаторъ перевоза доставилъ Оруновъ возъ и лошадей въ мѣстечко и сдалъ ихъ на попеченіе кагала. Владѣлецъ исчезъ безъ вѣсти, на томъ порѣшили и успокоились, не предпринимая поисковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ потребна естъ мова“, сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „хто не глупый, зажъ не тотъ, що не мовитъ слова?“

Отсюда—важность грамматики, которая „учитъ словъ и мовы“ и даетъ возможность „то познати, где позволено по некомъ мѣстце“ человѣку, какъ „розумному звѣрати“.

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мови, говоритъ онъ, знать ретора, поету“...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своеобразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплетаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., май.

и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Събраніе короткои наȣки ѡ артикȣлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ предназначалась эта книга. „Пȣбликȣетсѧ“ она, сказано въ *предмовѣ* къ ней, „длѧ сынѡвъ церкви православнѡкаѳоличеекои всходнеи, в тотъ цель и конецъ, абы не тылко самые Їерее в парафѣѧхъ своихъ... наȣкȣ... подавали на кождый день“, но чтобы „и свѣцкіе православные оумѣючіи читати, не оумѣючимъ и простѣйшимъ с повинности способомъ наȣкȣ преподаючи заправовали, а найбарзѣй родичѣ дѣтей своихъ, панове челѧдь, преложоные собѣ подлеглыхъ, ѡсоблившимъ єднакъ способомъ, абы по школахъ всѣ дидаскалѡве ꙗкѡ найпилнѣй своихъ оучневъ заправовали“...

Такимъ образомъ народныя стихіи рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, напримѣръ, въ Тріодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадные сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоанникія Галятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита — всякаго рода *виршахъ* и апокрифическихъ сказаніяхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобраться въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами

были выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распредѣлены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отношеніяхъ предмета къ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными навыками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, напримѣръ, былъ Іоанникій Галятовскій, составитель схоластической риторики, извѣстной подъ заглавіемъ: „Наѹ́ка ѧ҆лбо спо́сѡ҆ ѡ҆ зложе́нїа каза́нїа“. *Наука* эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзкій колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли своему вліянію его своеобразные пріемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ и формъ и донынѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчіи великорусскомъ.—Нужно выдѣлить затѣмъ изъ книжной

малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію.* Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторые изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы.* Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большею частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчіяхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устраненія всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоявшія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ

книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звукъ е безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое *е* безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *вітер*, *сестéр*; б) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *ер*, *ре*: *бéрег*, *простéртый*, *хрéст*; в) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствуетъ церковнославянскому *ь*: *дéнь*. Церковнославянское *ѥ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *сіньейе*, *третьейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весíллье*, *насíннье*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѥ*. Слѣды этого превращенія *ѥ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножѣнья*, *куръ глашѣнья* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)[1]. Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое е (= *ѥ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи:[2] по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѥ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *е*: *клѥвета*, *оумножитѥ*, (Сбор. 1073 г.), *о сѥмъ* (Ж. Ѳ. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѥ* вмѣсто *е*: *тебѥ*, *всѥю* (Луц. еван. XIV в.)[3].

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

Въ замѣнъ этого *ѥ* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчіи широкое *е*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчіи, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *ѥ*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчіи это широкое *е* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было простое, не іотированное *е*: *менѐ*, *тебѐ*, *себѐ* (род. ед.), *нé*, *нéбо*, *ведéть* и проч. Вотъ это старое *е*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *е*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчіе, поэтому іотированное *е* (*ѥ*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „ны́нѣшними пи́сцы ѡ҆ста́вися“. Въ правописаніи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ є установилось долгоязычное Є [1]). Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „Єммануи́лъ“, а также въ падежахъ множ. ч. для отличія ихъ отъ падежей един. ч: „то̀й клевре́тъ, тѣ́хъ клевре́тъ“. Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *е* въ началѣ словъ: Є҆го̀, Є҆́же, Є҆́сть и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчіями, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *всякій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Это та особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ“, и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка“. Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка“ онъ признаетъ языкъ Остромірова евангелія, Туровскаго евангелія, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII

---

[1]) Є встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Московс. синод. библіот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять Є, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографія, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).

словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевской псалтири [1]). Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остроміровомъ евангеліи часто стоитъ *ъ* вмѣсто *ь* послѣ шипящихъ,—буквы *а*, *о*, ѫ вмѣсто *я*, *ю*, ѧ, послѣ *з* и *р*: кънѧза, пѣнѧзоу, алтара и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *ъ* и *ь* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ вслѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отвердѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *е* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные [2]). Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчіи предъ *і* изъ *ѣ*, *о*, *е*, а гортанные—предъ *і* изъ *о* и основнымъ *и*, въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными [3]). Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту мало-

[1]) Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, 169—184.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 248—253.

[3]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

русскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорамъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи [1]). Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: цркові (Рад. Ог. 156), любо́въ (Г. М. 202), *кровъ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ ѧ: лю́бѧтъ (Рад. Ог. 392), мо́вѧтъ (Ib. 301), пѧ́нство (Ib. 42), мѧ́со (Ib. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: здоровье (Рад. Ог. 29), безправье (Ib.), бю (Ib. 1016). бютъ (Ib. 1123). Только предъ *ѣ = і* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отступаетъ отъ древнѣйшихъ образцевъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были къ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчіи съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и донынѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно передъ *е*, они переходятъ въ шипящіе: *небо́же*, *коза́че*, *пта́ше*, а передъ *і*—въ свистящіе: *небозі*, *на річці*, *у стрісі*. Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: дрꙋже (Г. К. 24), въ доро́зѣ (Ib. 213), въ кни́зѣ (Г. М.), въ рꙋцѣ (Ib.) въ наꙋцѣ (Г. К. 219), въ фляшцѣ (Ib. 210), мона́сѣ (Ib. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза со-

---

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

храненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарб*, *рів*, *торг*, *город*, *ниж*, *віз* и проч. Но и въ рединѣ словъ звучные согласные выдерживаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *гребтѝ*, *стерегтѝ*, *везтѝ*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчія, то въ этомъ отношеніи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ срединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованіи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ [1]), считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношеніе ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненію на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчіи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*. Въ такихъ, напримѣръ, начертаніяхъ, какъ **тридцѧтѝ** (Рад. Ог. 385), **найдорóжшихъ** (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчіи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ [2]), объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчіи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссіянина не представляетъ никакого затрудненія выдержать въ правописаніи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованіе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоитъ болѣе или менѣе равномѣрное чередованіе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

оттѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленныя и особенно четырехчленныя согласныя группы, нерѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи [1]). Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-ржа́*, *И-львовъ* [2]), *и-шовъ*, и-шлѧ̀ (Перес. еван. 26), *о-селе́дець*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-весь*, ѹ҆ къ ѻ҆гнь (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошла* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *льва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *в-огонь*, *в-овця* (Гал. ев. XIII в.) [3]), *в-олтарь* (Полик. ев. XIV) [4]), *в-окно* (Грам. XV в.) [5]), *г-оріх*, *j-ангол*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализація согласныхъ для той же цѣли: *голка*, *му* вмѣсто *ему* [6]), *мамъ* (Полик. ев. XIV в.) [7]), сп҄ѣдь (Г. кл. 31), *уся*. *уси* вмѣсто *вся*, *всі* (Грам. XV в.) [8]), *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350) [9]). Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ [10]). Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчіи они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчіи, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.
[2]) АЗР. І. 30.
[3]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.
[4]) Ibidem.
[5]) АЗР. І. 43.
[6]) АЮЗР. ІІ. 102.
[7]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.
[8]) Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.
[9]) Гол. гр. № 2.
[10]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 93.

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *а* съ темой *у* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птахове* (Чуб. V, 223), *ляхове* (Пис. Б. X.)„а мои *сватове*—у воді *ракове*" (Гол. I. 74), „що то в полі за *димове* (Ib. 37),—даже въ женск. р. *громадове* (Ib. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: па́нове, мона́рхове (Г. К. 62), *жидове, туркове и вси еретикове* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣе древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. II.), *мниси* (ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовці, птасі, слузі* [1]). Вовсе нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *а, я* для именъ существительныхъ муж. р. [2]).

Родительный падежъ множ. ч.

Архаическія формы во множ. ч: *сім год, сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людій* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *а* мягкаго склоненія: *плечій* (Гол. III. 100), *коній* (ib. 226). Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*людій погубили*" (Хм. л.), ра́зїн вмѣсто *разъ* или *разовъ* (Рад. Ог. 396).

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

[2]) Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчіи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: господеви (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ была это форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и современномъ малорусскомъ нарѣчіи: *кумові*, *коневі* (въ галиц. *кумови*, *коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненіи именъ женс. р. *землі*, *души*,—утраченное въ великорусскомъ нарѣчіи. [1])

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і:* въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличія отъ церковнославянскихъ: *костем*, *людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненіемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а*—звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [2]). Въ книжной малорусской рѣчи часто возстановлялись церковнославянскія окончанія *омъ*, *емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленіи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ*, *татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. Б. Х)., ро́дичомъ (Г. К. 172), *непріятелемъ* (Льв. П.), лю́демъ (Г. М. 84) и т. п.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ:

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

„ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, мої *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Льв. п.); „**Мессїа правдивый мѣлъ ѿкинути старозаконныи офѣры — волы, козлы, бараны, овцы, голубы, горлицы, воробѣ**“ (Г. М. 224); „*невѣсты* псотили“ (Хмѣл. л.); „на *козаки* пошли ляхи“, но въ той же фразѣ: „побили *козаковъ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиже*“ есть „*михаилъ архистратигъ*“. [1]) Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о, е*: *жінко. земле, куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю, коню, батьку, дядьку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящіе предъ гласнымъ *е*: *друже, чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче, жено*: „ой, *отче* мій, преч від мене, не роскравай серце мое“ (Гол. I. 141); „ой рік же я до жени: ходимъ, *жено*, до куми“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа старинные малорусскіе писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: **матко** (Г. Чуд. 136), **мамо** (Рад. Ог. 783), **приятелько** (Г. К. 149), **надѣе моя** (Стр.), **душе** (Г. Чуд. 134), **друже** (Г. К. 24), **старче** (Г. Чуд. 134), **сыну** (Ib. 107), **тату**,

[1]) Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О незначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго рус. языка, Колосова, 214.

мꙋчителю (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *i*: „о лю́кости земна́ѧ“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *у*: королѣвитове (Г. К. 168), па́нове, свя́тове (К. Х.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчіи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою*, *ею*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой*, *ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: рꙋ́кою, земле́ю, даже копі́ею (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *а*: *берегы*, *волы*, *плугы*, *цвіты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слёзы*,—такъ и въ именахъ темы *i*: *кістьми*[1]), при чемъ вліяніе первыхъ на послѣднія замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кіньми*, *гріши*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *а* съ темой *i* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчія этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ[2]). Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *а* отъ темы *i*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчію, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: па́стыри, свѣ́дители, вра́чи, зна́меніи и па́стырми, свѣ́дителми, вра́чми, зна́менми. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженіяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святы*“ (Льв. П.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *а* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на коні*, *на полі*, *на землі*. Въ вели-

---

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

[2]) Обзоръ зву... и форм. особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 223

корусскомъ нарѣчіи старинное *и* замѣнено мягкимъ *е* (*ѣ*). Весьма можетъ быть, что *і* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи, благодаря раннему превращенію въ соотвѣтствующихъ окончаніяхъ твердаго склоненія *ѣ* въ *і*, но отрицать непосредственную связь этого *і* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи, нѣтъ никакого основанія. Если это *і* образовалось изъ *ѣ* твердаго склоненія, какъ думаетъ г. Потебня[1]), то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленія въ немъ *і*=*ѣ*, какъ не тотъ же звукъ *і* (*и*)? А если это былъ тотъ же звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончаній. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: при коньци (Г. К. 155), къ мо́ри (Ib. 52), *въ Польщи* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчіяхъ старинныя окончанія *ех* и даже *ох*: *сынех, монастырех, грісех, столовех, торгох* [2]), *громох* [3]). Окончаніе *ех* появилось въ темѣ *а* изъ темы *і*, а *ох*, по нашему мнѣнію, есть остатокъ старинняго смѣшенія темы *а* съ темой *у*. Уже въ Остроміровомъ евангеліи есть слѣды этого смѣшенія, напр: къ домѣхъ. Въ Добриловомъ еван. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *ѣ* посредствомъ *о*: *домохъ* [4]). Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торгохъ*, (Ib. 513), *о поляхохъ* (Гр. 1543 г.) [5]), стольцо́хъ (Перес. еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанія *охъ*, но окончаніе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *і*, но и въ именахъ темы *а*, какъ въ мягкомъ склоненіи именъ мужес. и сред. р., напр: пастырехъ, врачѐхъ, се́рдцехъ, такъ и въ твердомъ: ко́нехъ, дре́вехъ. Вся разница, по его мнѣнію, твердаго склоненія отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно ря-

---

[1]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 782.

[2]) Studien... Ogonowski, 127, 128.

[3]) Отчетъ о занятіяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.

[4]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 115.

[5]) АЗЮР. I. 99.

домъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *і*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчіи на имена темы *а*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *охъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), на ко́нехъ (Г. К. 36), *въ пѣснехъ* (Лям. Бѣлоз.), ѡ звѣро́хъ (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ех*, окончаніе *ох* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчіи чрезъ *јох* въ *јіх*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчіи: „вина *дві скляниці*" (Гол. І. 186), „назадъ *руці* звязали" (ib. І. 139), дві *яблучці* дала" (ib. І. 69), даже *дві слові* (ib. III. 217), *очі*, *очима*, даже *крыльма* (Гол. І. 38), *дворома* (ib. І. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойст. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи*, *очима* (Лям. Бѣлоз.), двѣ наѹцѣ (Г. М. 86), а черезъ строку: двѣ наѹки (ib.), двѣ причи́нѣ (Рад. Ог. 45). Творит. двойст. большею частію попадается въ именахъ числительныхъ: шест҆ма̀ (Г. К. 62), ѻсма̀ (ib. 72), двана́дцѧ҆тма (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *горща̀*, *колісча̀*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ церковнославянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчіи великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля̀*, *ягня̀*, *порося̀*, *утя̀*, *лоша̀* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям*, *ягням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „бѹдѹчи дитѧ́мъ малымъ" (Г. М.

227), звѣрѧтъ (Г. Каз. 24), межи звѣрѧты (Рад. Ог. 375), въ звѣрѧтахъ (Г. М. 94.), осла̀, на ослѧти (Г. К. 61), звѣрѧти (Г. М. 227), пташа́та, пташа́тъ (Г. Каз. 49), близнѧ́тамъ, близнѧ́тахъ (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчіе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчіи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *дасѝ*, *ïcѝ*, *дастѐ*, *ïстѐ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа[1]),—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи[2]). Нерѣдки эти формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка: оу̓вѣси (Г. М. 304), вы́даси (Рад. Ог. 386), дасѝ, дастѐ (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бих* до сестриці, сестриця ми мила“ (Гол. I. 222); „ой дам же вам, ледіники, по пив-золотого, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову“ (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лъ* съ *jex*: *був jex*“, при чемъ въ помощь къ *jex* появляется иногда *есми*: „косив *jex сми*“, „дивив *jex* си *сми* з горы на нёго“[3]). Это *jex* (*ѥсъ*) образовалось по аналогіи съ *быхъ* въ слѣдствіе смѣшенія формъ

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

[2]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

[3]) Studien... Ogonowski, 145.

аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: ѥхмо вм. *есмо*: „видѣли ѥхмо". Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „мыслѣмо ѡ том ѧк бымо могли тѣло єго стоє съ крта снѧти" (Стр. 46); „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли" (Львов. П.); „то вабъ на васъ, же *быcте* не програли за выгране" (ibid). Рядомъ съ *быхмо, абыхмо* встрѣчаются формы: *быхмы* (Пал. 3. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *хмы, хмо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы, смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили" (Пал. 3. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховалисмы* (ib. 320), *слышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. І. Галятовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лъ* и въ формѣ аориста или прошедшаго продолженнаго, напр: „добрам є дорога верховны апплъ Петра и Павла, которыи ходячи по свѣту плакали, вѣдлугъ ѱалмисты: и плакахусѧ" (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *лъ* и вспомогательнаго глагола *iесмь*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Въ народныхъ думахъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *учинив еси* ясу и між козаками великую трусу" (Дум.). Изрѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *лъ*: „не *есть* се насъ куля яничарська *постреляла*, а *есть* се отцева и паніматчина молитва покарала" (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголъ *есть*, очевидно, не имѣетъ морфологи-

ческаго значенія: онъ служитъ только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *есть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*есть* сія галера не *блудить*, ні світом *нудить*" (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л: „не *есть* ви козаки, *есть* ви гайдамаки" (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *єсмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *лъ*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *сьмо учинили*, же *сьмо* Теклю *загубили*" (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч: „а насъ *есте повінчали*, що би ми ся били" (Чуб. V. 576) [1]). Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „взіалъ єси собѣ жонꙋ лѣпшꙋю" (Алек.),—„се звѣрь лютъ изъилъ єстъ єго—(Г. К. 5),—їакъ єсмо жили на свѣтѣ" (Ib. 45),—„где єсте сѧ подѣли" (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совсѣмъ иное дѣло *есмь* и *суть* съ причастіемъ на *лъ*: „отмстила єсмь" (К. X), „грѣшныи люде сꙋть затвердѣлые" (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лъ*: „не *будеш* ти въ насъ *робила*,—сріблом-злотом *будеш шила*" (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка [2]),— но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы видѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо мусѣли*" (Пал. З. К. 1062), „дїаколъ не бꙋдетъ моглъ зрадити и окрасти" (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣй-

[1]) Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *есмь* и *суть*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитане! пусти мене до дому, хоть *есмь* заволаный" (Гол. III. 91); „*суть* бо в мене два вартивниченьки" (Ib. 157); „ой *суть* у мене чари готові - білее личко, чорниі брови" (Ib. I. 202 III. 30).

[2]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, II. 211.

шимъ памятникамъ славянской письменности.[1]) Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно [2]). Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [3]). Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчіи и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ глагола [4]). Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагулялам ся, не находилам ся, тилько молоденька щом нажурилася“ (Чуб. V. 218); „я таки ся, моя мати, втікаты надію“ (Гол. I. 151); „не смій же ся, дівчинонько, колы з тя сь не смію“ (Ib. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ [5]). Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не бѹдѹ сѧ тѧ̑ боѧ́ти ӥако тѹтъ боѧ́лисѧ“ (Г. К. 185); „кро́вїю сѧ ѡ҆бливала (церковь), кгды сѧ кро́въ сыно́въ є҆ѧ стрѹмєнѧми точи́ла“ (Кир. Транк. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчіи церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

П. Житецкій.

[1]) Vergleichende Syntax der Slavichen Spr. Miklosich, 806.
[2]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.
[3]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.
[4]) Глаголы эти, по Миклошичу, соотвѣтствуютъ, какъ медіальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).
[5]) Ibidem 271.

ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ АРХИВѢ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

I.

Архивъ Государственнаго Совѣта заключаетъ въ себѣ историческій матеріалъ высокаго интереса, особенно важный и назидательный для исторіи нашего законодательства въ 19 столѣтіи. Со времени окончательнаго образованія Госуд. Совѣта въ 1810 г., всякій законодательный вопросъ обсуждался въ немъ, и изъ него восходилъ на Высочайшую санкцію. Вотъ почему журналы Госуд. Совѣта, со множествомъ приложенныхъ къ нимъ справочныхъ актовъ и документовъ—живая лѣтопись нашего новѣйшаго законодательнаго развитія, меморіи-же, съ Высочайшими замѣтками и конфирмаціями—карандашемъ, увѣковѣченнымъ наведеннымъ на него лаковымъ составомъ въ такой степени, что автографы Александра I начала 19 в. какъ бы вчера написаны—завѣтный памятникъ государственной дѣятельности трехъ императоровъ. Подчасъ эти лаконическія замѣтки, эти категорическія конфирмаціи—представляютъ дорогія черты для историческихъ характеристикъ. Иногда особенности почерка и орѳографіи, сантаксиса и слога даютъ живыя рельефныя черты, изъ которыхъ слагаются цѣльные историческіе образы. Вотъ, напримѣръ, размашистый почеркъ, крайне неправильная орѳографія, чисто французская конструкція фразы Александра I. Какъ разнится отъ нихъ старательная и четкая каллиграфія, не вполнѣ литературное, но здравое и дѣловитое слово и чисто русская конструкція Николая I. Совсѣмъ другой видъ носятъ элегантный почеркъ, безукоризненная правильность орѳографіи, литературная округлен-

ность фразы и какой-то аристократизмъ мысли Вѣнценоснаго ученика идеалиста Жуковскаго.

Работать въ Архивѣ Государственнаго Совѣта—работать, можно сказать, въ той лабораторіи, въ которой зарождались и слагались акты и законоположенія, опредѣлявшіе судьбы русской земли. Духъ захватываетъ отъ высокаго интереса архивнаго матеріала; читаешь—не начитаешься, и теряешь необходимое для всякой ученой работы самообладаніе: растериваешься, не зная за что схватиться.

Къ сожалѣнію, занятія въ Архивѣ Госуд. Совѣта затрудняются двумя обстоятельствами: нѣкоторою его недоступностію и разбросанностію прежнихъ его помѣщеній. Во-1-хъ, для этихъ занятій необходимо разрѣшеніе госуд. секретаря, которому нужно точно указать предметъ занятій, чтобы онъ формально сообщилъ г. помощнику статсъ-секретаря, завѣдывающему дѣлами архива, о допущеніи въ архивъ и сообщеніи документовъ по указанному предмету.

Архивъ Госуд. Совѣта, во-2-хъ, до сихъ поръ не имѣлъ одного помѣщенія и находился въ трехъ мѣстахъ: въ Зимнемъ дворцѣ, при прежнемъ помѣщеніи Госуд. Совѣта, въ дворцѣ Маріинскомъ, гдѣ такъ великолѣпно устроенъ Госуд. Совѣтъ въ настоящее время, и въ зданіи Сената, въ низкомъ и мрачномъ первомъ этажѣ, глядящемъ на сырую, холодную Неву.

Въ Зимнемъ дворцѣ, какъ мы слышали—дѣла Комитета 6 декабря 26 г., крайне интересныя, крестьянская и судебная реформы. Наибольшая же и главнѣйшая часть—въ сенатскомъ зданіи: здѣсь всѣ журналы и меморіалы и масса другаго драгоцѣннаго матеріала, о которомъ мы скажемъ ниже.

Нѣкоторая недотупность архива, а еще болѣе его разбросанность, объясняютъ, можетъ быть, почти полную неразработанность его драгоцѣннаго матеріала, составляющаго едва початую ниву.

Изданіе Архива Государственнаго Совѣта, задуманное и начатое незабвеннымъ Калачевымъ, за смертью его пріостановилось, хотя, сколько мы знаемъ, Государственная канцелярія поручила продолженіе этого капитальнаго дѣла помощнику статсъ-

секретаря Г. Кауфману. Отъ автора записки „Дѣлопроизводство по комитету министровъ и присоединенныхъ къ комитету учрежденіямъ“ можно ожидать успѣшнаго продолженія дѣла столь важнаго для нашей исторической науки, начатаго покойнымъ Калачевымъ.

Въ Архивѣ Госуд. Совѣта работаютъ вообще очень мало: въ 1887 г., втеченіе 3 мѣсяцевъ изо дня въ день мы занимались въ немъ, и за все это время встрѣчали по временамъ одного только г. Дубровина, собиравшаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, матеріалы для исторіи декабристовъ.

Впрочемъ, нынѣшній просвѣщенный Государственный Секретарь не отказываетъ въ допущеніи въ архивъ русскихъ ученыхъ. Вообще онъ обратилъ на архивъ гораздо большее вниманіе, чѣмъ его предшественники. Можетъ быть, по его почину устроено одно помѣщенія для сосредоточенія въ одномъ пунктѣ разбросаннаго матеріала архива, съ приспособленіемъ этого помѣщенія для ученыхъ занятій. По мысли его, одинъ изъ чиновниковъ госуд. канцеляріи, г. Добряковъ былъ прикомандированъ къ археологическому институту для изученія, подъ руководствомъ Калачева, архивнаго дѣла. Подъ его наблюденіемъ возведено особое зданіе на Милліонной улицѣ, въ которомъ будетъ помѣщаться архивъ Госуд. Совѣта съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ актовъ изъ Государств. архива. Это образцовое зданіе, сооруженное по всѣмъ правиламъ архивнаго дѣла, будетъ заключать въ себѣ прекрасно освѣщенную залу для ученыхъ занятій. Русская историческая наука скажетъ глубокое спасибо нынѣшнему Государственному Секретарю, понявшему и оцѣнившему важность историческихъ матеріаловъ, накопившихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, для русской исторической науки.

Сообщаемыя ниже свѣдѣнія коснутся только того матеріала, который сохраняется въ зданіи сената, и съ которымъ мы познакомились въ общихъ чертахъ втеченіе ежедневныхъ занятій въ архивѣ втеченіе трехъ мѣсяцевъ прошлаго года.

Мы перебирали тѣ журналы и меморіи, которые касаются только нѣсколькихъ занимавшихъ насъ вопросовъ: по исторіи

крѣпостнаго права и дворянства, по службѣ гражданской, компетенціи Госуд. Совѣта и т. п.

Но кромѣ меморій и журналовъ, главнымъ образомъ наполняющихъ архивъ, въ немъ сохраняются и многіе другіе матеріалы, драгоцѣнные не только для исторіи русскаго права, но и вообще для исторіи нашей культуры и нашихъ соціальныхъ отношеній.

Изъ этого матеріала мы обозрѣли слѣдующія категоріи:

1) Завѣтный историческій матеріалъ, состоящій изъ актовъ великой государственной важности, хранящихся въ отдѣльномъ портфелѣ.

2) Дѣла комитета охраненія общей безопасности, учрежд. 13 янв. 1807 г.

3) Записки частныхъ лицъ: Жеребцова, Калашникова, Берха и др.

4) Бумаги нѣкоторыхъ госуд. лицъ, сохраняющихся въ архивѣ: Трощинскаго, Сперанскаго, кн. А. Н. Голицына, Д. Н. Блудова.

О содержаніи каждой изъ этихъ категорій—нѣсколько словъ.

I. Въ первой категоріи, между прочимъ, сохраняется пакетъ, адрессованный императоромъ Александромъ I на имя предсѣдателя Госуд. Совѣта князя Лопухина, въ которомъ содержался актъ отреченія Константина Павловича отъ престола въ пользу Великаго Князя Николая Павловича, и который былъ предъявленъ кн. Лопухинымъ Госуд. Совѣту въ чрезвычайномъ засѣданіи 15 окт. 1823 г. Здѣсь также документъ высокаго историческаго интереса, и одинъ изъ наиболѣе характеризующихъ великую личность Государя-Страдника Николая I, для котораго русскіе государств. интересы были дороже семьи, друзей, его самого,—это его письмо къ пресѣдателю Госуд. Совѣта князю Кочубею—мелко исписанный автографъ, на листѣ почтовой бумаги большаго формата,—въ которомъ Государь изъявляетъ свое неудовольствіе на членовъ Госуд. Совѣта, допустившихъ недосмотръ, затронувшій нѣкоторыя пріобрѣтенныя права, при обсужденіи таможеннаго тарифа, Государемъ конфирмованнаго, и преподаетъ, въ чемъ должны состоять обязанности членовъ Госуд.

Совѣта, и какъ онѣ должны быть исполняемы. Документъ, который можно было бы вставить въ зерцало, наравнѣ съ указами Петра В., поучительными столько же для Государей, какъ и для подданныхъ.

Здѣсь же сохраняются и журналы чрезвычайныхъ собраній Госуд. Совѣта [1]), изъ которыхъ особенно достопамятны 27 ноября 1825 года, когда сдѣлалась извѣстной кончина Александра I, 13 и 14 декабря 1825 г. Между этими чрезвычайными засѣданіями: 26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высочайшаго указа относительно управленія въ случаѣ внезапной кончины Государя и 1 ноября 1828 г. чтобы этотъ указъ былъ взятъ изъ Госуд. [2]) Совѣта и представленъ Государю. Достойно вниманія также чрезвычайное засѣданіе 25 іюля 1834 г. по дѣлу о жестокихъ поступкахъ вдовы генералъ-майора Твороговой съ родной своей дочерью Елизаветой. По этому дѣлу послѣдовала Высочайшая

---

[1]) Сохраняются журналы слѣдующія *чрезвычайныхъ* засѣданій Госуд. Совѣта.

15 окт. 1824 г. когда кн. Лопухинъ предъявилъ совѣту запечатаный пакетъ, въ которомъ хранился актъ отреченія Цесаревича.

27 ноября 1825 г., когда сдѣлалась извѣстной кончина И. Александра I.

13 и 14 дек. 1825 г.

26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высоч. указа относительно управленія Государствомъ въ случаѣ внезапной кончины Императора.

1 ноября 1828 г., чтобы этотъ секретный указъ былъ взятъ изъ Госуд. Совѣта и представленъ Императору.

19 и 20 дек. 1829 г. о пониженіи банковыхъ процентовъ.

19 января 1831 г. о состояніи арміи.

25 мая 1831 г. о билетахъ Госуд. Казначейства.

25 іюля 1834 г. по страшному уголовному дѣлу о Твороговой.

2 янв. 1836 г. для выслушанія Высоч. рескрипта съ изъявленіемъ благодарности Госуд. совѣту, за успѣшное окончаніе всѣхъ дѣлъ въ 1835 г.

19 февр. 1855 г. для выслушанія Высочайшаго манифеста о кончинѣ Имп. Николая I.

19 апр. 1865 г, по случаю кончины наслѣдника Николая Александровича.

26 мая 1867 г. по случаю покушенія на жизнь Императора Александра II, въ Парижѣ.

19 февр. 1880 г. по случаю 25-лѣтія царствованія Императора Александра II

[2]) Вотъ текстъ этого секретнаго указа, даннаго дѣйствит. тайному совѣтнику гр. Кочубею, генералу отъ инфантеріи гр. Толстому и д. т. сов. кн. Голицыну.

„Поручивъ Вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ Государствѣ, Я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно пресѣчь дни мои во время

резолюція „хотя дѣло сіе подлежитъ въ обыкновенномъ порядкѣ Уголовному Суду, но не желая сего для чести дворянства, предоставить сужденіе собранію дворянскихъ предводителей Московской губ., подъ предсѣдательствомъ губернскаго, облекая сіе собраніе властію Уголовнаго Суда".

Воспослѣдовавшій приговоръ Высочайше назначеннаго собранія предводителей дворянства министръ Внутр. дѣлъ внесъ на ревизію не въ сенатъ, а въ Госуд. Совѣтъ, который обсуждалъ это дѣло въ упомянутомъ чрезвыч. засѣданіи. Эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ въ исторіи отношенія Верховной Самодержавной власти къ суду.

II. Считаемъ не лишнимъ, по поводу дѣлъ второй категоріи, изложить исторію комитета 13 янв. 1807 г. весьма мало извѣстную.

5 сент. 1805 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для совѣщанія по дѣламъ высшей полиціи. Этотъ комитетъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военно-сухопутныхъ силъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Секретное наставленіе въ 11 пунктахъ опредѣляло программу его дѣятельности. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, сноситься съ дирекціей почтъ, дабы получать немедленныя и скорыя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ. Существованіе комитета и его дѣятельность должны были сохраняться въ строжайшей тайнѣ, дабы не возро-

---

отсутствія Моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Оффиціальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ Любезнѣйшимъ Братомъ Моимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если Онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ-же случаѣ Начальникомъ Моего Главнаго Штаба, или тѣмъ, кто въ сіе время при Мнѣ старшій находиться будетъ..

2) Къ извѣстію имѣетъ быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины Моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей;

3) До полученія сего оффиціальнаго извѣстія, вы обязаны наблюдать, чтобы несмотря на бо́льшую или мѐньшую достовѣрность всякихъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ Имперіи продолжали дѣйствовать именемъ Моимъ, на основаніи Законовъ, получивъ-же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ Любезнѣйшему Брату Моему Великому Князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленій Манифеста Моего

дить въ обществѣ напрасныхъ опасеній. Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи этого комитета скрѣплено по листамъ товарищемъ министра юстиціи Новосильцевымъ и хранилось у министра военно-сухопутныхъ силъ Вязмитинова.

Дѣятельность этого комитета, можно думать, не вполнѣ оправдала виды правительства. Онъ скоро былъ замѣненъ другимъ. Именно: 2 Генваря 1807 г. послѣдовало Высоч. повелѣніе объ учрежденіи *Комитета охраненія общей безопасности*, по поводу тревогъ новой войны. Составъ комитета былъ образованъ изъ министра юстиціи кн. Лопухина и тайныхъ совѣтниковъ Новосильцева и сенатора Макарова—преемника Шешковскаго по Тайной экспедиціи. Къ этому составу, по мѣрѣ надобности, могли быть присоединяемы: министръ внутреннихъ дѣлъ и главнокомандующій въ столицѣ министръ военно-сухопутныхъ силъ. Комитету были предоставлены всѣ дѣла высшей полиціи, а существованіе его хранилось въ величайшей тайнѣ. Указъ Сенату объ учрежденіи комитета былъ изданъ 13 января 1807 г. Датой этого указа именовался и самъ комитетъ во все время своего существованія „Комитетъ 13 января 1807 г.“.

Засѣданія комитета открылись 15 января 1807 года, въ ночное время, въ домѣ министра юстиціи. Вязмитиновъ и графъ Кочубей присутствовали только въ первомъ засѣданіи. Обыкновенно же въ немъ бывали три члена: кн. Лопухинъ, Новосильцевъ и Макаровъ. А за отъѣздомъ Новосильцева за границу, засѣданія составлялись только изъ двухъ членовъ. Въ теченіе существованія комитета членами его были назначены слѣдующія

отъ 28 Генваря 1826-го года облекается саномъ и властію Правителя Государства и за подписаніемъ своимъ издаетъ Манифестъ отъ лица Наслѣдника Моего, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной Ему присягѣ;

4) Если въ сіе время Любезнѣйшій Братъ Мой Великій Князь Михаилъ Павловичъ будетъ въ отсутствіи, то Манифестъ Наслѣдника Моего, въ слѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей Указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія Правителя Государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго Императора, за общимъ вашимъ подписаніемъ.

Императорскаго Величества рукою:

Николай.

лица: въ 1808 г. министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинъ и министръ просвѣщенія Завадовскій, въ 1809 году об-гофмейстеръ Кошелевъ и министръ полиціи Балашевъ, въ 1810 г. министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ, въ 1812 министръ полиціи Вязмитиновъ, въ 1814 г. министръ юстиціи Трощинскій, въ 1815 г. Аракчеевъ, въ 1817 г. министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, въ 1819 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, въ 1824 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланской, въ 1825 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Куракинъ. Изъ всѣхъ этихъ членовъ неизмѣнно оставался въ комитетѣ кн. Лопихинъ—съ самаго его основанія и до закрытія.

При комитетѣ состояла особая канцелярія: изъ правителя, секретаря, двухъ переводчиковъ и трехъ писцовъ. Правителемъ канцеляріи неизмѣнно былъ Лавровъ. Журналы канцеляріи подносились на высочайшее благоусмотрѣніе. Въ первыя засѣданія Комитетъ самъ назначалъ наказанія, но очень скоро, 31 янв. 1807 г., Государь повелѣлъ отсылать преступника въ надлежащее судебное мѣсто. Подсудимые содержались обыкновенно въ Петропавловской крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Указъ Сенату о закрытіи Комитета послѣдовалъ 17 янв. 1829 г., вслѣдствіе образованія въ іюлѣ 1826 г. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, замѣнившей комитетъ, подобно тому какъ этотъ послѣдній былъ преемникомъ дѣйствовавшей при Екатеринѣ II и Павлѣ I Тайной экспедиціи, упраздненной Александромъ I 25 сент. 1802 г.

Такимъ образомъ, предметъ дѣйствій комитетовъ 5 сент. 1805 г. и 13 янв. 1807 г.—однороденъ съ предметомъ дѣйствій Тайной Экспедиціи и III отдѣленія: дѣла, входившія въ комитетъ, были преимущественно *политическаго* характера.

Значительную часть дѣлъ составляли дѣла о лицахъ разнаго рода—преимущественно французскихъ эмигрантахъ, патерахъ, аббатахъ, учителяхъ, гувернерахъ, а также польскихъ и другихъ иностранцахъ, проживающихъ въ Россіи или шатавшихся по разнымъ мѣстамъ и подозрѣваемыхъ въ тайной перепискѣ и сношеніяхъ съ непріятелемъ: патеръ Монсо, французъ Стадлеръ и др.

Дѣла о разглашателяхъ слуховъ относительно возстановленія Польши. Между прочимъ въ февралѣ 1807 г. въ этомъ заподозрѣнъ былъ визитаторъ Кіевскихъ училищъ тайный совѣтникъ Чацкій, и по донесенію Кіевскаго военнаго генералъ губернатора гр. Голенищева-Кутузова онъ былъ вытребованъ полицейскимъ образомъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ отданъ подъ строгій присмотръ. Но едва комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его дѣла, какъ 18 іюля состоялся рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, коимъ повелѣвалось уничтожить дѣло Чацкаго, съ почотомъ возвратившагося въ Кіевъ, дабы еще успѣшнѣе, при сильной поддержѣ Государева друга Чарторыйскаго, продолжать полонизацію искони русскаго края.

Въ комитетъ поступало не мало дѣлъ о возбужденіи народа молвою о вольности крестьянъ, между которыми ходилъ, напримѣръ, слухъ, что Бонапартъ де писалъ Государю, чтобы тотъ освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, а безъ того де война никогда не прекратится. Слухи объ освобожденіи крестьянъ волновали общество и послѣ окончанія отечественной войны.

Въ 1817 г. одинъ изъ подсудимыхъ показывалъ въ Комитетѣ: „слухъ о вольности крестьянъ общій"...

Не мало также бывало дѣлъ по подозрѣнію и извѣтамъ о заговорахъ противъ Государя.

Между прочимъ, знаменитое дѣло о Турчаниновой, будто бы намѣревавшейся произвесть революцію въ Россіи. Въ 1814 г. служившій въ провіантскомъ штатѣ коллежскій регистраторъ Баришевскій—Честнѣйшій донесъ на служащаго въ Петербургскомъ ополченіи подпоручика Калинина, будто бы послѣдній открылся ему въ томъ, что въ Петербургѣ де уже существуетъ заговоръ, имѣющій цѣлью принудить Государя отказаться отъ короны и просить императрицу Елисавету Алексѣевну принять оную. Калининъ, при его допросѣ въ Комитетѣ, показывалъ, что онъ де во время нашествія французовъ уже сочинилъ конституцію. Комитетъ постановилъ: запереть Калинина въ Шлиссельбургскую крѣпость навсегда, въ которой и содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ безъисходно. Въ томъ же году саксонскій подданный Игналинцевъ, служившій берейторомъ въ кавалергардскомъ полку

сдѣлалъ извѣтъ, что существуетъ де заговоръ на жизнь Государя и Наслѣдника съ тѣмъ, чтобы возвести на престолъ Великую Княгиню Екатерину Павловну. Такъ какъ извѣтъ былъ слишкомъ невѣроятенъ, то извѣтчикъ, по приговору комитета, былъ посаженъ для безвыходнаго содержанія въ Динамидскую крѣпость. Но извѣты все-таки не прекращались: въ 1815 г. канцеляристъ Снѣжницкій донесъ, что Нижегородское дворянство покушается на жизнь Государя Императора за его намѣреніе отобрать крестьянъ въ казенное вѣдомство.

Много также бывало дѣлъ по поводу составленія и распространенія возмутительныхъ воззваній и вредныхъ сочиненій. Напримѣръ: въ 1807 г. разсматривалось дѣло о шляхтичѣ Малицкомъ, у коего найдены прокламаціи къ полякамъ. Въ 1810 г. о задержанныхъ въ Гроднѣ книгопродавцахъ Щепинскомъ и Клецинскомъ, у которыхъ были найдены сатирическія сочиненія на польскомъ языкѣ, съ переложеніемъ молитвъ: Отче Нашъ, Вѣрую, Богородице Дѣво и Заповѣдей въ пародіи.

Не рѣдко разсматривались дѣла о тайныхъ обществахъ и и запрещенныхъ сходбищахъ. Напримѣръ: громадное дѣло гр. Грабіанки. Въ 1810 г. колонистъ Киршбаумъ донесъ на переводчика Новгородской опекунской конторы губернскаго секретаря Олея, что послѣдній де собираетъ шайку развратныхъ людей изъ русскихъ и нѣмцевъ „корпусъ рыцарей льва“, и обязываетъ ихъ присягою уйти съ нимъ въ Крымъ, а оттуда къ туркамъ, стараться возвратить Крымъ Турціи, сдѣлавъ его, Олея, Крымскимъ королемъ. Вытребованный въ Петербургъ, Олей въ комитетѣ показалъ, что на него и на его волонтеровъ большое уныніе произвелъ указъ 1809 г., запрещавшій производить въ высшіе чины тѣхъ чиновниковъ гражданской службы, которые не учились; что, желая сдѣлать ихъ полезными отечеству, онъ выдумалъ превратить ихъ изъ приказныхъ въ воиновъ и идти съ ними противъ турокъ. Взявъ же Константинополь, онъ былъ намѣренъ требовать, чтобы ему было назначено герцогство.

Дѣла о лицахъ, выдававшихъ себя или принимавшихся за особъ Высочайшей фамиліи. Напримѣръ; въ 1822 г. красноярскій мѣщанинъ Старцевъ доносилъ о поселенцѣ Петровѣ, что по-

слѣдній имѣетъ у себя на крыльцахъ между лопатками возложенный крестъ, котораго изъ подданныхъ никто имѣть не можетъ, кромѣ Высочайшей власти, а потому и онъ долженъ быть не простолюдинъ и не изъ дворянъ, а едвали не покойный Государь Императоръ, подъ образомъ смерти лишенный званія и подвергнутый отъ ненавистныхъ особъ на сію страдальческую жизнь.

Дѣла о преступленіяхъ по службѣ. Напримѣръ: дѣло чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Жерве, обвиняемаго въ передачѣ бумагъ бывшему Государственному секретарю Сперанскому.

О вредныхъ книгахъ: по донесенію попечителя Казанскаго округа Магницкаго о Нѣмецкомъ изданіи Real Encycl.

О грозившихъ общественному благоприличію поступкахъ разныхъ лицъ: въ 1808 г. взятъ въ крѣпостъ, а потомъ заключенъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, гр. Кириллъ Андреевичъ Разумовскій, сынъ министра народнаго просвѣщенія Андрея Кирилловича, за безсразсудные поступки во время путешествія за границей и по возвращеніи въ Россію.

III. Изъ записокъ частныхъ лицъ въ архивѣ Госуд. Совѣта встрѣчаются записки: 1) капитанъ лейтенанта Берха, подавшаго Императору Николаю Павловичу записку въ которой онъ излагалъ два предложенія: a) о возстановленіи коллегій и учрежденіи гласнаго судопроизводства и b) о повышеніи въ чины по государственной службѣ нераздѣльно съ мѣстомъ и о наградахъ за долговременное пребываніе въ одномъ и томъ же чинѣ. Эти предложенія обсуждалъ департаментъ законовъ 19 ноября 1830 г. Замѣчательно, что въ этомъ засѣданіи, въ которомъ обсуждалось и предложеніе Васильчикова о положеніи преграды къ полученію дворянства чрезъ чины, принималъ участіе и Сперанскій, болѣе всѣхъ содѣйствовавшій упраздненію коллегій.

2) Въ 1856 г. представлена была Жеребцовымъ записка объ устройствѣ министерствъ вообще и министерства финансовъ въ особенности. Она заключаетъ въ себѣ интересныя мысли о превосходствахъ коллегіальнаго порядка и недостаткахъ системы министерствъ.

3) По содержанію сходна записка Ив. Калашникова „Взглядъ вѣрноподданнаго на настоящее состояніе Россіи". Развивается

то же мнѣніе о министерствахъ, что они—учрежденія болѣе пригодныя въ государствѣ представительнаго строя.

Интересно очень, что традиція Петровскихъ коллегій такъ долго не исчезала, да едва ли она вполнѣ исчезла и въ настоящее время, несмотря на столь продолжительное существованіе нашихъ министерствъ. Найдется и нынче не мало людей, готовыхъ повторить великія слова великаго создателя нашихъ коллегій „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее".

IV. Бумаги Трощинскаго были привезены изъ Кагарлыка командированнымъ туда чиновникомъ, по смерти Екатерининскаго Статсъ-Секретаря. Между ними обращаетъ на себя вниманіе записка о Прибалтійскомъ Краѣ, которая могла бы быть руководительной для администраторовъ этой окраины и въ настоящее время. Основная ея мысль—возстановленіе екатерининской программы—полное отождествленіе онѣмеченной окраины съ другими частями Имперіи. Въ бумагахъ Трощинскаго сохранилась его докладная записка о недоумѣніяхъ, встрѣченныхъ при редакціи дворянской грамоты. Въ ней сказано, что раздѣленіе книги дворянскихъ родовъ на части, дѣлая различіе между породою и заслугою, можетъ питать высокомѣріе, и что во избѣжаніе сего, лучше бы составить сію книгу по алфавиту. Резолюція „сіе раздѣленіе дѣлано не мною, но предками моими, какъ о томъ явствуетъ указъ Царя Ѳедора Алексѣевича $^{7190}/_{1682}$". Здѣсь же встрѣчается упоминаніе о мнѣніи Теплова о существѣ формы въ нашемъ правительствѣ и ея недостаткахъ до восшествія на престолъ Екатерины II. Видно также, что Теплову принадлежалъ проэктъ установленія Верховнаго Императорскаго Совѣта въ январѣ 1763 г.

Очень богата связка бумагъ Сперанскаго: черняки его проектовъ по образованію нашихъ государственныхъ учрежденій—особенно Сената, съ обозрѣніемъ основныхъ фактовъ по его исторіи. Между бумагами автографъ Екатерины II—то на русскомъ, то на французскомъ языкахъ—*О Сенату.* Мѣстами текстъ перечеркнутъ, а изложенъ на поляхъ въ другой редакціи. Иногда и текстъ на поляхъ перечеркнутъ. На такомъ мѣстѣ пришпиленъ булавками, по преданіямъ архива, собственноручно вынутыми

изъ волосъ самой великой государыни, лоскутокъ бумаги, на которомъ излагается мысль въ новой редакціи. Обращаетъ также вниманіе автографъ Александра I о распредѣленіи членовъ новообразованнаго Госуд. Совѣта между департаментами: намѣчено мѣсто на общемъ планѣ помѣщенія Госуд. Совѣта рукою самого императора для каждаго его члена. Такъ много заботился Государь объ этомъ созданіи Сперанскаго!

Въ бумагахъ кн. А. Н. Голицына встрѣчается интересная „Записка для составленія законовъ Россійскихъ", составленная Безбородкомъ въ 1799 году. Вотъ нѣкоторыя изъ нея выдержки:

„Не было бы противно Самодержавной власти, если бы Государь (при короновании), по изреченіи Символа вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя являли бы народу Его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное. Такая присяга могла быть въ слѣдующей силѣ". Сенаторы „для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаемъ епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ".

Сенатъ слѣдуетъ раздѣлить на департаменты „1) Дѣла политическія и исполнительныя (Губ. правленіе) 2) уголовныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ дѣлъ и 4) казенныхъ дѣлъ. Второй и третій могли бы быть раздѣлены на два и болѣе. Полезно было бы имѣть таковыхъ два въ Москвѣ и два въ Кіевѣ".

Эта мысль, очевидно, согласуется съ проэктомъ Екатерины, столь много думавшей объ организаціи сената, дабы привесть ее въ соотвѣтствіе съ системой губернскаго управленія по закону 7 ноября 1715 г. Въ ней также зародышъ основной идеи Сперанскаго децентрализовать сенатъ, распредѣливъ его составныя части по важнѣйшимъ городамъ имперіи.

Говоря о сенатѣ, Безбородко цитуетъ выраженіе Державина „Петръ В. сдѣлалъ, что сенатъ былъ въ немъ, а онъ въ сенатѣ".

Интересна мысль объ учрежденіи, напоминающемъ missi dominici Карла Великаго „Государь, не могучи объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обозрѣваетъ оную по губерніямъ чрезъ довѣренныхъ его особъ, а именно одного сенатора, 2 дворянскихъ, 2 мѣщанскихъ и 2 *поселянскихъ* депу-

татовъ, которые всѣ раздѣляются такъ, чтобъ каждые 3 года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности".

Особенно интересны бумаги гр. Блудова. Высокопросвѣщенный другъ и товарищъ Карамзина, былъ близкимъ совѣтникомъ двухъ императоровъ. Перомъ его написаны важнѣйшіе госуд. акты двухъ царствованій. Къ нему обращались государи по всѣмъ вопросамъ ученымъ, литературнымъ. Ему порученъ былъ, напримѣръ, просмотръ арестованныхъ бумагъ кн. Долгорукова, убѣжавшаго заграницу. Къ нему нерѣдко посылалъ карандашемъ записки Императоръ Николай. Глубокій патріотъ и вѣрноподданный, онъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею служилъ Россіи и ея Вѣнценоснымъ Руководителямъ. Его сослуживцы по госуд. совѣту вспоминаютъ, что, когда онъ умеръ, то секретарь госуд. совѣта Бутковъ донесъ Государю Императору, что у одного изъ первыхъ сановниковъ Имперіи не нашлось въ домѣ денегъ на похороны, на устройство которыхъ щедротами Императора Александра II была ассигнована потребная сумма. Честное и свѣтлое имя покойнаго гр. Дмитрія Николаевича всегда будетъ украшать сонмъ лучшихъ государственныхъ мужей въ Россіи, всегда будетъ дѣлать честь Государямъ, выдвинувшимъ и приблизившимъ его къ себѣ.

Въ богатомъ, по своему содержанію, портфелѣ гр. Блудова встрѣчается, между прочимъ, въ двухъ экземплярахъ (одинъ изъ нихъ испещренъ замѣтками Императора Николая) проэктъ секретнаго манифеста о состояніяхъ. Этотъ проэктъ, можно думать, относится къ 1830 г. Онъ могъ быть однимъ изъ результатовъ реформаторской дѣятельности комитета 6 дек. 1826 г., учрежденіе котораго—одинъ изъ замѣчательныхъ, хотя и мало оцѣненныхъ, памятниковъ государственной дѣятельности Императора Николая, реакціонная политика котораго еще ждетъ правильной оцѣнки историческаго психолога. Судьба этого проэкта секретнаго манифеста о состояніяхъ намъ неизвѣстна. По содержанію своему онъ настолько интересенъ, что считаемъ не излишнимъ привести изъ него нѣкоторыя выдержки:

„Дворянское состояніе въ началѣ пріобрѣталось или происхожденіемъ отъ родовъ именитыхъ, или возведеніемъ въ сіе

достоинство за отличныя отечеству заслуги по усмотрѣнію верховной власти.

Къ симъ первоначальнымъ двумъ путямъ въ послѣдствіи времени присоединился третій: дворянство содѣлалось принадлежностію чиновъ.

Но чины въ намѣреніяхъ Великаго ихъ Учредителя были нераздѣльно соединены съ мѣстами. Рѣдки и малочисленны, они достигались долголѣтнею и многотрудною службою, и уваженіе къ нимъ естественно сливалось съ уваженіемъ къ роду.

Въ послѣдствіи мѣсто и чинъ раздѣлились. Чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю ихъ связь и соразмѣрность съ мѣстами. Но при семъ существенномъ ихъ измѣненіи не измѣнилось право, съ прежними чинами сопряженное, право на дворянство.

Отсюда общее стремленіе всѣхъ къ одному состоянію; отсюда непрестанная зыблемость въ путяхъ службы, частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое, отсюда и нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы, когда измѣряются онѣ не внутреннею ихъ силою, но внѣшними въ чинахъ успѣхами и быстрымъ въ нихъ прохожденіемъ. Изъ всѣхъ же сихъ послѣдствій бѣдственнѣйшее есть то, что дворянское достоинство, предостановленное въ началѣ быть вѣрнымъ изображеніемъ истиннаго благородства и чести, знаменемъ избраннѣйшей части народа, высшею наградою истинныхъ заслугъ Престолу и Отечеству, отъ безпредѣльнаго его раздробленія и смѣшенія, теряя первобытную его чистоту, можетъ наконецъ содѣлаться удѣломъ праздности и тяжкимъ бременемъ государству.

Давно уже было помышляемо о мѣрахъ къ предупрежденію сихъ послѣдствій. Сначала (1790) лѣтами службы затруднены были способы къ переходу изъ сословія личныхъ дворянъ въ потомственные. Потомъ (въ 1809) остановленъ былъ и вовсе переходъ изъ перваго сословія во второе, исключая только по успѣхамъ въ наукахъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ разстояніяхъ времени, мудрость законодателей видѣла однѣ и тѣже неудобства, и искала прекратить ихъ сообразно обстоятельствамъ.

Время настало довершить сіи начатія, установить порядокъ службы не на чинахъ, но на должностяхъ, присвоивъ каждому мѣсту свойственное ему значеніе...

Для сего отнынѣ, возвращаясь къ своему первобытному установленію и свойству, чины гражданскіе будутъ неразрывно соединены съ мѣстами; всякое производство въ высшій чинъ безъ опредѣленія къ соотвѣтствующей оному должности прекращается, и дворянское достоинство, преставая быть принадлежностію чиновъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, будетъ особою наградою за отличныя заслуги, даруемое по усмотрѣнію верховной власти...

„По всѣмъ симъ уваженіямъ, *внявъ мнѣнію госуд. совѣта*, повелѣваемъ:

О порядкѣ гражданской службы.

1. Производство въ чины по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства прекратить.

2. На будущее время чины въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень службы въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ...

3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвоенъ чинъ.

. . . .

О гражданствѣ.

Въ состояніи гражданства установляются четыре сословія:

1. Граждань чиновныхъ.
2. Граждань именитыхъ.
3. Граждань почетныхъ.

и 4. Мѣщанъ.

Граждане чиновные, сверхъ общихъ правъ, надѣляются слѣдующими особенными преимуществами: 1) служебными, 2) правомъ быть избираемыми на мѣста, отъ выборовъ дворянства зависящія, исключая предводителя и депутата дворянства; 3) правомъ имѣть родовый гербъ, но безъ короны, составляющей отличительный знакъ дворянскаго достоинства; 4) правомъ помѣщать

своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, наравнѣ съ дѣтьми дворянъ, за исключеніемъ только пажескаго корпуса и лицея (Училища Правовѣдѣнія въ то время еще не существовало).

Преимущества *чиновнаго гражданства* пріобрѣтаются 1) рожденіемъ; 2) службою (въ военной об.-офиц. чиномъ, а въ гражданской VIII степени) и 3) орденомъ.

. . . .

О дворовыхъ господскихъ людяхъ.

Въ проэктѣ указа сенату объ ограниченіи раздробленія имѣній въ § 6 постановлялось „приписанныя къ селеніямъ земли могутъ быть продаваемы, даримы и инымъ образомъ отчуждаемы безъ крестьянъ, по усмотрѣнію и волѣ помѣщиковъ“. Противъ этихъ словъ на полѣ собственноручная замѣтка Императора Николая Павловича *„что же будутъ дѣлать крестьяне, когда они безъ земли останутся“*: антецедентъ аграрной идеи генерала Ростовцева и другихъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Къ проэкту манифеста приложена таблица „Общее Сравнительное росписаніе мѣстъ и должностей“, раздѣленныхъ на 12 степеней. Прежніе названія чиновъ оставлены только для II, III, IV и V классовъ, а затѣмъ: чинъ VI, VII и т. д. степени.

Кто писалъ проэктъ секретнаго манифеста о состояніяхъ? Едвали самъ Блудовъ: карамзинскій стиль автора многихъ другихъ государственныхъ актовъ двухъ императоровъ замѣтно отличается отъ языка проэкта, на одномъ экземплярѣ котораго рукою Императора Николая написано „сообщить Блудову“. Какая участь постигла этотъ проэктъ? Онъ такъ и остался проэктомъ, но можетъ служить илюстраціей къ нѣкоторымъ законамъ Николая Павловича: напримѣръ учрежденія почетнаго гражданства—личнаго и потомственнаго, повышенія чиновъ, дающихъ право дворянства и многихъ постановленій по организаціи службы гражданской, которая всегда такъ сильно занимала Государя. Основная его мысль возстановить Петровскую идею чина, не отдѣляемаго отъ должности, сказалась и въ образованіи, вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи гр. Панина 18 ноября 1846 г., комитета для пересмотра Уставовъ о службѣ гражданской изъ това-

рищей министровъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Танѣева, а впослѣдствіи генералъ-адъютанта Анненкова 2-го. Въ руководство комитету были предложены начала, заимствованныя изъ разсмотрѣннаго нами проэкта секретнаго манифеста о состояніяхъ: возвращеніе къ мысли, руководившей творцомъ табели о рангахъ. Занятія комитета продолжались 3 года и 9 мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ 88 засѣданій и представилъ окончательный отчетъ государю 9 ноября 1850 г. Уставы о службѣ гражданской были сокращены на 306 статей, а всѣ статьи вновь проэктированныхъ уставовъ основывались на XI классной табели.

Интересны тѣ статистическія данныя относительно русской бюрократіи, которыя комитетъ приводилъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ. Общее число чиновъ, занимавшихъ должности въ 1847 г.—81,000 человѣкъ. Въ числѣ ихъ чиновниковъ отъ XIV до V класса, служившихъ въ однихъ и тѣхъ же должностяхъ, было 1 янв. 1847 г.

Прослужившихъ	5	лѣтъ	—	15.165	человѣкъ.
„	10	„	—	6.077	„
„	15	„	—	2.614	„
„	20	„	—	1.194	„
„	25	„	—	968	„

Расходъ госуд. казначейства на содержаніе этихъ чиновъ съ 1 янв. 1847 г. простирался до 20 милліоновъ рублей.

Комитетъ предлагалъ росписаніе должностей по VI класной табели. Всѣхъ должностей имѣло бы быть 10.155. Изъ нихъ:

I	класса	—	—	7	должностей
II	„	—	—	28	„
III	„	—	—	75	„
IV	„	—	—	149	„
V	„	—	—	335	„
VI	„	—	—	680	„
VII	„	—	—	861	„
VIII	„	—	—	1318	„
IX	„	—	—	2557	„
X	„	—	—	2444	„
XI	„	—	—	1801	„

Возвращаясь къ портфелямъ гр. Блудова, отмѣтимъ составленную имъ 28 марта 1858 г., по повелѣнію государя, записку, заключавшую въ себѣ краткое историческое обозрѣніе законовъ о порядкѣ представленія и разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ министровъ. Интересно очень, что государь занятъ былъ этимъ вопросомъ, на практикѣ очень запутавшимся. Не менѣе интересно и разрѣшеніе вопроса такимъ опытнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ покойный графъ Дмитрій Николаевичъ.

Интересны также мнѣнія гр. Блудова о двухъ важныхъ памятникахъ нашей литературы: Запискѣ о древней и новой Россіи Карамзина и Исторіи Руссовъ Г. Кониского. Считаемъ не лишнимъ привесть ихъ цѣликомъ.

Первое было отвѣтомъ на письмо тогдашняго министра императорскаго двора кн. П. М. Волконскаго, отъ 19 янв. 1852 г., слѣдующаго содержанія:

Мил. Государь Гр. Дмитрій Николаевичъ!

По Высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство увѣдомить меня, для доклада Е. И. Величеству, существуетъ ли рукописное сочиненіе Н. М. Карамзина: „Мысли о Россіи“, и въ какомъ духѣ оно написано?

Кн. *Волконскій.*

Милостивый Государь Петръ Михайловичъ!

Исполняя Высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ въ отношеніи Вашей Свѣтлости отъ 19 сего Генваря за № 256, поспѣшаю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что особаго рукописнаго сочиненія покойнаго исторіографа Н. М. Карамзина, подъ заглавіемъ: Мысли о Россіи, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Но можетъ быть, что иные такъ называютъ писанную имъ въ 1811 году для Великой Княгини, въ послѣдствіи Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, записку о древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; или же другую читанную имъ самимъ (уже въ 1819 году) императору Александру, по случаю возникавшей въ то время мысли о присоединеніи части возвращенныхъ отъ Польши областей къ царству Польскому. Первая, какъ я сказалъ выше, составлена Карам-

зинымъ по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, вручена имъ Ея Высочеству въ Твери въ 1811 году, и, какъ должно полагать, Ею передана Императору. По крайней мѣрѣ она не была возвращена Карамзину, который, оправдывая довѣренность Великой Княгини, требовавшей отъ него глубочайшей тайны, не оставилъ у себя и копіи съ сей записки. По кончинѣ императора Александра, онъ имѣлъ случай говорить о семъ съ благополучно царствующимъ нынѣ Государемъ и просилъ Его Величество приказать отыскать его записку въ бумагахъ покойнаго Императора: но ее не могли найти въ нихъ ни тогда, ни въ послѣдствіи. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, если не ошибаюсь въ 1834 или 1835 году (вскорѣ послѣ смерти Графа Аракчеева), вдругъ появилось нѣсколько экземпляровъ сей записки и одинъ доставленъ мнѣ. По слогу и содержанію оной, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что сія записка есть точно та, о которой мнѣ часто разсказывалъ покойный исторіографъ. Другая о присоединеніи нашихъ западныхъ губерній къ Царству Польскому оставалась въ рукахъ Карамзина; но онъ сохранялъ ее въ тайнѣ также, или еще болѣе, нежели первую, и только чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Александра показалъ ее мнѣ и еще двумъ или тремъ своимъ пріятелямъ, не дозволивъ намъ даже и въ то время списать ее. Теперь, однакожъ, есть копіи и сей послѣдней записки, но не знаю, совершенно ли вѣрныя.

Что касается духа, въ коихъ написаны, какъ одна такъ и другая, то на каждой страницѣ, можно сказать въ каждой строчкѣ оныхъ, мы находимъ выраженія самыхъ лучшихъ чистѣйшихъ намѣреній, самыхъ искренныхъ и живыхъ чувствъ, какъ истиннаго благоразумнаго патріотизма, такъ и пламенной безкорыстной приверженности къ престолу вообще и къ лицу императора Александра. Но сіи чувства и личная привязанность къ императору не препятствовали Карамзину по любви къ истинѣ, первому коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, можетъ быть до нѣкоторой степени и не совсѣмъ справедливо, иныя дѣйствія правительства. Онъ какъ будто заранѣе объявилъ о томъ, избравъ эпиграфомъ своей записки (о древней и новой Россіи) стихъ изъ 138 псалма. „Нѣсть льсти

въ языцѣ моемъ". Основная, общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія, какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ; что въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, гибельныя для нея послѣдствія.

Съ сею главною мыслію и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя и тѣмъ объясняются отзывы его, какъ я сказалъ уже, иногда слишкомъ рѣзкіе или не вполнѣ основательныя о преобразованіяхъ Петра Великаго, и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія Александра. Впрочемъ, читая сію записку его, надобно не терять изъ виду, что она есть почти конфиденціальная, составлена для одной близкой къ государю особы и что авторъ никогда никому другому ее не показывалъ [1]). Записка его о Польшѣ, составленная послѣ разговора о семъ съ императоромъ Александромъ, въ продолженіе одной ночи, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ патріотическимъ его дѣйствіямъ, и въ ней можетъ быть краснорѣчивѣйшія страницы изъ всѣхъ вышедшихъ изъ подъ пера его. Особеннаго замѣчанія достойно все сказанное имъ о духѣ и свойствѣ вѣры христіанской, о примѣненіи вѣчныхъ заповѣдей ея къ дѣламъ политическимъ. Иныя мѣста сей записки можно почти назвать пророчествами. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ императору: „Государь! если вы возстановите древнюю Польшу, то или падетъ Россія или русскіе снова зальютъ Польшу кровью и возьмутъ Прагу штурмомъ". Впрочемъ Карамзинъ, не являетъ себя въ семъ случаѣ и вообще никогда не былъ какимъ либо непримиримымъ врагомъ всего польскаго. Вотъ слова его въ самомъ заключеніи записки: „Пусть существуетъ и благоденствуетъ царство польское подъ скипетромъ Александра, какъ оно есть;

---

[1]) Часть чисто историческая, то есть первые листы сей записки напечатаны Пушкинымъ въ его Современникѣ (въ 1835 или 1836 г.), и потомъ въ концѣ Исторіи Государства Россійскаго въ пятомъ компактномъ оной изданіи Г. Эйнерлинга.

но да существуетъ да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ она оставлена вамъ Екатериною".

Имѣю честь быть съ высокопочитаніемъ и преданностью Вашей Свѣтлости.

Мнѣніе объ Исторіи Руссовъ Г. Конискаго было изложено въ письмѣ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому отъ 19 февр. 1859 г. Стоя во главѣ Главнаго Управленія цензуры, высоко-просвѣщенный и либеральный, покойный Ковалевскій согласился съ его постановленіемъ о запрещеніи исторической работы архіепископа могилевскаго. Чтобъ понять этотъ актъ столь благопріятно относившагося къ свободѣ печати тогдашняго министра нар. просвѣщенія, слѣдуетъ припомнить, что 21 янв. 1859 г. былъ учрежденъ „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія", на обязанность котораго было возложено принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы. Членами этого комитета были назначены: тайный совѣтникъ Мухановъ, генералъ-адъютантъ Гр. Адлербергъ 2 и свиты Е. В. г.-майоръ Тимашевъ. Съ этимъ обстоятельствомъ покойному Ковалевскому тѣмъ болѣе нужно было считаться, что, будучи малороссомъ, по своему мѣсту рожденія въ харьковской губ., онъ долженъ былъ уклоняться отъ всякихъ подозрѣній въ украинофильствѣ, въ каковомъ, дѣйствительно, и готовы были упрекать его, когда сталъ выходить журналъ *Основа*.

Приводимъ письмо Гр. Блудова къ Ковалевскому въ полномъ его текстѣ:

Милостивый Государь Евграфъ Петровичъ!

Возвращая при семъ доставленный мнѣ отъ Вашего Превосходительства Журналъ Главнаго Управленія Цензуры 10-го Генваря сего года, имѣю честь сообщить Вамъ, что я не подписалъ сего журнала, ибо меня остановила 21-ая онаго статья. По совѣсти и литературной и политической я не могу согласиться съ постановленіемъ сей статьи.

„Исторія Руссовъ" Георгія Конискаго, одно изъ замѣчательныхъ, если не самое замѣчательное сочиненіе объ исторіи

Малороссіи, всѣмъ извѣстна, не столько еще по первому оной изданію въ 1846 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, сколько и гораздо болѣе и гораздо прежде сего изданія по рукописямъ, которыя во множествѣ распространены по всюду. Сочинитель сей книги, коего можно назвать самого лицемъ историческимъ, доказалъ всею своею жизнію преданность къ Православію и Россіи. Уважаемый не только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, гдѣ онъ въ послѣдствіи, какъ Архіепископъ, боролся съ Римско-Католицизмо-Прозелитизмомъ и преобладаніемъ Польскаго элемента, онъ былъ удостоенъ особой милости и довѣренности Императрицы Екатерины II, и конечно никогда не думалъ оставлять въ тайнѣ сего сочиненія своего, писаннаго имъ по желанію депутатовъ Малороссіи на собраніи (въ 1767 году) Государственныхъ чиновъ въ Москвѣ. Съ того времени оно пріобрѣло такую общую извѣстность, что въ губерніяхъ Полтавской, Черниговской, Харьковской и Кіевской нѣтъ почти ни одного семейства, между людьми болѣе или менѣе образованными, которое не имѣло бы списка сей исторіи. Сія извѣстность не ограничивается предѣлами бывшей Малороссіи и жители оной высоко цѣнятъ книгу Конисскаго, не по тѣмъ словамъ и выраженіямъ, въ коихъ дѣйствительно замѣчается нѣкоторый односторонній, такъ сказать провинціальный патріотизмъ, а по ученому и, осмѣлюсь прибавить, артистическому оной достоинству. Запрещать новое изданіе такого сочиненія, могущаго служить всегда важнымъ пособіемъ, а въ иныхъ случаяхъ и необходимымъ источникомъ для всѣхъ занимающихся исторіею, едва ли полезно и удобно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Едва ли также по мнѣнію моему возможно согласиться съ мыслію, довольно странною, что лучше запретить всю книгу, которую мы сами признаемъ хорошею, нежели исключить изъ нее нѣсколько выраженій или разсужденій, не совсѣмъ умѣстныхъ и приличныхъ.

Я съ своей стороны полагаю, что слѣдовало бы даже разрѣшить изданіе Исторіи Руссовъ, безъ сокращенія и безъ выпуска тѣхъ мѣстъ, которыя прежде могли произвести дурное впечатлѣніе, но въ настоящее время утратили всякую возможность, какъ явленіе давно прошедшее. Впрочемъ, если сіе по-

чему либо найдено будетъ неудобнымъ, то во всякомъ случаѣ кажется должно позволить новое оной изданіе въ томъ видѣ, какъ первое съ немногими незначительными сокращеніями и пропусками.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписалъ Графъ *Д. Блудовъ.*

Оканчивая эти бѣглыя замѣтки о нѣкоторыхъ матеріалахъ архива государственнаго совѣта, я не могу не сказать, что занятія въ немъ считаю въ высокой степени полезными для русскаго государствовѣда,—можетъ быть болѣе полезными, чѣмъ слушаніе лекцій въ иностранныхъ аудиторіяхъ, чѣмъ изученіе нѣмецкихъ лербуховъ и хаотической политической литературы разныхъ вѣковъ и народовъ. Архивъ госуд. совѣта—школа, изъ которой можно вынести цѣльное, отчетливое пониманіе духа и структуры отечественныхъ государственныхъ установленій. Работая въ архивѣ госуд. совѣта, перебирая его журналы и меморіи, нельзя не вынести чувствъ истинной и глубокой лояльности и піетета къ нашимъ монархамъ, которые были главными и неустанными работниками для блага и преуспѣянія родной земли. Вотъ почему я не могу не считать краткосрочнаго періода моихъ занятій въ архивѣ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ въ моей ученой біографіи. Министру н. пр., разрѣшившему мнѣ пребываніе въ Петербургѣ для моихъ ученыхъ работъ, я буду вѣчно признателенъ. Не могу также не сказать моего задушевнаго спасибо нынѣшнему государственному секретарю, дозволившему мнѣ доступъ въ архивъ, и статсъ-секретарю Красовскому, одному изъ питомцевъ университета св. Владиміра, которымъ всегда будетъ гордиться alma mater, и который съ такимъ вниманіемъ и предупредительностію отнесся къ ученымъ трудамъ своего бывшаго профессора. Самое симпатичное воспоминаніе я всегда буду также сохранять о всѣхъ служащихъ въ госуд. архивѣ, трехмѣсячное общеніе съ которыми доставляло мнѣ столько удовольствія. За общее вниманіе и участіе я постараюсь отблагодарить тѣми результатами моихъ архивныхъ занятій, которые, смѣю надѣяться, скажутся на дальнѣйшей разработкѣ мною вопросовъ родного государственнаго права.

А. Романовичъ-Славатинскій.

Критика.

Сводная Галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца Августа 1772 года.—Составилъ А. С. Петрушевичъ.—Часть I. Львовъ 1887.

Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, названъ первою частью вслѣдствіе того, что составитель намѣренъ помѣстить въ новомъ томѣ свѣдѣнія, относящіяся къ концу XVIII столѣтія, собственно-же говоря, вышедшій въ концѣ прошлаго года томъ есть 2-ой по отношенію ко всей серіи изданія. Первый томъ, содержащій историческій матеріалъ для XVII столѣтія, вышелъ еще въ 1874 году подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ.

Изданіе, предпринятое А. С. Петрушевичемъ, должно совмѣщать, по мысли автора, всѣ письменные памятники, оставшіеся отъ даннаго періода времени: рукописные дневники и мемуары, записи на церковныхъ и богослужебныхъ книгахъ, надписи на надгробныхъ камняхъ, крестахъ, церковныхъ стѣнахъ, церковной утвари и т. п. Всѣ эти извѣстія издатель группируетъ по годамъ и помѣщаетъ въ хронологическомъ порядкѣ; методъ и цѣль группировки онъ самъ объясняетъ въ предисловіи къ I тому (1874 г.) слѣдующимъ образомъ: „Подъ каждымъ годомъ старался я размѣстити матеріалъ по относительной важности его, думая такимъ способомъ предлежащимъ хронологическимъ собраніемъ хотя-бы на первый взглядъ кажущихся маловажныхъ данныхъ, сдѣлати прислугу любознательному читателю, доставляючи тому способность пользоватись съ большимъ трудомъ собраннымъ богатымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ найдетъ много любопытного по части исторіи нашого русского края и церкви..., тоже по части русской словесности такъ церковной якъ мірской, старопечатанныхъ книгъ и другихъ художественныхъ памятниковъ, наконецъ, по части произшествій элементарныхъ (стихійныхъ?) и другихъ природныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ.“

Дѣйствительно матеріалъ, собранный г. Петрушевичемъ, очень богатъ и разнообразенъ и изданная имъ книга по количеству данныхъ можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими археографическими сборниками. Въ теченіе многолѣтней своей ученой и литературной дѣятельности издатель успѣлъ списать или собрать при посредствѣ своихъ корреспондентовъ огромное количество надписей и краткихъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ червонорусскаго края на церковныхъ книгахъ, зданіяхъ, памятникахъ и т. д.; притомъ онъ пріобрѣлъ, повидимому, значительное количество неизданныхъ рукописей, мемуаровъ, записокъ и т. п. и всѣ эти извѣстія онъ издалъ въ „сводной лѣтописи". Этимъ онъ оказалъ значительную услугу русской исторіографіи, спасъ многія болѣе или менѣе важныя историческія свѣдѣнія отъ гибели и сдѣлалъ ихъ общедоступными для лицъ, интересующихся русскою исторіею.

Изданный матеріалъ тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе спеціалистовъ, что собранъ онъ и изданъ ученымъ, пользующимся извѣстностью въ качествѣ автора, давно и очень усердно трудящагося на полѣ научной литературы. Въ прошломъ именно году г. Петрушевичъ праздновалъ сорокалѣтнюю годовщину своей литературной дѣятельности; началъ онъ ее въ 1847 году поэтическимъ произведеніемъ: „Радостная пѣснь русина Галичанина въ день праздника св. Архистратига Михаила, а именинъ такожъ его Превосходительства, преосвященнаго архіепископа Митрополита Львовскаго, Галицкаго и епископа Каменецкаго, Куръ Михаила" (это произведеніе есть нѣчто въ видѣ торжественной оды въ честь уніатскаго митрополита Михаила Левицкаго, при которомъ г. Петрушевичъ состоялъ тогда „капеляномъ и нотаріемъ" [1]). Съ того времени г. Петрушевичъ писалъ очень много и по многимъ отраслямъ знанія; кажется, что излюбленныя его занятія посвящены были филологіи и библіографіи, но онъ нерѣдко писалъ статьи и историческаго содержанія, по большей части разрабатывая исторію церкви галицко-русской. Въ числѣ большаго количества статей, принадлежащихъ перу г. Петрушевича, правда, не встрѣчаемъ работъ, которыя бы обнимали цѣльныя и сколько нибудь обширныя эпохи—это по большей части коротенькія монографіи, посвященныя разработкѣ частныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ вопросовъ, относящихся къ исторической жизни Червоной Руси. Этотъ именно характеръ дѣятельности почтеннаго автора и

[1]) Литературный сборникъ Галицко-Русской матицы 1887 г. стр. V.

заставляетъ предполагать развитіе въ немъ по преимуществу критическаго направленія и выработку строгаго критическаго метода, который конечно необходимъ и прежде всего желателенъ при изданіи сборника, составленнаго изъ столь разнородныхъ и разнообразныхъ источниковъ какова „Сводная галицко-русская лѣтопись“.

Къ несчастію эти ожиданія, основанныя на репутаціи автора, не вполнѣ оправдываются изданною имъ книгою. Вслѣдствіе-ли недосуга и поспѣшности, или по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ, издатель не только не соблюлъ критическихъ пріемовъ, обязательныхъ для издателя всякаго археографическаго сборника, но какъ будто съ умысломъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы затруднить „любознательнаго читателя“ при пользованіи его сборникомъ и лишить его возможности критическаго отношенія къ богатому его матеріалу. Мы постараемся указать главныя погрѣшности въ способѣ редакціи „сводной лѣтописи.“

Не ограничиваясь сводомъ разрозненныхъ и собранныхъ имъ рукописныхъ источниковъ, г. Петрушевичъ вводитъ въ свою лѣтопись огромное количество выписокъ изъ печатныхъ общеизвѣстныхъ историческихъ сочиненій, превращая такимъ образомъ свой археографическій сборникъ какъ-бы въ историческую христоматію, притомъ весьма плохо составленную. Плохо потому, что какъ въ выборѣ имъ авторовъ, такъ и въ выборѣ цитируемыхъ мѣстъ онъ руководился по видимому исключительно субъективными побужденіями. Такъ, чаще всего мы встрѣчаемъ выписки изъ Исторіи Малороссіи Маркевича, Исторіи Россіи Соловьева, изъ лѣтописей, изданныхъ г. Бѣлозерскимъ и изъ Исторіи кабаковъ въ Россіи Прыжова; на ряду съ ними вся книга испещрена цитатами изъ всевозможныхъ сочиненій, безъ всякаго вниманія къ степени компетентности компилируемыхъ источниковъ. Мы встрѣчаемъ рядомъ цитаты изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей и изъ Холмскаго народнаго календаря, Газеты Львовской за 1875 г., Врачебнаго Журнала Полунина и даже изъ беллетристическихъ сочиненій (Украинскихъ оповиданій Стороженка) и этнографическихъ сборниковъ (Головацкаго). Затѣмъ къ крайнему нашему удивленію встрѣчаемъ выписки изъ цѣлаго ряда минералогическихъ и технологическихъ нѣмецкихъ сочиненій [1]) и т. д. Со-

[1]) Zerrener. Erdkunde des Gouvernements Perm.—Von Turner. Russlands Montan—Industrie. Grätze. Beiträge zur Geschichte des Gefässbilderei etc. bei den verschiedenen Nationen и т. п.

ставитель не поясняетъ ни въ предисловіи, ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ, почему онъ оказалъ предпочтеніе этимъ именно авторамъ, а не какимъ либо инымъ, и, не будучи въ состояніи догадаться о причинѣ этого предпочтенія, мы невольно полагаемъ ее въ случайности или въ произволѣ составителя. Выборъ нѣкоторыхъ пособій только необъяснимъ; мы, напримѣръ, не знаемъ почему, цитируя Соловьева, г. Петрушевичъ игнорируетъ сочиненія Ешевскаго, Устрялова, Семевскаго, Корсакова и т. д.; почему онъ оказываетъ предпочтеніе лѣтописямъ Бѣлозерскаго передъ лѣтописями Рубана, Ригельмана, Симоновскаго, Лукомскаго и т. д.—Мы также не знаемъ, почему, находя нужнымъ внести свѣдѣнія естественно-научныя, г. Петрушевичъ ограничился минералогіею и технологіею и отрицаетъ ботанику, зоологію, антропологію, исторію медицины и т. п. Но иногда выборъ пособія крайне неудаченъ и болѣе, чѣмъ страненъ со стороны писателя, извѣстнаго многолѣтнею дѣятельностью и дающаго право ожидать съ его стороны строго критическаго выбора: таково по нашему мнѣнію предпочтеніе, оказанное имъ „Исторіи Малороссіи Маркевича", сочиненію, котораго недостатки видны были еще во время его выхода въ свѣтъ и которое при настоящемъ состояніи науки ниже всякой критики; а между тѣмъ каждый годъ въ „сводной лѣтописи" начинается огульнымъ перечнемъ фактовъ, заимствованнымъ изъ исторіи Маркевича, какъ поясняетъ самъ г. Петрушевичъ въ примѣчаніи на 1 страницѣ.—Конечно, значеніе цитатъ изъ беллетристическихъ сочиненій въ сборникѣ археографическомъ не требуетъ, по нашему мнѣнію, комментарія.

Если кажется намъ непонятнымъ выборъ цитируемыхъ авторовъ, то еще въ большее неудомѣніе приходимъ отъ выбора мѣстъ, приведенныхъ изъ этихъ авторовъ въ „сводной лѣтописи". При всемъ искреннемъ желаніи уразумѣть схему, по которой выбиралъ извѣстія г. Петрушевичъ, мы ее постичь не были въ состояніи. Извѣстія выбраны и не по относительной важности самыхъ событій, и не по связи ихъ съ исторіею „Галичско-русскою", какъ можно бы предполагать на основаніи заглавія изданія. Для образца приведемъ на угадъ нѣсколько выписокъ г. Петрушевича; можетъ быть кто нибудь будетъ счастливѣе насъ и уразумѣетъ, почему и къ чему они помѣщены въ сводной лѣтописи:

„1700 Всѣмъ питейнымъ дѣломъ въ Россіи завѣдывали бурмистры и т. д. (Прыжовъ Исторія кабаковъ).

1714. Учреждены Петромъ В. маіораты и т. д. (Полное Собр. Зак.).

1733. Заведена почта между Москвою и Тобольскомъ (Чулковъ). Вторично запрещ*ено* всякаго рода азардов*ые* игры. (Безъ ссылки).

1749. Папа соизволяетъ Гнезненскимъ архіепископамъ, яко прима*сом*ъ королевства, употребленіе пурпуры (Безъ ссылки).

1750. Начало Россійской горновой музыки. Марешъ. Нарышкинъ (?)

1755. Трусъ земный разрушилъ городъ Лисабонъ, распространился на три дес*яти* части (sic) міра. (Безъ ссылки).

1756. Импер. Елисавета основала близъ С.-Петербурга первый фарфорный заводъ (Porcellanfabrik) и т. д. (Graetze).

1771. Появленіе русскихъ въ Мингреліи, взятіе Кутаиса. (Безъ ссылки).

1771. Возстаніе Яицкихъ козаковъ по причинѣ притѣсненія ихъ и приказа бритія бороды. (Castera).

1772. Открыты Олонец*кіи* перв*ыи* мѣдн*ыи* рудокопы (sic). (Безъ ссылки).

Такого рода цитатъ можно бы набрать въ сводной лѣтописи многіе десятки; предоставляя „любознательному читателю“ рѣшить причину ихъ появленія и ихъ назначеніе въ книгѣ, мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что почтенный авторъ смотрѣлъ на свою лѣтопись до нѣкоторой степени какъ „кунсткамеръ, сирѣчь на собраніе курьезовъ и раритетовъ“ и старался набрать извѣстія подиковиннѣе, иначе въ нее не попали бы ни „трусъ лисабонскій“, ни тобольская почта, ни „пурпура примасовъ“ ни „мѣдные рудокопы“, ни „горновая музыка“, „маіораты, „Porcellanfabrik“ и безконечное количество другихъ монстровъ, которыхъ для краткости не перечисляемъ.

Если исключимъ изъ книги всѣ выписки изъ печатныхъ сочиненій, то объемъ ея уменьшится по меньшей мѣрѣ на половину; то, что за тѣмъ останется, и есть собственно настоящая сводная лѣтопись, составленная по плану издателя изъ расположеннаго по годамъ рукописнаго матеріала; впрочемъ въ отношеніи къ этому матеріалу пріемы составителя также заставляютъ многаго желать и о многомъ сожалѣть: значительное количество извѣстій или вовсе не отмѣчено ссылками, или же ссылки проставлены въ столь неопредѣленномъ и общемъ видѣ, что не даютъ возможности судить о достоинствахъ и качествѣ источника; какое, напримѣръ, можно себѣ составить понятіе о рукописи, о которой сказано только: „рукопись въ моемъ посиданіи“ или „изъ библіотеки епископскаго собора въ Перемышли“, или „по источникамъ польскимъ“, или „по современной запискѣ“ и

т. п. Кромѣ мелкихъ надписей и отрывочныхъ помѣтокъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько объемистыхъ записокъ современниковъ, каковы напримѣръ: записки уніатскаго митрополита Льва Кишки, записки піярскаго монастыря въ Межиричѣ Корецкомъ, записки Павла Свѣдзѣнскаго, священника Лодинскаго. Конечно, изданіемъ этихъ записокъ онъ оказалъ бы большую услугу русской исторіографіи и притомъ отъ г. Петрушевича, какъ отъ человѣка вполнѣ знакомаго съ правилами исторической критики, можно было ожидать соблюденія хотя важнѣйшихъ условій, необходимыхъ при изданіи историческихъ памятниковъ, т. е. описанія имѣющихся у него рукописей, возможныхъ данныхъ объ исторіи этихъ рукописей, біографическихъ данныхъ, опредѣляющихъ общественное положеніе, характеръ и убѣжденія ихъ составителей и т. п. Но мы ничего подобнаго не находимъ въ сводной лѣтописи, за то самъ текстъ записокъ распредѣленъ по годамъ и интерполированъ среди другихъ замѣтокъ и выписокъ; при этомъ издатель не объясняетъ: помѣстилъ ли онъ весь текстъ имѣющихся у него записокъ или только избранныя изъ нихъ по своему усмотрѣнію мѣста, чѣмъ конечно онъ отнялъ у читателя послѣднюю возможность критическихъ о нихъ соображеній.

При группировкѣ самыхъ извѣстій въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается большая небрежность; иногда одно и тоже извѣстіе помѣщено по одному и тому же источнику два раза; такова, напримѣръ, выписка замѣтки изъ Минеи церкви села Иванова о цѣнахъ на хлѣбъ въ Перемышлѣ 1737 г. (стр. 139 и 140); иногда тождественныя надписи изъ различныхъ книгъ списываются подъ рядъ безъ видимой нужды, напримѣръ надписи о подаркѣ церковныхъ книгъ Скитскому монастырю архимандритомъ Михаиломъ Чирскимъ (стр. 214); иногда, безъ всякихъ поясненій и комментаріевъ, приводятся въ качествѣ современныхъ записокъ, весьма наивныя и невѣжественныя мудрствованія книжниковъ XVIII столѣтія; вотъ для примѣра замѣтка священника Григорія Гаванскаго, составленная въ 1750 г. о времени основанія церкви въ селѣ Бущѣ: „Церковь эту поставила святая царица Елена въ то время, когда вела войну съ Бунякомъ Солодывымъ, во имя святыхъ Глѣба и Бориса, сыновей восточнаго царя Владиміра, убитыхъ собственнымъ братомъ... Баколарь изъ Почаева показалъ мнѣ книгу, въ которой записано было однимъ старикомъ, почаевскимъ монахомъ, что это событіе происходило въ 1180 году, слѣдовательно до настоящаго 1750 года прошло лѣтъ 570“

(стр. 186). Замѣтку эту, можетъ быть представляющую значительный историко-этнографическій интересъ, наврядъ ли можно помѣщать въ археографическомъ сборникѣ безъ комментарія или хотя бы краткаго примѣчанія о ея значеніи.

Въ иныхъ случаяхъ г. Петрушевичъ приводитъ извѣстіе объ одномъ и томъ же событіи въ теченій нѣскольких лѣтъ подъ рядъ, оставляя читателя въ недоумѣніи, повторялось ли это событіе періодически или, можетъ быть, существуетъ сомнѣніе къ какому году его слѣдуетъ отнести—сомнѣніе впрочемъ нѣсколько странное, такъ какъ сборникъ посвященъ исключительно событіямъ XVIII столѣтія. Вотъ примѣръ такой необъяснимой оплошности: возстаніе крестьянское, извѣстное подъ именемъ Коліивщины, происходило въ 1768 году и продолжалось въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Даты его можно весьма точно опредѣлить по документамъ; между тѣмъ въ „сводной лѣтописи" возстаніе Желѣзняка, взятіе Умани и усмиреніе движенія Стемпковскимъ разсказаны 3 раза подъ 1768, 1769 и 1770 годомъ (стр. 272, 287, 293) и притомъ разсказаны отъ лица самого издателя, безъ указанія источниковъ и не въ качествѣ выписки изъ современныхъ замѣтокъ, а въ видѣ краткихъ положеній самого составителя. Вѣдь для читателя мало знакомаго съ исторіею этого событія книга г. Петрушевича явится источникомъ крайнихъ недоумѣній или грубыхъ ошибокъ. Мы совершенно не понимаемъ съ какою цѣлью почтенный авторъ устроилъ всю эту путаницу? Вѣдь въ знаніи его сомнѣваться нельзя, остается приписать эту ошибку весьма непохвальной небрежности. Впрочемъ по отношенію къ Коліивщинѣ, мы можемъ указать одну ясную ошибку со стороны составителя: на 281 страницѣ приведены общеизвѣстныя вирши, надписывавшіяся на схематическомъ изображеніи запорожца XVIII столѣтія, такъ называемаго „Мамая"; вирши эти озаглавлены г. Петрушевичемъ „Стихи на портретъ Гонты". Намъ непонятно вслѣдствіе какой предвзятой мысли г. Петрушевичъ отнесъ какъ самое изображеніе, такъ и вирши къ Гонтѣ; вирши эти давно уже извѣстны [1]) и не имѣютъ ничего общаго съ біографіею Гонты, напротивъ того въ самомъ текстѣ изображенный на картинѣ козакъ пространно поясняетъ, что онъ самъ точно не знаешъ ни своего имени, ни происхожденія и разсказываетъ, что онъ родился и воспитался въ запорожскихъ

[1]) Онѣ напечатаны, если не ошибаемся, въ первый разъ въ „Запискахъ о южной Руси" Кулиша въ 1856 г. (т. I, стр. 316—319).

степяхъ, что онъ не имѣетъ никакой осѣдлости, „бурлакуетъ“, занимается гайдамачествомъ, уже состарѣлся среди бездомной жизни и т. д. Что тутъ общаго съ Гонтою, человѣкомъ домовитымъ, семейнымъ, богатымъ и занимавшимъ видное служебное положеніе въ уманской милиціи?

Въ числѣ отрицательныхъ качествъ изданія мы не можемъ не отмѣтить неприличествующаго историческому писателю вообще, и издателю матеріаловъ въ особенности, субъективизма, заставляющаго невольно сомнѣваться въ безпристрастіи относительно полноты и выбора приводимыхъ фактовъ. Г. Петрушевичъ очень часто вставляетъ въ „сводную лѣтопись“ свои разсужденія и полемическія выходки, противъ разныхъ мнѣній и тенденцій, проявляющихся какъ въ современной литературѣ, такъ и въ текущей общественной жизни. Разсужденія эти могутъ быть очень почтенны по своему содержанію, но мѣсто для нихъ подобающее было бы на столбцахъ любой газеты, на страницахъ же археографическаго сборника они только роняютъ научное достоинство послѣдняго и возбуждаютъ сомнѣніе въ объективномъ подборѣ научнаго матеріала.

Наконецъ, придавъ своему сборнику видъ весьма хаотической silvae rerum, г. Петрушевичъ счелъ лишнимъ приложить къ нему хоть бы указатель личныхъ и географическихъ именъ. Если комулибо понадобится забрать справку о любомъ историческомъ фактѣ по матеріаламъ изданнымъ г. Петрушевичемъ, онъ каждый разъ долженъ будетъ пересмотрѣть всю книгу отъ начала до конца; странствовать же въ этомъ лабиринтѣ не легко безъ указателя, который служилъ бы спасительною нитью Аріадны.

Вообще приходится искренно пожалѣть о томъ, что богатый историческій матеріалъ, собранный г. Петрушевичемъ, изданъ имъ въ столь небрежномъ видѣ, при совершенномъ отсутствіи даже элементарныхъ критическихъ пріемовъ. **В. А.**

Diebold Wladimir.—Ein Beitrag zur Antropologie der. Kleinrussen. Dorpat. 1886 (Дибольдъ. — Къ антропологіи Малороссовъ—Дерптъ. 1886 г.).

Книжка эта написана въ качествѣ диссертаціи для полученія степени доктора медицины и защищена авторомъ въ Дерптѣ. Въ предисловіи г. Дибольдъ поясняетъ, что онъ выбралъ указанную тему для своего сочиненія потому, что онъ жилъ во время его со-

ставленія на югѣ Россіи и имѣлъ возможность пользоваться, какъ онъ полагалъ тогда, весьма легко матеріаломъ для наблюденій въ средѣ мѣстнаго населенія; притомъ онъ желалъ выразить этимъ выборомъ свои симпатіи къ ближайшей своей родинѣ (sollte dieses ein Act der Pietät gegen meine engere Heimath und ihre Bewohner sein). Работа предпринята имъ была послѣ совѣщанія съ извѣстнымъ знатокомъ антропологіи, профессоромъ Штидою, по указаніямъ котораго онъ рѣшился сдѣлать выводы, собравъ точныя наблюденія надъ 200 мужчинами и 100 женщинами; но, неожиданно для автора, онъ встрѣтилъ большія препятствія при собираніи матеріала. Крестьяне, озадаченные небывалыми вопросами и осмотромъ, отнеслись къ антропологу съ нѣкоторою подозрительностью и неохотно соглашались на предложенные имъ сеансы; его подозрѣвали то въ томъ, что онъ дѣлаетъ предварительные помѣры по порученію присутствія по исполненію воинской повинности, то въ томъ, что онъ выбираетъ людей способныхъ для предположеннаго будто переселенія въ приамурскій край и на Кавказъ, то считали его тайнымъ агентомъ, распространяющимъ штунду и т. п. Съ большимъ трудомъ удалось ему помѣрять и записать наблюденія о 200 мужчинахъ, что-же касается женщинъ, то онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ наблюденій надъ ними, ибо по мотивамъ стыдливости и вслѣдствіе страха передъ общественнымъ мнѣніемъ женщины на отрѣзъ отказались служить субъектами для его наблюденій.

Всѣ наблюденія автора произведены въ 36 селахъ уманскаго уѣзда и только немногія данныя взяты имъ изъ наблюденій надъ лицами сосѣднихъ уѣздовъ; г. Дибольдъ обращалъ строго вниманіе на чистоту племеннаго происхожденія и потому совсѣмъ устранилъ чиншевиковъ и мѣщанъ; затѣмъ онъ обращался къ субъектамъ не моложе 18 лѣтъ. Измѣренія и распросы произведены были по схемѣ, составленной Брока (Instructions générales pour les recherches anthropologiques à faire sur les vivants) и добытый матеріалъ тщательно внесенъ въ таблицы, въ которыхъ проставлены данныя о каждомъ изъ 200 субъектовъ по 76 вопросамъ, намѣченнымъ въ схемѣ.

Само сочиненіе распредѣлено на 3 главы: первая, самая впрочемъ слабая, представляетъ очеркъ историко-географическій и этнографическій малорусскаго населенія. Авторъ, какъ не спеціалистъ, разсказывая общеизвѣстныя данныя, заимствованныя по большей части изъ труда Чубинскаго, дѣлаетъ нѣсколько довольно крупныхъ ошибокъ въ подробностяхъ; такъ онъ утверждаетъ, что южная Русь

была присоединена къ Польшѣ въ 1471 г. (вмѣсто 1569), полагаетъ, что кіевская губернія была возсоединена съ Россіею по Андрусовскому договору 1667 г. (вмѣсто 1792), приводя сравнительныя данныя, относящіяся къ антропологіи другихъ славянъ, къ числу послѣднихъ причисляетъ литовцевъ и латышей и т. п.

Во второй главѣ авторъ стоитъ на почвѣ своей спеціальности и потому она отдѣлана имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ здѣсь разсказываетъ пріемы своихъ наблюденій и измѣреній и излагаетъ добытые имъ выводы.

Подводя общій итогъ на основаніи приведенныхъ имъ цифръ, г. Дибольдъ рисуетъ средній типъ малоросса слѣдующими словами: „Малороссы по большей части роста выше средняго, тѣлосложенія крѣпкаго. Преобладающій цвѣтъ кожи бѣлый (только 21% представляли разные оттѣнки смуглой кожи), распространеніе волосъ на кожѣ весьма слабое, довольно рѣдко умѣренное и еще рѣже сильное. Голова покрыта волосами темно-коричневыми, весьма рѣдко курчавыми. Блондины встрѣчаются рѣдко (29%), еще рѣже брюнеты (10%). Лице въ большинствѣ случаевъ овальное, иногда удлиненное (31%). Малороссы брѣютъ бороду, но если они ее отпускаютъ, то борода бываетъ довольно густая. Борода служитъ признакомъ почета, которымъ пользуется извѣстное лице вслѣдствіе возраста или положенія, занятаго имъ въ общинѣ.—Глазницы расположены горизонтально. Глаза средней величины, хотя встрѣчаются глаза большіе (43%) и малые (12%). По цвѣту преобладаютъ глаза каріе (43%) и сѣрые (41%), голубые встрѣчаются рѣдко (16%). Преобладающая форма носа прямая (71%), хотя вcртѣчаются также носы горбатые (12%) и сѣдлобразные (17%). Губы довольно толстыя. Зубы хорошо сохраняются до преклоннаго возраста; карьезная порча встрѣчается рѣдко (19%), еще рѣже потеря нѣсколькихъ зубовъ.

Вообще малороссы хорошаго тѣлосложенія и члены тѣла развиты пропорціонально“ (стр. 36).

Къ этой характеристикѣ автора прибавимъ еще одну существенную, опущенную имъ подробность: по произведеннымъ имъ измѣреніямъ череповъ, всѣ безъ исключенія оказались короткоголовыми; средній черепной указатель=84,53.

Третья глава сочиненія посвящена сравненію типа малорусскаго съ антропологическими типами другихъ славянскихъ и неславянскихъ народовъ и сличенію этого типа съ среднимъ типомъ индоевропейца (Canon du beau) по Топинару. Хотя сравненія эти

дѣлаются по совершенно точнымъ пріемамъ науки, но намъ кажется, что авторъ выбралъ для сравненія народности, случайно попавшіяся ему типы въ пособіяхъ, которыми онъ пользовался, а не тѣ, сличеніе съ которыми представляло бы дѣйствительно этнологическій интересъ. Мы не ясно понимаемъ, какіе выводы можно извлечь изъ сопоставленія типа малорусскаго съ типами ливовъ, латышей, эстовъ, нѣмцевъ, евреевъ, минуя всѣ посредствующія звенія племеннаго родства. Намъ потому кажется, что сравнительная часть работы г. Дибольда носитъ характеръ нѣсколько случайный и произвольный.

Конечно, книжка д-ра Дибольда какъ по незначительному размѣру изслѣдованной имъ территоріи, такъ и по количеству собранныхъ наблюденій не можетъ доставить данныхъ для антропологической характеристики малороссовъ вообще, самъ авторъ не придаетъ ей такого значенія, почему онъ и озаглавилъ скромно свое сочиненіе только вкладомъ (Beitrag) къ изученію антропологіи малороссовъ. Тѣмъ не менѣе она въ числѣ весьма немногочисленныхъ работъ, посвященныхъ избранному имъ сюжету, занимаетъ почетное мѣсто. По научному характеру пріемовъ она стоитъ на одномъ уровнѣ съ изслѣдованіемъ гг. Коперницкаго и Мейера (Физическая характеристика народонаселенія Галиціи), превосходитъ точностью изслѣдованія, хотя уступаетъ по количеству матеріала труду Чубинскаго (Малоруссы юго-западнаго края) и гораздо опредѣленнѣе и точнѣе работы г. Эмме (Антропологія и медицина кобыляцкаго уѣзда). Мы полагаемъ, что появленіе трудовъ, подобныхъ сочиненію г. Дибольда, заключающихъ въ себѣ антропологическія данныя, научно и добросовѣстно собранныя, для каждой отдѣльной мѣстности края, въ высшей степени желательно. Въ общей сложности, онѣ дадутъ со временемъ возможность опредѣлить какъ общій схематическій типъ южноруса, такъ и указать дифференцировку этого типа на извѣстныя разновидности. Во всякомъ случаѣ мы искренно благодаримъ нашего земляка за полезный вкладъ въ небогатую пока литературу русской антропологіи. **В. А.**

Czyński Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej. Warszawa 1887 r.

Почтенный трудъ Эдуарда Чинскаго (псевдонимъ) изданъ въ первомъ томѣ молодаго польскаго географическо-этнографическаго журнала „Wisła“.—Авторъ задался цѣлью дать болѣе или менѣе точный

отвѣтъ на поставленный въ началѣ очерка вопросъ: „сколько насъ (поляковъ) и какъ мы размѣщены на занимаемой нами территоріи? Только послѣ разрѣшенія этого вопроса, заявляетъ авторъ, мы можемъ дать себѣ отчетъ *о нашемъ общественномъ и политическомъ значеніи*“.

Къ сожалѣнію, эта то ближайшая практическая цѣль, совершенно посторонняя для научной этнографіи, послужила отчасти помѣхой автору и до нѣкоторой степени испортила прекрасно задуманную и прекрасно исполненную работу. Разсматривая вопросъ о національности болѣе съ точки зрѣнія польскаго патріотизма, чѣмъ этнологіи, авторъ въ самомъ началѣ дѣлаетъ грубую ошибку, принимая для опредѣленія въ данномъ населеніи его народности два разнородные признака: національное самосознаніе и языкъ. Первый признакъ ненаучный и не поддающійся счисленію, присущъ только немногимъ и вытекаетъ изъ высшаго духовнаго развитія. Очень часто можно встрѣтить народныя массы безъ всякаго національнаго самосознанія, но это однако не значитъ, что эти массы не принадлежатъ ни къ какому племени. Принявъ самосознаніе за признакъ народности, авторъ допускаетъ новыя ошибки. Такъ напр., онъ не постѣснялся въ этнографическомъ трудѣ причислить къ польскому племени всю еврейскую интеллигенцію Царства Польскаго и Галиціи, на томъ единственно основаніи, что они будто бы сознательно считаютъ себя членами польскаго народа. Что интеллигентные евреи могутъ быть даже ярыми патріотами польскими, французскими, германскими и т. д., спорить не буду, но никакая логика не позволитъ отнести этихъ патріотовъ къ другому племени, кромѣ семитическаго. Съ другой стороны авторъ по отношенію къ ю.-з. краю, не имѣя точныхъ данныхъ о языкѣ населенія, совершенно неосновательно признаетъ всѣхъ католиковъ поляками и, выдѣливъ предварительно изъ ихъ числа весьма проблематическія цифры нѣмцевъ и чеховъ, находитъ въ трехъ нашихъ губерніяхъ свыше $^1/_2$ милліона поляковъ. Въ дѣйствительности же около 400,000 изъ этого количества приходится на долю такъ называемой мелкой шляхты, при опредѣленіи народности которой приходится поставить большой вопросительный знакъ. Во всякомъ случаѣ авторъ не найдетъ въ нихъ ни національнаго польскаго самосознанія, ни польской рѣчи, о которой развѣ въ десятой хатѣ осталось смутное представленіе. Молятся они, правда, еще по-польски. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ скоромъ будущемъ они совершенно сольются съ малорусскимъ населеніемъ и въ дѣлѣ общественнаго и политическаго значенія польскаго народа никакой ровно роли играть не будутъ.

Не менѣе страннымъ въ этнографичей работѣ показалось мнѣ ограниченіе территоріи польскихъ поселеній политическими границами польскаго государства 1772 года. Съ тѣмъ же успѣхомъ можно было расширить предѣлы напр. на востокъ за Черниговъ и Полтаву, а на югъ до Овидоваго озера. Вѣдь и эти края были подъ скипетромъ польскимъ, и въ нихъ живутъ поляки, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской, херсонской и бессарабской губ. они населены даже плотнѣе, чѣмъ, напр., въ разсмотрѣнныхъ авторомъ ольгопольскомъ, гайсинскомъ, звенигородскомъ, каневскомъ, чигиринскомъ черкасскомъ и уманскомъ уѣздахъ, гдѣ плотность польскаго населенія въ общемъ еле достигаетъ 1%. Между тѣмъ эти искусственныя рамки заставили автора пройти молчаніемъ такія значительныя польскія колоніи, какъ петербургская, одесская, вѣнская и американскія, не смотря на то, что въ ихъ средѣ національное самосознаніе далеко сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ разсмотрѣнныхъ авторомъ мѣстностяхъ.

Не смотря на эти и другія въ сущности второстепенныя погрѣшности, авторъ собралъ весь доступный для него матеріалъ и сдѣлалъ изъ него все, что только было возможно. Статистическіе матеріалы для опредѣленія польской народности оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно по отношенію къ Царству Польскому. „У насъ богаче и точнѣе статистическій матеріалъ о французскомъ Индокитаѣ, чѣмъ о варшавскс̆й или келецкой губ.“, жалуется авторъ. Въ виду этого пришлось пополнять прямой матеріалъ косвенными данными изъ исповѣдныхъ росписей, неточными указаніями памятныхъ книжекъ и календарей и данными изъ русскихъ и нѣмецкихъ статистическихъ монографій. Надо отдать справедливость автору, что онъ весьма осторожно и умѣло воспользовался матеріаломъ, обрабатывая его съ помощью сличенія и выдѣленій, но цифры его и процентныя отношенія, какъ онъ самъ признаетъ, все-таки далеко не непреложны и имѣютъ лишь значеніе первой серіозной попытки къ счисленію народности. Въ 36 таблицахъ съ подробными къ нимъ комментаріями авторъ обозрѣваетъ послѣдовательно провинціи, находящіяся подъ прусскимъ и австрійскимъ скипетрами, затѣмъ западныя губерніи и наконецъ Царство Польское. При этомъ по каждому уѣзду показана плотность польскаго населенія и отношеніе его къ другимъ народностямъ. Вообще на разсмотрѣнной территоріи поляковъ числится:

Въ Пруссіи	2.672.000	душъ, т. е.	$21{,}_8$%	всѣхъ поляковъ
„ Австріи	2.930.000	„ „	$23{,}_2$%	„ „

Въ девяти зап. губерніяхъ 1.500.000 душъ } 55%
„ Царствѣ Польскомъ. . 5.400.000 „

Всего около $12^1/_2$ милліоновъ; но если, по мнѣнію автора, прибавить число поляковъ, живущихъ внѣ разсмотрѣннаго района, то можно безъ ошибки опредѣлить число всѣхъ поляковъ на земномъ шарѣ въ 13.000.000 душъ. По вѣроисповѣданію поляки почти всѣ католики, за исключеніемъ только 4%, исповѣдующихъ другія религіи, а именно: лютеранъ—425.000, уніатовъ свыше 65.000, *поляковъ-евреевъ* 18.000, *поляковъ-магометанъ* 9.000 и православныхъ 8.000 душъ.

Только по отношенію къ прусскимъ полякамъ удалось добыть кое-какія данныя о движеніи населенія, при чемъ обнаружено неожиданное явленіе. Начиная съ 1831 г. число поляковъ вплоть до 1867 года постоянно уменьшается, но съ того времени по 1880 годъ почти вездѣ довольно быстро возрастаетъ, такъ что „въ общемъ польская народность въ Пруссіи за послѣднія 13 лѣтъ успѣла пополнить ущербъ, причиненный германизаціей послѣ 1831 года".

Въ Галиціи изъ 75 повѣтовъ, только въ 30 западныхъ поляки составляютъ преобладающее населеніе, въ остальныхъ преобладаютъ малороссы, при чемъ въ восточной Галиціи, какъ и у насъ въ западномъ краѣ, поляки по преимуществу принадлежатъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ. Подобное явленіе, только въ обратномъ отношеніи замѣчается въ Силезіи; тамъ на народной польской массѣ наслоена нѣмецкая богатая интеллигенція.

Въ западномъ краѣ поляки вездѣ составляютъ значительное меньшинство. Плотнѣе прочихъ они населяютъ гродненскую (29%) и виленскую губ. (23,6%). Еще довольно значительное ихъ число показано въ губ. минской (13,4%), волынской (10,7%) и подольской (10%), но здѣсь произошла указанная мною выше ошибка, вслѣдствіе причисленія къ полякамъ „шляхты". Остальныя губерніи представляютъ совершенно ничтожный процентъ поляковъ.

Въ предѣлахъ Россіи только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, да въ двухъ уѣздахъ гродненской губ. (сокольскомъ и бѣлостоцкомъ) польское населеніе составляетъ безусловно преобладающій элементъ.

Какъ интересную подробность къ характеристикѣ этнографическихъ отношеній, отмѣтимъ здѣсь, что евреи оказываются неравномѣрно разселенными на территоріи старой Польши. На западѣ ихъ очень мало; въ Пруссіи они почти незамѣтны. Но затѣмъ по направленію къ востоку плотность ихъ постепенно увеличивается и

достигаетъ максимума въ могилевской губ. (35,7%), въ оршанскомъ уѣз. (34,7%) и въ бердичевскомъ (37,4%). Въ 23 уѣздахъ западнаго края евреи составляютъ больше 1/6 части всего населенія.

Ц. Нейманъ.

Александра Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. Спб. 1888.

Въ октябрѣ 1885 года на страницахъ „Кіевской Старины“ мы познакомили своихъ читателей съ этимъ выдающимся изслѣдованіемъ нашего даровитаго историка; тогда мы обозрѣли четыре его книги „Рода Шереметевыхъ“; послѣдняя изъ нихъ оканчивалась 1658 годомъ, подъ которымъ авторъ изобразилъ происходившія по смерти Богдана Хмельницкаго смуты на Украинѣ, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока истомленные ими жители Украины не обратились къ царю съ просьбой назначить въ Малороссію для успокоенія умовъ боярина Василія Борисовича Шереметева; мы указали тогда, что причиной этой просьбы была добрая память, сохранявшаяся о Шереметевѣ, какъ объ искренномъ пріятелѣ Богдана Хмельницкаго и доброжелателѣ украинцевъ. Теперь передъ нами пятая книга, въ которой продолжается прерванный разсказъ; онъ начинается сообщеніемъ о назначеніи Василія Борисовича Шереметева воеводой въ Кіевъ 6-го апрѣля 1658 года, чѣмъ желаніе мѣстныхъ обывателей было такимъ образомъ удовлетворено; изъ дальнѣйшаго изложенія этого разсказа мы узнаемъ, что нѣкоторое время смуты еще продолжались; среди нихъ избранъ былъ въ гетманы Иванъ Выговскій, но избраніе его не только не прекратило этихъ смутъ, а напротивъ было поводомъ къ проявленію ихъ въ болѣе рѣзкой формѣ; противникомъ Выговскаго открыто объявилъ себя полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь и запорожцы. Московское правительство тогда еще довѣряло гетману и предоставило ему возможность подавить неудовольствіе. Въ этой домашней войнѣ Шереметевъ не принималъ дѣятельнаго участія; онъ стоялъ лишь на сторожѣ; къ этому обязывали Шереметева отчасти наказы, данные ему изъ Посольскаго и Разряднаго приказовъ; дружбы съ Выговскимъ у него быть не могло: послѣдній былъ неискреннъ и дѣйствовалъ такъ, что легко возбуждалъ подозрѣнія; натянутыя отношенія между гетманомъ и воеводой съ перваго же дня назначенія Шереметева въ Кіевъ выразились въ жалобахъ гетмана на непокорность ему воеводы; Выговскій зна-

комъ былъ съ Шереметевымъ еще при жизни Хмельницкаго и потому зналъ теперь, какого опаснаго противника его планамъ назначили въ Малороссію; эти натянутыя дипломатическія отношенія перешли скоро въ открытую вражду, когда Выговскій вооруженной рукой хотѣлъ выпроводить непокорнаго воеводу изъ Кіева; началась открытая ожесточенная война, которая закончилась пораженіемъ Шереметева подъ Чудновымъ и татарскимъ плѣномъ его въ 1660 году,—пораженіемъ, которое было достигнуто лишь вслѣдствіе союза противниковъ да измѣны Юрія Хмельницкаго и полковника Тимофея Цицюры; съ окончаніемъ описанія чудновскаго побоища, оканчивается и пятая книга; вся она такимъ образомъ отъ начала до конца касается исторіи южной Россіи и въ частности гетманства Выговскаго и Юрія Хмельницкаго; на пространствѣ почти 500 страницъ этого тома авторъ излагаетъ событія мѣстной исторіи, въ которой однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является В. Б. Шереметевъ; важнѣйшія событія этой исторіи съ большей или меньшей обстоятельностью уже извѣстны изъ произведеній корифеевъ нашей исторіи; тѣмъ не менѣе, г. Барсуковъ, излагая дѣятельность кіевскаго воеводы, сообщаетъ такую массу совершенно новыхъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ подробностей, что его трудъ является высокоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для южно-русской исторіи; напр., подробности о борьбѣ Выговскаго съ Пушкаремъ, прибытіе въ Кіевъ Шереметева, одинъ изъ наказовъ ему (именно изъ Разряднаго приказа), описаніе состоянія Малороссіи, раздираемой усобицами, описаніе состоянія Кіева, которому угрожала осада козаковъ Выговскаго и татаръ; подробности объ осадѣ и побѣдахъ Шереметева; о наградахъ Шереметева и его сподвижниковъ; милостивое отношеніе царя къ кіевскому воеводѣ и просьба побыть еще малое время въ Кіевѣ; приказъ двинуться въ Польшу; подробности о движеньи Шереметева къ Межибожу и обратно; объ измѣнѣ Юрія Хмельницкаго и Цицюры; подробности боя подъ Любаромъ, Чудновымъ и проч. Всѣ эти новыя данныя авторъ заимствуетъ или изъ неизданныхъ матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, или изъ портфелей неизданныхъ документовъ Г. Карпова и Малиновскаго, или изъ старопечатныхъ польскихъ мемуаровъ, хранящихся въ Римской библіотекѣ и доставленныхъ автору въ переводахъ обязательными библіотекарями; мы не перечисляемъ массы новыхъ фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ указанныхъ источниковъ, потому что такое перечисленіе заняло бы у насъ не мало мѣста.

Къ выдающимся достоинствамъ новаго произведенія г. А. Барсукова, на которыя мы отчасти указали въ прежней статьѣ о первыхъ его четырехъ книгахъ, надо отнести любовь автора къ изображаемому имъ герою, которая согрѣваетъ разсказъ, возбуждаетъ къ нему, герою, то же чувство въ читателѣ; не смотря на это, авторъ не закрываетъ глазъ и передъ недостатками героя, указывая на нихъ въ своемъ мѣстѣ; оживленію разсказа много содѣйствуютъ удачно дѣлаемыя авторомъ цитаты изъ сыраго матеріала, которыя какъ бы переносятъ читателя къ давно минувшимъ временамъ. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что работы, подобныя разбираемой, рѣдко приходится читать въ нашей исторической литературѣ, какъ-будто обѣднѣвшей на изслѣдованія, касающіяся важныхъ и продолжительныхъ эпохъ въ народной жизни или дѣятельности выдающихся историческихъ героевъ.

Но какъ въ каждомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ есть всегда нѣкоторое несовершенство, такъ и въ трудѣ г. Барсукова мы желали бы видѣть больше вниманія къ общественнымъ настроеніямъ, выразителями которыхъ являются герои; а между тѣмъ, авторъ исключительно говоритъ о лицахъ; намъ кажется, что ему не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ указаніе на одно изъ лицъ, какъ предметъ его монографіи.

Настоящая книга такъ же роскошна по внѣшности, какъ и предъидущія, и такъ же снабжена приложеніями, коихъ здѣсь два: 1, снимокъ съ современнаго гравированнаго портрета боярина Василія Борисовича Шереметева, работы Лауренчіо, приложеннаго къ сочиненію графа Галеацо Пріорато: Historia di Leopoldo Cesare. Viena, 1670 г., и 2, снимки въ естественную величину съ подлинной отписки боярина Василія Борисовича Шереметева, отъ 22 мая 1658 года, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа (столбецъ № 5850). Сочиненіе г. Барсукова заканчивается личнымъ, географическимъ и предметнымъ указателями.

Пожелаемъ, чтобы и слѣдующій томъ былъ такъ же интересенъ и важенъ для историка, какъ настоящій.

И. Каманинъ.

P. S. Авторъ, говоря о приходѣ полковника Гоголя съ Левенцами подъ Кіевъ въ августѣ 1658 года, замѣчаетъ: „что это за Левенцы, мы не знаемъ. Всѣ розысканія о нихъ остались тщетными“. Намъ кажется, что Левенцы—это былъ отрядъ добровольцевъ, всякаго

сброда „гультяевъ", получившихъ свое названіе отъ имени ватажка; кромѣ Левенцевъ извѣстны еще Дейнеки и гораздо раньше Лисовчики т. е. „своевольныя купы", отряды Дейнеки и Лисовскаго. Сколько намъ помнится, Липинскій и Балинскій въ своей „Starozytna Polska" называетъ левенцевъ „opryszkami", опричиной, разорявшими города юго-западнаго края.

Левенцы — терминъ, которымъ опредѣлялись исключительно жители или впослѣдствіи возстававшіе крестьяне подольскаго побережья т. е. нынѣшней южной части приднѣстровской подол. губерніи. Не знаю производства слова; если оно не турецкаго и не молдаванскаго происхожденія, то можетъ быть означаетъ жителей лѣваго берега Днѣстра.

Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ., изданный по распоряженію преосв. Симона Мартина Козловскаго, еп. луцко-житомірскаго, доктора богословія, на 1888 г. Житомірь 1887, стр. CL+108.

Книжка эта, вышедшая недавно въ Житомірѣ, содержитъ много любопытныхъ данныхъ относительно состоянія католицизма въ нашемъ краѣ. Здѣсь мы находимъ подробный перечень всѣхъ костеловъ по деканатамъ (благочиніямъ), число прихожанъ, годъ основанія костела, перечень всѣхъ ксендзовъ, монаховъ и т. п.

Въ настоящее время весь юго-западный край, т. е. губ. кіевская, подольская и волынская, составляетъ одну р. католическую луцко-житомірскую епархію, составившуюся изъ нѣсколькихъ епархій, ранѣе существовавшихъ.

Первое появленіе католицизма въ ю. з. краѣ относится къ XIV вѣку, когда въ 1364 г. при Казимирѣ Вел. была учреждена каѳедра во Владимірѣ, въ 1427 г. перенесенная въ Луцкъ [1]). По присоединеніи края къ Россіи, къ луцкой епархіи была присоединена кіевская, епископы которой жили въ Житомірѣ. Съ 1798 г. начинается рядъ луцко-житомірскихъ епископовъ, жившихъ въ Луцкѣ. Послѣ 1831 г. резиденція епископовъ была перенесена въ Житоміръ, гдѣ она пребываетъ и понынѣ. Въ 1866 г. къ луцко-житомірской епархіи была присоединена каменецкая, просуществовавшая около

---

[1]) Stecki Łuck, 147.

5 вѣковъ, и так. обр. въ настоящее время луцко-житомірская епархія обнимаетъ 3 губерніи съ территоріей ок. 3 000 кв. миль.

На этомъ пространствѣ живетъ теперь ок. 555.000 католиковъ, составляющихъ во всемъ краѣ ок. 8%; по губерніямъ католики распредѣлены такъ: въ кіевской ок. 86.000, подольской ок. 238.000 и волынской ок. 230.000, костеловъ всѣхъ 253 приход. и 53 филіальныхъ (приписныхъ): въ кіевской 53 прих., 23 фил., подольской 97 прих. и 6 фил., и въ волынской 103 прих. и 24 фил. Приходы составляютъ деканаты, которыхъ всѣхъ въ епархіи 27: въ кіевской 6, подольской 10 и волынской 11. Число прихожанъ по костеламъ совершенно неравномѣрно; есть приходы напр.. Новоградволынскъ, гдѣ болѣе 8.600 пр. и Старая Ушица, гдѣ всего ок. 200.

Любопытно распространеніе католиковъ по деканатамъ. Въ кіевской губ. болѣе всего католиковъ въ сѣверо-западныхъ деканатахъ; такъ въ радомысльскомъ болѣе 15.000 кат. и 10 кост., сквирсломъ 13.000 кат. и 14 кост., Бердичевскомъ 29.000 кат. и 19 кост., тогда какъ въ южныхъ деканатахъ,—въ уманскомъ, обнимающемъ уманскій, таращанскій и часть липовецкаго и каневскаго уѣздовъ, всего ок. 8000 кат. съ 7 пр. и 6 фил. костелами, а въ звенигородскомъ (звенигородскій, черкасскій и чигиринскій уѣзды) ок. 4500 катол. съ 6 пр. 4 фил. костелами.

Въ подольской губ. также бросается въ глаза неравномѣрное распредѣленіе католиковъ въ восточной и западной частяхъ губерніи. Какъ извѣстно, до конца XVIII в. нынѣшняя подольская губ. раздѣлялась на два воеводства—подольское и брацлавское. Первое раньше подверглось вліянію Польши, второе, находясь на самой окраинѣ Польши, всегда упорно держалось за свою вѣру, и католицизмъ здѣсь не успѣлъ пустить глубокихъ корней. Это раздѣленіе сказывается въ большемъ распространеніи католиковъ въ западныхъ деканатахъ чѣмъ въ восточныхъ: въ каменецк. дек. ок. 34.000 кат. съ 14 кост., проскуровскомъ ок. 32.000 съ 12 кост., въ ушицкомъ ок. 29.000 съ 15 костелами; въ брацлавскомъ, обнимающемъ два большихъ уѣзда—брацлавскій и гайсинскій, всего ок. 13.000 кат. съ 9 кост., а въ балтскомъ дек. на населеніе ок. 550.000 душъ, всего ок. 18.000 кат., съ 9 кост.

На Волыни болѣе всего католиковъ въ житомірскомъ деканатѣ, гдѣ ихъ числится до 43.000 съ 14 кост., менѣе всего въ острогскомъ—11.000 съ 5 кост.

Что касается времени возникновенія костеловъ, то болѣе всего древнихъ костеловъ мы встрѣчаемъ въ зап. Волыни, гдѣ нѣкоторые костелы основаны еще въ XV вѣкѣ, большинство же костеловъ устроено въ XVIII вѣкѣ. Въ кіевской губ. и Брацлавщинѣ многіе костелы основаны въ XIX вѣкѣ, въ первой губ. 25 кост., а въ двухъ нынѣшнихъ деканатахъ брацлавскомъ и балтскомъ изъ 18 въ XIX вѣкѣ основано 8.

Въ прежнее время кромѣ приходскихъ костеловъ существовало въ нашемъ краѣ множество кляшторовъ различныхъ орденовъ; въ подольской губ. послѣднихъ было 28, въ кіевской 7, не говоря о Волыни, гдѣ въ одномъ Луцкѣ было 7. Въ настоящее время, послѣ событій 1831 и 63 годовъ, число это сильно уменьшено и теперь въ луцко-житомірской епархіи существуетъ только 4 монастыря: 3 мужскихъ—въ Заславѣ, волынской губ. бернардинскій съ 8 бернард., въ Дедеркалахъ, т. губ. реформатскій съ 8 мон., и въ Винницѣ подольской губ. капуцинскій съ 19 монах., и 1 женскій въ Дубнѣ кармелитокъ съ 9 монахинями.

Большинство монаховъ живутъ по приходскимъ костелахъ, въ должностяхъ настоятелей и викаріевъ; такъ въ Заславѣ живетъ 2 бернардина, а ост. 6 по приходамъ, въ Дедеркалахъ 4, и по приходамъ 4, въ Винницѣ 5 капуц. и по приход. 14.

Кромѣ монаховъ вышеупомянутыхъ орденовъ, въ нашемъ краѣ доживаетъ свой вѣкъ нѣсколько монаховъ, оставшихся послѣ упраздненія ихъ монастырей: 1 тринитаръ, 1 доминиканъ, 3 кармелита, 3 доминиканки и 7 францисканцевъ. Всѣхъ монашествующихъ въ луцко-житомірск. епархіи въ настоящее время только 56.

Численность ксендзовъ едва превышаетъ 300, что весьма недостаточно для 253 приходовъ; весьма немногіе костелы имѣютъ викаріевъ, а многіе управляются настоятелями ближайшихъ костеловъ; такихъ костеловъ мы насчитали въ кіев. губ. 7, подольской 10, волынской 11, всего 28. Въ семинаріи католической учится всего 48 чел., на послѣднемъ курсѣ 7 чел. а между тѣмъ ежегодно умираетъ отъ 10 до 15 ксендзовъ и все большее число настоятельскихъ мѣстъ остается незамѣщеннымъ.

Михаленко-Юрковскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

О происхожденіи гетмана Павла Тетеры.

(*Письмо г. Э. Руликовскаго къ М. Александровичу*) [1]).

Происхожденіе и родословная Павла Тетеры весьма не ясны, и намъ случилось встрѣтить лишь нѣсколько неопредѣленныхъ намековъ, относящихся къ этому предмету. Это общая судьба многихъ историческихъ дѣятелей, достигшихъ въ теченіи своей жизни значительнаго положенія, но вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества.

Въ источникахъ нашихъ встрѣчаемъ двѣ только замѣтки о происхожденіи Тетеры. Первую—у Анонима Рачинскаго, вторую—у Перетятковича. Въ первомъ источникѣ сказано очень глухо: что Павелъ Тетера родился на „Полѣсьѣ“; во второмъ—что Тетера былъ родомъ изъ Переяславля за Днѣпромъ, и что воспріемникомъ его при св. крещеніи былъ Богданъ Хмѣльницкій (былъ его крестнымъ отцемъ).

Значитъ, мы имѣемъ два сказанія о происхожденіи Тетеры. Между тѣмъ не безъизвѣстно, что „Тетера“—это было прозвище (przydomek) гетмана, дѣйствительная же его фамилія была „Моржковскій“; (по крайней мѣрѣ самъ онъ подписывался такъ: „Павелъ Тетера Моржковскій) [2]). Казалось бы, что выше помянутыя, разно-

---

[1]) Письмо это было найдено въ бумагахъ покойнаго М. Н. Александровича и сообщено обязательно редакціи А. М. Лазаревскимъ. Мы помѣщаемъ его въ переводѣ (подлинное писанно по польски), желая подѣлиться съ читателями мнѣніемъ по неизслѣдованному вопросу одного изъ ученѣйшихъ знатоковъ южно-русской старины. Хотя съ предположеніями почтеннаго ученаго мы во многихъ случаяхъ не вполнѣ согласны, но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ представить вниманію читателей К. Старины, мнѣніе г. Руликовскаго, какъ мнѣніе лица авторитетнаго, обладающаго громаднымъ запасомъ фактовъ, относящихся къ исторіи южно-русскаго края.—*Ред.*

[2]) Происхожденіе такого рода двойныхъ фамилій южно-русскихъ дворянъ по нашему мнѣнію объясняется иначе: то что почтенный авторъ считаетъ прозвищемъ,

рѣчивыя два сказанія о происхожденіи Тетеры (т. е. Анонима и Перетятковича) можно было бы примирить слѣдующимъ образомъ: „Полѣсьемъ“ мы привыкли называть мѣстности, лежащія вокругъ Житоміра и Овруча. Также небезъизвѣстно, что на Полѣсьѣ овруцкомъ жили, такъ называемые, „боярове Овруцкіе“. Жили они въ селахъ, отъ которыхъ получали и свои фамиліи; такъ напр., жившіе въ селѣ Васьковичи—носили фамиліи Васьковскихъ, Чоповичи—Чоповскихъ, Ходаковъ—Ходаковскихъ и т. п. И вотъ, въ староствѣ Овруцкомъ имѣлось село „Мошки“—жили въ немъ „Мошковскіе“. Быть можетъ, что гетманъ Тетера, а скорѣе отецъ его, былъ выходцемъ изъ „Мошекъ“ Овруцкихъ, слѣдовательно изъ „Полѣсья“, какъ это утверждаетъ Анонимъ. Но почему гетманъ Тетера писалъ свою фамилію не черезъ „*ш*“ (т. е. Мошковскій), а черезъ „*рж*“ (т. е. Моржковскій)? Могло это произойти отъ того, что Тетера, сдѣлавшись гетманомъ, хотѣлъ уничтожить слѣды происхожденія отъ „бояровъ“ Мошковскихъ изъ Овруча, не признанныхъ еще въ то время дворянами и потому нарочно произвелъ замѣну буквъ въ своей фамиліи. Недоразумѣніе это могло бы быть разъяснено житомірской дворянской коммиссіей. Слѣдовало бы справиться въ ея архивѣ, какой гербъ, въ настоящее время, присвоенъ дворянамъ Мошковскимъ изъ Овруча. Если у нихъ гербъ „Радванъ“ каковымъ пользовался и гетманъ Тетера, то это было бы яснымъ доказатель-

---

по нашему мнѣнію есть настоящее древнее русское фамильное названіе, то-же имя, которое авторъ считаетъ фамиліею, есть позднѣйшая прибавка, заимствованная изъ прилагательной формы, составленной изъ названія помѣстья, принадлежавшаго дворянскому роду; такихъ примѣровъ можно привести десятки и сотни: Сущанскіе-Проскуры, Тышкевичи-Логойскіе, Дедовичи-Трипольскіе, Обухи-Вощатынскіе Ленькевичи-Ипогорскіе и т. д. Всѣ эти дворяне до второй половины XVI в. называются просто Проскуры, Тышкевичи, Дедовичи, Обухи Ленькевичи и т. д. и только впослѣдствіи, послѣ Люблинской уніи, стали сочинять себѣ вторыя фамиліи изъ названій своихъ помѣстій, фамиліи болѣе похожія на фамиліи, вошедшія въ употребленіе у польскихъ дворянъ. Относительно Тетеры мы полагаемъ, что было-бы натяжкою подпись его „*Моржковскій*“ передѣлывать на *Мошковскій* и вслѣдствіе этого искать его предковъ среди бояръ, населявшихъ село Мошки. Намъ кажется гораздо проще предположить, что самъ Павелъ Тетера, послѣ того, какъ оставилъ гетманство и уѣхалъ въ Польшу, прибавилъ себѣ фамилію Моржковскій, составивъ ее на польскій ладъ изъ названія одного изъ пожалованныхъ ему помѣстій. Намъ извѣстны два села, носящія названія *Моржковъ*: одно въ дубенскомъ уѣздѣ волынской губ.,—другое въ соколовскомъ уѣздѣ сѣдлецкой. Полагаемъ, что скорѣе всего послѣднее могло принадлежать Тетерѣ, такъ какъ на сеймѣ 1658 г. ему были пожалованы обширныя имѣнія въ лежащей рядомъ землѣ Берестейской (Акты южной и запад. Рос. т. IV, стр. 215).—*Ред.*

ствомъ, что гетманъ Тетера происходилъ изъ бояровъ Мошковскихъ изъ Овруча, а не отъ польскихъ дворянъ Моржковскихъ, гербъ которыхъ „Слеповронъ".

Идемъ дальше; откуда же Тетера, родившись на „Полѣсьѣ", (какъ этого хочетъ Анонимъ),—очутился онъ самъ или его отецъ въ Переяславлѣ, какъ это утверждаетъ Перетятковичъ? Случилось это, кажется, такимъ образомъ, что шляхта или какъ ихъ звали „боярове" Овручскіе, хлопотавшіе объ утвержденіи ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, вели, въ описываемые времена, процессы съ своими старостами, которые не признавали ихъ дворянами, а „боярами", подлежащими какъ замковому управленію, такъ и обязанными отбывать повинности въ пользу замка. Нечего и говорить, что помянутая шляхта, во что бы то ни стало, желала освободиться отъ замковаго управленія. Процессуальныя дѣла объ этомъ были запутаны и безконечно длились; конецъ этимъ процессамъ окончательно былъ положенъ только во времена короля Понятовскаго признаніемъ помянутыхъ бояръ дворянами [1]).

Такимъ образомъ и отецъ Тетеры могъ имѣть какія нибудь неудовольствія съ мѣстнымъ старостой, вслѣдствіе чего бѣжалъ изъ Мошекъ въ Переяславль и тамъ уже записался въ козаки.

Извѣстно, что въ спискахъ козаковъ, находившихся подъ Зборовомъ, много было Мошковскихъ въ рядахъ войскъ Хмѣльницкаго. Это могли быть большею частью недовольные люди, поссорившіеся

---

[1]) Присутствіе околичныхъ шляхтичей (бывшихъ бояръ Овруцкаго замка). въ козацкихъ рядахъ было явленіемъ далеко не рѣдкимъ и не исключительнымъ. причины ихъ участія въ козацкихъ движеніяхъ, намъ кажется не возможно усматривать исключительно въ ихъ процессѣ съ Овруцкими старостами. Процессъ этотъ тянулся 200 лѣтъ съ лишнимъ, проходилъ различные фазы, но по большей части не выходилъ за границы хроническаго юридическаго спора. Тяготѣніе околичныхъ шляхтичей къ козачеству было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ тождества этнографическаго, національнаго, религіознаго и бытового со всею массою южно-русскаго народа. Въ рядахъ козаковъ Хмѣльницкаго были не одни Мошковскіе; жители всѣхъ боярскихъ овручскихъ селъ зачислились въ составъ овручскаго козацкаго полка и приняли дѣятельное участіе въ войнѣ. Изъ рядовъ ихъ вышли: гетманъ Иванъ Выговскій, полковники: Даніилъ и Константинъ Выговскіе, сотники: Самуилъ и Криштофъ Выговскіе, Григорій Закусило и т. д. Въ рядахъ козаковъ мы встрѣчаемъ представителей почти всѣхъ боярскихъ околицъ какъ во время Хмѣльницкаго, такъ и впослѣдствіи при Паліѣ; въ актахъ упоминаются многочисленные „оказачившіеся": Выговскіе Недашковскіе, Ущаповскіе, Кубылинскіе, Кончаковскіе, Сынгаевскіе, Пашковскіе, Закусилы, Мелешевскіе, Барановскіе и т. д. (См. Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, т. I).—*Ред.*

съ своими старостами и преслѣдуемые послѣдними, вслѣдствіе чего искавшіе убѣжища у козаковъ. Это же самое могъ продѣлать отецъ Тетеры, только немного ранѣе. Все это мои догадки, на которыхъ я не настаиваю, но полагаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ точныхъ данныхъ, невольно приходится ихъ замѣнять гипотезами. Продолжая слѣдить за біографіею Тетеры, мы встрѣчаемъ свѣдѣніе о томъ, что онъ учился въ Минскѣ, гдѣ учителемъ его былъ уніатскій священникъ Яковъ Суша, впослѣдствіи холмскій уніатскій епископъ (Гораневичъ annales eccles: ruth. стр. 348). Анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера „смолоду учился не дурно". Окончивъ ученіе въ Минскѣ, куда же дѣвался ученикъ уніатъ-священника Суши, крестный сынъ Хмѣльницкаго и будущій гетманъ украинскій?

Мы находимъ его въ Мазовшѣ, въ селѣ Пражмовѣ, у пановъ Пражмовскихъ. Самъ Тетера въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „что былъ издавна слугою ихъ семьи".

Какимъ же образомъ онъ попалъ къ Пражмовскимъ? Это новая загадка. Въ прежней Польшѣ большею частью всё дѣлалось через семейныя связи. Не случилось ли такъ, что въ то время, когда Тетера учился въ Минскѣ у свящ. Суши, воеводой минскимъ былъ Гедеонъ Раецкій, близкій родственникъ Пражмовскихъ, не по его ли рекомендаціи былъ онъ принятъ Пражмовскими?

Имѣть на своихъ замкахъ козаковъ было въ обычаѣ польскихъ пановъ; это была, такъ сказать, тогдашняя мода, продолжавшаяся и во время Хмѣльницкаго.

Историкъ Морачевскій говоритъ: „что Хмѣльницкому подробно было извѣстно все, что происходило на совѣтахъ въ Польшѣ, потому что не было пана, при дворѣ котораго не было бы русина... отъ этихъ служилыхъ людей главные агенты козацкіе собирали свѣдѣнія по всей Польшѣ и быстро посылали таковыя на Украину".

Тетера въ Пражмовѣ подружился съ молодымъ Николаемъ Пражмовскимъ, который впослѣдствіи, какъ извѣстно, былъ канцлеромъ и помогъ прежнему слугѣ или домочадцу отца своего утвердиться въ должности гетмана Украины. Еще одинъ фактъ бросающійся въ глаза: анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера въ молодости „много путешествовалъ". Слово „путешествовалъ" на тогдашнемъ польскомъ языкѣ употреблялось только по отношенію къ дальнему и заграничному путешествію. Насколько намъ извѣстно изъ послѣдующаго жизнеописанія Тетеры, онъ только разъ ѣздилъ съ посольствомъ

въ Москву и можетъ быть еще разъ, но это сомнительно, въ Царьградъ; но путешествія эти онъ совершалъ, будучи среднихъ лѣтъ, но не въ „молодости“. Итакъ не ѣздилъ ли онъ въ Римъ, въ качествѣ компаньона съ молодымъ Пражмовскимъ (впослѣдствіи канцлеромъ и примасомъ), который, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Римъ для дополненія своего образованія, гдѣ въ томъ же Римѣ, впервые, встрѣтился и познакомился съ путешествовавшимъ по Италіи Яномъ Казиміромъ (будущимъ королемъ); тогда то будущій король близко познакомился съ Пражмовскимъ, и потомъ въ продолженіи своего царствованія благоволилъ къ нему и, какъ извѣстно, возвелъ его на самую высшую іерархическую ступень.

Тамъ же и Тетера, какъ товарищъ „путешественника“, могъ приглянуться королю; конечно это только возможная догадка.

Изъ „путешествія“ Пражмовскій возвратился до 1648 года; около того же времени находимъ Тетеру въ должности „подписка“ или регента луцкой гродской канцеляріи. Писаремъ въ томъ же гродѣ былъ, впослѣдствіи извѣстный своими дѣяніями, Станиславъ-Казиміръ Бѣневскій; отсюда начались знакомство и дружба Тетеры съ Бѣневскимъ, бывшимъ впослѣдствіи каштеляномъ волынскимъ и очень вліятельнымъ человѣкомъ, содѣйствовавшимъ наравнѣ съ Пражмовскимъ, какъ извѣстно, къ достиженію гетманства Тетерою. Въ Луцкѣ также завязалось повидимому первое знакомство Тетеры съ проживавшимъ тамъ временно Иваномъ Выговскимъ, (тоже будущимъ гетманомъ), на сестрѣ котораго Павелъ Тетера женился. Но вотъ наступили войны Хмѣльницкаго. Козаки сожгли Луцкъ;—въ это время Тетера очутился въ рядахъ войскъ крестнаго своего отца, Богдана Хмѣльницкаго вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ Иваномъ Выговскимъ, который еще въ 1648 г., въ Желтоводской битвѣ, находясь въ рядахъ польскихъ войскъ, былъ взятъ татарами и выкупленъ отъ нихъ Хмѣльницкимъ.

Дальнѣйшее пребываніе Тетеры среди козаковъ, а равно и роль, какую онъ тамъ игралъ, въ достаточной степени ивѣстны исторіи.

Мнѣніе г. Алекс. Яблоновскаго о томъ, что Певелъ Тетера, боярынъ остерскій, упомянутый въ сказкахъ (люстраціи) за 1639 г., былъ впослѣдствіи „несомнѣнно“ гетманомъ, не имѣютъ достаточнаго основанія,—такъ какъ около того же времени (т. е. 1637 г.) ксендзъ Суша, учитель Тетеры, уѣхалъ изъ Минска въ Холмъ, начальникомъ тамошняго училища,—а вѣдь Тетера, послѣ выѣзда ксендза Суши, быть можетъ еще нѣсколько времени продолжалъ

ученіе въ Минскѣ,—но во всякомъ случаѣ также „несомнѣнно", что въ 1639 г. онъ долженъ былъ быть въ Пражмовѣ, въ Мазовшѣ.

И такъ, дѣйствительная фамилія Тетеры была, какъ это мы видѣли, „Моржковскій или Мошковскій"; а „Тетера", было только прозвище (przydomek).

Яковъ Собѣскій повѣствуя о козакахъ говоритъ: „есть между ними (козаками) не мало дворянъ, приговоренныхъ къ лишенію дворянскаго достоинства, которые, забросивъ родовыя названія, принимали простонародныя прозвища" (o wojnie Chocimskey st. 43).

По Костомарову же, „Тетерою" называлась у козаковъ пища, родъ каши.

Въ тогдашней Украинѣ, много людей носило названіе Тетеръ. Кромѣ Терешка и Павла Тетеръ, упоминаемыхъ въ сказкахъ (люстраціяхъ) за 1639 годъ, я встрѣтилъ еще, въ моихъ бумагахъ, относящихся къ г. Остру, Ивана Тетеру боярына Остерскаго подъ 1550 г., который долженъ былъ служить военную службу „о дву конь" и при этомъ былъ обязанъ, наравнѣ съ другими боярами Остерскаго Староства, объѣзжать и досматривать татарскіе шляхи. Въ тѣхъ же моихъ бумагахъ находимъ еще одного Тетеру, который былъ атаманомъ въ селѣ Летковцахъ. Однако, мнѣ кажется, что всѣ эти Тетеры изъ Остра никакой не имѣютъ связи съ родомъ извѣстнаго дѣятеля, гетмана Павла Тетеры-Моржковскаго.

В. А.

Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ [1]).

Въ первыхъ числахъ сентября 1751 г. въ Глуховѣ распространился слухъ, что гетманъ К. Г. Разумовскій выѣзжаетъ отсюда на дняхъ осматривать г. Козелецъ и новую свою резиденцію—г. Батуринъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвердился и оффиціальнымъ извѣстіемъ объ отъѣздѣ гетмана. Скучный городъ на время оживился. По улицамъ Глухова, а особенно возлѣ гетманской квартиры замѣчалось значительное движеніе: конные козаки чаще пріѣзжали за распоряженіями, старшины полковые и сотенные чаще заглядывали въ гетманскіе покои. Въ самомъ гетманскомъ дворѣ шли оживленныя приготовленія къ отъѣзду: въ одномъ мѣстѣ укладывали посуду

---

[1]) Харьковск. Историч. Архивъ, № 22151.

гетмана, въ другомъ десятки рукъ возились съ постелью „ясневельможнаго", для перевозки которой понадобилось 6 лошадей, въ третьемъ—лѣкарь и фельдшеры укладывали походную аптеку, въ четвертомъ—егеря чистили охотничьи принадлежности; словомъ всей дворнѣ гетмана, скучавшей подчасъ отъ бездѣлья, нашлась теперь работа. Суетились въ Глуховѣ, но еще больше суетились въ другихъ городахъ Черниговщины (Кролевцѣ, Батуринѣ, Борзнѣ, Нѣжинѣ, Носовкѣ и Козельцѣ), по которымъ приходилось проѣзжать гетману. Распоряженія генеральной старшины, привезенныя сюда курьерами, заставили встрепенуться и мѣстную старшину и обывателей. Полковники и сотники спѣшили поскорѣе сдѣлать смотръ своимъ командамъ, такъ какъ „при слѣдованіи его ясневельможности надлежало быть стрѣльбѣ (по городамъ) и препровождать гетмана самимъ панамъ сотникамъ съ командами своими и знаменами, а въ Козельцѣ всѣмъ господамъ полковымъ старшинамъ съ полковыми клейнотами надлежало встрѣчу учинить господину гетману съ салютаціей пушечной". Обыватели суетились съ доставкой подводъ; нужно было выставить къ каждому городу—станціи по 116 лошадей: подъ карету его ясневельможности—10, подъ коляску четвероместную—6, подъ постель (гетмана)—6, подъ постель другихъ чиновъ—6, архитектору—4, лѣкарю—4, генеральному писарю—6, канцеляристамъ—7, полковнику Кочубею—3, ординарцамъ—7, фелькнеру—3, подъ фуры—6, подъ фрязскій погребъ—3, подъ серебро—3, подъ кофейную—3, подъ кухню—12, камердинерамъ—4, фельдьегеру—3, подъ охоту—10, егерамъ—2, лакеямъ—6, ихъ помощникамъ—2; да между станціями нужно было выставить по 30 лошадей „въ случаѣ усталости какой", при этомъ требовалась крѣпкая ременная упряжь. Такія требованія значительно затрудняли обывателей; тѣмъ болѣе, что всѣхъ лошадей необходимо было доставить въ теченіе 3-хъ дней. Однако настойчивыя приказанія старшины взяли свое: къ сроку все было приготовлено и „гетманскій поѣздъ", двинувшись 13 сентября съ Глухова по улицамъ, запруженнымъ народомъ, продолжалъ безпрепятственно свое путешествіе; а спустя недѣлю въ скарбовую канцелярію потянулись обыватели получать поверстную плату по копѣйкѣ за лошадь. Не много истратилъ войсковой скарбъ: онъ выдалъ лишь 350 рублей; но и этотъ расходъ былъ чувствителенъ,—конечно, не скарбу войсковому, а мѣстному обывателю.

Николай Бакай.

Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ.

Въ началѣ 1828 года дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Михайловичъ Кочубей, бывшій нѣкоторое время полтавскимъ губернскимъ маршаломъ (1803—5 гг.), подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

„Всемилостивѣйшій Государь! Принадлежавшіе мнѣ крестьяне деревни Кочубеевки Херсонской губерніи въ 1815 году вышли изъ повиновенія отъ невѣжественнаго ихъ мечтанія, якобы они могутъ сдѣлаться свободными, и отъ того, что таковыя внушенія дѣлалъ имъ коллежскій регистраторъ Фурнаевъ, за что и преданъ былъ онъ суду. Съ моей же стороны не было подано крестьянамъ никакой причины къ неповиновенію. Я просилъ Правительство, непокорныхъ изъ нихъ принять, куда оно заблагоразсудитъ, а меня удовлетворить на основаніи законовъ. По положенію Комитета Министровъ, состоявшемуся въ 1821 году, всѣ крестьяне упомянутой деревни Кочубеевки съ ихъ семействами, числомъ мужескаго пола 162 и женскаго 172 души, сосланы въ Сибирь на поселеніе, а мнѣ не сдѣлано никакого удовлетворенія за столь значительную потерю собственности. Претерпѣвъ отъ сего великое растройство въ моемъ ограниченномъ состояніи, я пріемлю смѣлость повергнуть къ Престолу Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее мое прошеніе. Обратите, Всемилостивѣйшій Государь, на оное дѣло Высочайшее Ваше вниманіе и по отеческимъ попеченіямъ Вашимъ о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ повелите оказать мнѣ за упомянутыхъ крестьянъ соотвѣтственное удовлетвореніе по милосердію Вашему. Да возмогу чрезъ таковую Высокомонаршую милость Вашего Императорскаго Величества хотя нѣсколько улучшить разстроенное свое состояніе. Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Семенъ Михайловъ сынъ Кочубей. 10 генваря 1828 г. Жительство имѣю Полтавской губ. и уѣзда въ д. Демидовкѣ“.

Въ концѣ января 1828 г. статстъ-секретарь Лонгиновъ извѣстилъ С. М. Кочубея, что прошеніе его по Высочайшему повелѣнію передано на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ передалъ прошеніе управляющему министерствомъ юстиціи князю Алексѣю Долгорукову съ тѣмъ, чтобы онъ „по соображеніи онаго съ существующими узаконеніями и съ бывшими въ подобныхъ случаяхъ примѣрами представилъ комитету свое заключеніе“.

По распоряженію князя Долгорукова были выянены обстоятельства дѣла. Оказалось слѣдующее:

С. М. Кочубей, получивъ въ 1811 году въ херсонской губ. и уѣздѣ, по Высочайшему повелѣнію, 12,000 десятинъ земли, *перевелъ* туда въ 1812 году *изъ полтавской губ. 250 крестьянъ съ ихъ семействами.* Въ 1815 году Кочубей продалъ это и еще одно полтавское имѣніе съ крестьянами коллежскому совѣтнику Михайлу Кирьяку. Крестьяне скоро вышли изъ повиновенія у новаго владѣльца и, несмотря на всѣ принятыя мѣстными властями мѣры, ничего нельзя было съ ними подѣлать, такъ что Кочубей въ 1817 году принужденъ былъ вернуть въ свое владѣніе оба имѣнія и уплатить Кирьяку полученныя за имѣніе деньги, съ вознагражденіемъ за убытки, всего 367,000 рублей. Послѣ этого крестьяне полтавскаго имѣнія успокоились, а херсонскаго все-таки продолжали волноваться и выражали желаніе попасть въ число казенныхъ крестьянъ. Кочубей обратился къ властямъ съ просьбой принять строгія мѣры къ усмиренію крестьянъ, вслѣдствіе чего *была сослана въ Сибирь на поселеніе цѣлая деревня*, въ количествѣ 162 душъ мужскаго и 172 душъ женскаго пола, *кромѣ одной дѣвки.* Кочубей въ этомъ распоряженіи, несмотря на то, что оно было послѣдствіемъ его просьбы, увидѣлъ нарушеніе своихъ имущественныхъ правъ и нанесеніе убытка, а потому и сталъ просить о выдачѣ ему денежнаго вознагражденія или же зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за тѣхъ изъ сосланныхъ крестьянъ, которые по своему возрасту годятся въ рекруты.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 1 мая 1828 года, выслушавъ составленную на основаніи этихъ данныхъ записку князя Долгорукаго, постановилъ слудующую резолюцію:

„Просьба Кочубея о пожалованіи ему какого-либо вознагражденія за сосланныхъ крестьянъ не можетъ быть удовлетворена; впрочемъ, какъ случай сей есть необыкновенный, ибо крестьяне по заблужденію своему были столь упорны въ неповиновеніи, что правительство принужденнымъ нашлось сослать въ Сибирь на поселеніе цѣлую деревню, кромѣ одной дѣвки, и помѣщимъ Кочубей повидимому безъ всякой съ его стороны вины лишился своей собственности, то въ семъ уваженіи комитетъ полагаетъ просьбу его предать на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе“.

Въ засѣданіи 19 іюня комитету было объявлено, что на просьбу Кочубея послѣдовало слѣдующее собственноручное повелѣніе Государя: „*я не вижу причины уважить просьбу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея.*

Приведенный эпизодъ изъ исторіи крѣпостнаго права, по нашему мнѣнію, въ высшей степени типиченъ: помѣщикъ перевелъ крестьянъ изъ насиженныхъ родныхъ мѣстъ въ пустынныя и не всегда удобныя херсонскія степи, крестьяне взволновались, по просьбѣ помѣщика власти приняли участіе въ ихъ усмиреніи и принуждены были прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ, и послѣ этого помѣщикъ еще проситъ о вознагражденіи за понесенные чрезъ ссылку крестьянъ убытки. Глубокое чувство справедливости подсказало благородному Императору Николаю I истинное рѣшеніе.

Н. Стороженко.

Изъ быта крѣпостнаго времени.

Въ мало изслѣдованной еще эпохѣ крѣпостнаго быта есть уголокъ, сообщенія о которомъ могли бы представить значительный интересъ, рисуя съ одной стороны помѣщичій нравъ и произволъ въ его утонченныхъ видахъ, съ другой—изображая положеніе людей изъ народа въ условіяхъ совершенно исключительныхъ. Мы говоримъ о крѣпостныхъ помѣщичьихъ хорахъ, музыкантскихъ оркестрахъ, театральныхъ труппахъ и т. п. Въ литературѣ попадались уже свѣдѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ такого рода, но невѣроятный теперь, бытъ подневольныхъ артистовъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго наблюденія. Извѣстное значеніе могутъ представлять и нотныя партитуры, бывшія въ употребленіи крѣпостныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ: въ нихъ попадаются пѣсни, неизвѣстныя собирателямъ, и сохранена музыка многихъ извѣстныхъ, по большей части, впрочемъ, слабо переданная.

Намъ доставлена г. А. Залѣсскимъ коротенькая справка о явленіяхъ этого рода въ одной мѣстности полтавской губерніи.

„Въ пирятинскомъ уѣздѣ, въ 30-хъ годахъ, пишетъ онъ, существовалъ оркестръ Марковича, пользовавшійся извѣстностью въ околодкѣ. Оркестръ состоялъ исключительно изъ собственныхъ крестьянъ, употреблявшихся и для другихъ надобностей. Такъ, существуетъ преданіе, что большая каменная церковь въ с. Кулажинцахъ (пирятинскаго уѣзда) была построена музыкантами изъ оркестра Марковича.

Можно думать, что музыкальное образованіе крѣпостныхъ артистовъ было болѣе или менѣе удовлетворительне, судя по тому, что крѣпостные оркестры исполняли пьесы классическихъ авторовъ. Намъ

приходилось видѣть партитуру И. П. Томары, слывшаго въ свое время за большого меломана. Здѣсь встрѣчаются увертюры и аріи изъ оперъ Беллини, Галеви, Доницетти, Меербера, Моцарта и др. Русскихъ композиторовъ нѣтъ.

Что до хоровъ, то они главнымъ образомъ организовались для церковныхъ богослуженій. Хористы, какъ и музыканты, исполняли работы наравнѣ съ остальными крестьянами.

Въ репертуарѣ духовныхъ пьесъ главенствовали: Бортнянскій и Львовъ; народныя пѣсни были также необходимымъ элементомъ прежнихъ барскихъ пирушекъ. Большой хоръ существовалъ (тоже въ 30-хъ годахъ) у извѣстнаго хлѣбосола пирятинскаго Д. П. Селецкаго.

Вотъ перечень пѣсень этого хора. *Малорусскія:* Болыть моя головонька; Дивчино, серденько, здорова була; И сплю и мени снытьця; Симъ день молотыла; Ой за гаемъ, гаемъ; Ихавъ козакъ за Дунай; Ой бида чайци небози; Переходомъ въ чистымъ поли зацвилы волошкы; И шумыть и гуде; Северынъ; Ой выихавъ козакъ да изъ Украины; Ой послала мене маты зеленого жыта жаты; Хожу я по улыци да не нахожуся; Да не люблю ни Стецька не Грыцька; Добрывечоръ дивчино; Самило, пожены козы на стигло. *Великорусскія:* Наши въ полѣ не робѣютъ; Я цыганка молодая; Скажи лапушка моя; Охъ зачѣмъ было огородъ городить; Ахъ, барыня, ахъ сударыня; Чта такъ рано сольнце встало; Господь природы; Сватался на вдовушкѣ. *Польская:* Поѣдемъ на вловы и др.

Преданія крѣпостныхъ увеселеній сохранились, какъ видно, въ полтавской губерніи довольно прочно и до сихъ поръ. Намъ передавали за вѣрное, что въ одномъ изъ уѣздовъ этой губерніи проживаетъ господинъ содержащій домашній балетъ, Кадры артистокъ его пополняются изъ крестьянъ той же деревни, получающихъ плату и господское содержаніе. Выстроены и особыя постройки, какъ для квартиръ артистокъ такъ и для театральныхъ представленій. Въ свободное время помѣщикъ дѣлитъ свои досуги съ импровизированными артистками. Тоже предоставляется и его гостямъ. На „сценѣ“ идутъ небольшіе балеты, вродѣ „Свадьбы въ Ойцовѣ“ и т. п. Всѣ артистки вольнонаемныя. Разница этой безобразной затѣи отъ крѣпостныхъ предпріятій того же рода въ томъ, что свою блажь помѣщикъ оплачиваетъ и вѣроятно не дешево. Но въ „партитурахъ“ его театра едва ли найдется ужь хоть слово достойное вниманія.

А. Залѣсскій.

Картины, рисунки и офорты Шевченка.

Въ двухъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ „Кіевск. Стар." (1886 г. № 2 и 1888 №№ 1—3), отмѣчено мною нѣсколько художественныхъ работъ Шевченка, принадлежащихъ частнымъ лицамъ или находящихся въ печатныхъ изданіяхъ. Я имѣю возможность продлить теперь этотъ списокъ, хотя и въ этомъ видѣ онъ будетъ все же токько началомъ перечня шевченковскихъ рисунковъ и гравюръ. Они разсѣяны по рукамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, попадали случайно къ лицамъ не дававшимъ имъ цѣны, будучи проданы или самимъ поэтомъ или его друзьями, многіе погибли. Печатая эти случайныя замѣтки, проспмъ тѣхъ изъ владѣльцевъ рисунковъ Ш—ка кому попадутся на глаза эти строки сообщать въ редакцію нашего журнала хотя краткія свѣдѣнія о нихъ. Болѣе или менѣе полный перечень живописныхъ трудовъ Ш—ка полезенъ и для біографіи его и какъ пособіе коллекціонерамъ. Работъ Ш—ка масляными красками намъ извѣстно очень мало. Рисунковъ его—сепіей, акварелью и карандашомъ сохранилось, сравнительно, довольно много. Свѣдѣнія о тѣхъ и другихъ дорисовываютъ кругъ духовныхъ интересовъ, наблюденій и вкусовъ поэта, какъ бы раздвигаютъ предъ нами его творческій горизонтъ Офорты Ш—ка и теперь уже очень рѣдки. Современемъ они сдѣлаются конечно еще рѣже и, сообразно съ этимъ, возрастетъ и ихъ стоимость. Работать этимъ способомъ Ш—ко началъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи. Его гравюры интересны уже по этому одному. Но достоинство ихъ признается и лицами спеціально вѣдающими дѣло, граверами и художниками, ставящими ихъ очень высоко, Послѣ первыхъ своихъ опытовъ въ 40-хъ годахъ Ш—ко занимался гравюрой въ послѣдніе три года жизни. Сверхъ шести листовъ „Живописной Украины", мнѣ извѣстно еще четырнадцать офортовъ его, списокъ которыхъ я сообщаю. Едва ли наберется еще нѣсколько неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ, если сохранившіеся картины и рисунки Ш—ка нельзя опредѣлить числомъ, то количество его гравюръ можно установить почти уже близко къ настоящей цифрѣ. Всѣхъ ихъ сдѣлано имъ двадцать или двадцать съ небольшимъ.

Рисунки Ш—ка дѣланы большею частью съ натуры. Это или виды мѣстностей, этюды природы, или бытовыя сценки, фигуры и лица. Малороссійскіе мѣстности и типы наполняютъ альбомы академической поры; отдѣльные рисунки почти всѣ изображаютъ виды

надъ Каспіемъ или въ пустынѣ, киргизскіе типы, сцены изъ жизни ссыльныхъ и казарменныя сцены. Въ своемъ послѣдоватсльномъ ходѣ, всѣ они—наилучшія иллюстраціи къ жизни самого художника, рисующія и людей и природу, косорые окружали его въ разныя годины его жизни. Рисунки-композиціи (кромѣ первыхъ, этнографическихъ и историческихъ), опять таки взяты изъ среды и жизни проходившей передъ гсазами художника. Серія „Блудный сынъ", описаніе которой сообщается ниже, вся наполнена отмѣтками того что видѣлось имъ въ его печальной жизни. Герой этой серіи—глубоко несчастный человѣкъ, безумно увлекавшійся и жестоко наказанный судьбой. Удары судьбы ведутъ эту безпокойную натуру, эту отчаянную голову отъ неистовой оргіи—къ цѣпямъ каторжника и къ ужасной сценѣ наказанья шпицрутснами. Такихъ „несчастныхъ" не разъ видѣлъ поэтъ въ своемъ изгнаніи... Одинъ изъ офортовъ его изображаетъ падшую женщину. Она вернулась домой съ своего промысла и здѣсь, хоть на минуту, она, всѣмъ принадлежащая,—„сама соби господыня въ хати". Такъ и называется эта гравюра, отъ которой вѣетъ глубокой горечью, ѣдкимъ сарказмомъ, какой встрѣчаемъ въ бытовыхъ рисункахъ Гойя и Гаварни.—Нѣтъ надобности говорить о томъ, какимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ было бы воспроизведеніе и изданіе всего этого, помощью одного изъ усовершенствованныхъ новыхъ способовъ, въ формѣ совмѣстнаго собранія. Тогда только опредѣлилась бы физіономія Ш—ка какъ рисовальщика, тогда можно было бы подвести итогъ его прерванной дѣятельности живописца-художника.

Сюжетами офортовъ Ш—ка служатъ или воспроизведенія картинъ великихъ мастеровъ (Рембрандта, Мурильо, Брюллова, Лебедева) или портреты. Изъ жанровъ, кромѣ только что указаннаго, мнѣ извѣстна только копія хорошенькой картины Соколова „Пьяницы". Два портрета изображаютъ художниковъ бар. Клодта и Бруни. Существуетъ еще, кажется, портретъ академика Горностаева; мнѣ не удалось его видѣть. Большая часть портретовъ изображаетъ самого поэта. Это обстоятельство объясняется не тщеславіемъ, а инымъ, весьма далекимъ отъ этого, мотивомъ. На этихъ портретахъ Ш—ко учился своему любимому офорту и, для оригиналовъ, ему незачѣмъ было тратиться на наемъ натуры, когда, по обычаю художниковъ, онъ могъ при посредствѣ зеркала, рисовать себя самого. Портреты эти, при жизни поэта, извѣстны были только небольшому кружку ближайшихъ лицъ, дѣлались въ самомъ ограниченномъ количествѣ

и не продавались. Во всякомъ случаѣ не мы будемъ сѣтовать на то, что по смерти кобзаря осталось нѣсколько изображеній имъ самимъ съ себя писанныхъ.

Списокъ нашъ дѣлимъ на три группы и располагаемъ по возможности хронологически. Намъ извѣстны еще собранья рисунковъ Ш—ка у Л. М. Жемчужникова, В. В. Коховскаго и А. В. Прахова. Усердно просимъ этихъ лицъ не отказать подѣлиться свѣдѣніями о нихъ.

Картины Шевченка масляными красками.

Пасичникъ—рисунокъ на холстѣ, въ формѣ удлиненнаго треугольника. Писанъ до ссылки, кажется въ 1846 г. и оставленъ Ш—комъ въ видѣ визитной карточки одному знакомому въ конотопскомъ уѣздѣ, котораго онъ не засталъ дома. Принадлежитъ А. М. Лазаревскому.

Портретъ г-жи Маевской, 1843 года, съ подписью художника и датой. Принадл. В. Горленку.

Собственный портретъ, круглый. Былъ въ Петербургѣ на академической выставкѣ 1859 или 1860 гг.—Оригиналъ пріобрѣтенъ Вел. Княгин. Еленой Павловной. Повтореніе, работы Ш—ка, принадлежитъ В. М. Лазаревскому, въ Петербургѣ.

Рисунки разными способами.

Сцена изъ „Тараса Бульбы" Гоголя. Рисунокъ сепіей, сдѣланный въ 40-хъ годахъ. Принадлежалъ петербургскому коллекціонеру Н. Д. Быкову. Нынѣ собраніе его распродано.

Итальянка у фонтана. Акварель съ Брюллова. Въ февралѣ нынѣшняго года была въ Петербургѣ на выставкѣ въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, въ академіи художествъ.

Слѣдующіе рисунки, до новой отмѣтки, принадлежатъ В. М. Лазаревскому.

Пять отдѣльныхъ рисунковъ сепіей.

1) Сцена изъ жизни ссыльныхъ. Ш—ко сидитъ за столомъ въ казармѣ и рисуетъ кого то изъ товарищей, который взялъ рисунокъ и разсматриваетъ его. На полу, возлѣ самовара, сидитъ третій и пьетъ чай. На землѣ валяется книжка съ заголовкомъ: G. Sand 1851. На стѣнѣ видна сабля, на землѣ—манерка съ ремнемъ, снятыя послѣ ученія. Ш—ко изображенъ въ бородѣ.

2) Возлѣ малороссійской хаты, подъ стрихою, два скованныхъ между собою человѣка, одинъ въ бородѣ, постарше, другой, русскаго типа, безъ бороды, полуобнаженный. Караульные солдаты расположились по сторонамъ. Одинъ спитъ возлѣ бочки, близъ которой стоитъ чумакъ. Въ сторонѣ видна какая то пляшущая женщина и смутныя очертанія людей, несущихъ „корогву".

3) Внутренность кибитки киргизовъ. Киргизка на ручныхъ жерновахъ мелетъ муку. На первомъ планѣ лежитъ киргизъ и играетъ на балалайкѣ удлиненной формы. Въ отверстіе юрты заглядываетъ корова.

4) Внутри комнаты Ш—ко лежитъ на кровати. Передъ нимъ столъ и родъ чайника причудливой восточной формы. Посреди комнаты, лицомъ къ зрителю, стоитъ

полуобнаженный человѣкъ. Съ этого рисунка были сдѣланы воспроизведенія въ иллюстраціяхъ.

5) Внутренность кибитки. Киргизъ грѣется возлѣ огня. Стоитъ сосудъ для варки кирпичнаго чаю. Киргизка въ малахаѣ сидитъ на полу.

Пять листовъ видовъ (сепіей и акварелью).

a) Полуоткрытый грошъ. Стоитъ пара осѣдланныхъ лошадей. Близъ нихъ, на землѣ сидитъ человѣкъ въ широкополой шляпѣ и рисуетъ. Подписано: Далисменъ-мула-аулье.

b) Соборъ и часть городской площади въ Нижнемъ Новгородѣ. Подписано: Соборъ Благовѣщенія. (См. „Дневникъ" Шевченка въ „Основѣ" 1861 г.—Сентябрь 1858 г.

c) Видъ церкви и площади, тамъ же. Подпись: Архангельскій соборъ. „Дневникъ" 10—12 окт. 1858 г.

d) Берегъ рѣки въ Нижнемъ Новгородѣ, съ барками и фигурами. Подпись: Видъ на Заочье („Дневникъ". 15 окт. 1858 года).

e) Акварельный рисунокъ рѣчнаго побережья съ фигурами.

Похожденія Блуднаго Сына (8 листовъ рисованныхъ сепіей).

1) Сцена игры въ карты близъ стойки шинка.

2) Убійство женщины. Снимаютъ съ убитой крестъ; вдали гротъ съ разбойниками.

3) Сцена въ трактирѣ. Блудный сынъ полуобнаженъ. Нѣсколько фигуръ.

4) Блудный сынъ въ опьяненіи, съ бутылкою въ рукахъ.

5) Блудный сынъ на кладбищѣ, въ рубищѣ.

6) Блудный сынъ, скованный съ другимъ преступникомъ, на привалѣ. Онъ изображенъ полуголымъ. На головѣ бѣлая шапка.

7) Блуднаго сына только что прогнали сквозь строй. Его, полумертваго, одѣваютъ. Цѣпи сняты. Видны ряды солдатъ.

8) Блудный сынъ въ казармѣ, съ колодкой вложенной въ ротъ. Внутренность казармы въ перспективѣ.

В. М. Лазаревскому принадлежатъ еще 2 портрета тушью и бѣлымъ карандашомъ: М. М. Лазаревскаго (1858 г.) и А. А. Лазаревской (1859 г. 9 августа).

У него же находится *Альбомъ рисунковъ* перомъ, сепіей и карандашомъ: виды въ Мошнахъ, Черкасахъ, Межиричьи, Корсуни (хата, бережокъ, деревья) около Канева (низкій берегъ Днѣпра) этюды деревьевъ, два вида съ подписью „въ Лыхвыни" (тульск. губ.) Рисунки перомъ: малороссіянки, идущія съ водой отъ криницы, Мулла передъ раскрытой книгой.

Г. Н. Честоховскому принадлежитъ два рисунка Ш—ка.

— Рисунокъ сепіей для офорта „Сама соби господыня въ хати".

— Калька съ офорта „Малороссіянки у криницы". Въ глубинѣ картинки видны кобзарь съ хлопцемъ, на гравюрѣ отсутствующіе.

Въ статьѣ г. Суханова—Подколзина „Воспоминанье о Ш—кѣ" (Кіевск. Стар. 1885 № 2) указаны слѣдующіе рисунки, принадлежащ. автору статьи:

1) Рисунокъ тушью, изображающій Ш—ка въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка.

2) Портретъ меньшаго брата г. Подколзина, простымъ карандашомъ, помѣченъ 1858 г.

3) Большая сепія. Сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ ведрами у колодца; вдали сидитъ кобзарь.

4) Сепія. Мать, стоящая на колѣняхъ у колыбели ребенка.

— Портретъ ребенка итальянскимъ карандашомъ и бѣлилами. Принадлежитъ А. Ф. Новицкому, въ Кіевѣ.

Офорты Ш—ка по годамъ ихъ исполненія.

1858 г. *Святое Семейство.* Съ картины Мурильо. Дата 1858 г. 16 іюля. Въ экземплярѣ, принадлежащемъ г. Честоховскому, на оборотѣ рукой Ш—ка написано его стихотвореніе „На панщыни пшеныцю жала"...

— Два офорта съ картины Рембрандта „*Притча о виноградѣ*" (1637 г.) одинъ пробный, съ едва намѣченными фигурами, другой болѣе оконченный.

1859. *Лѣсной пейзажъ.* Подпись на лѣво: Лебедевъ 1836 г. На право: Грав. Шевченко 1859. Оригиналъ картины Лебедева, съ котор. сдѣлана гравюра, находится въ музеѣ петербургской академіи художествъ.

— *Пьяницы*, съ картины И. Соколова, принадлежащей П. А. Кочубею. Три малороссіянина у стола въ шинкѣ.

— *Сама соби господыня въ хати.* Подпись на лѣвой сторонѣ. Женщина, раскинувшись, спитъ на кровати. На стѣнѣ виситъ кринолинъ; на столикѣ, у кровати, свѣча и коробка съ пудрой.

1860. Портретъ Ѳед. Ант. Бруни. Подпись на правой сторонѣ, на оборотѣ. Дата также.

— Вирсавія (съ картины Брюллова). На право подпись: Карлъ Брюлловъ 1831 г. На лѣво—Шевченко 1860. Одинъ изъ самыхъ большихъ офортовъ Ш—ка.

— Собственный портретъ въ молодости. Бюстъ, со свѣчей въ рукахъ, въ шарфѣ, безъ бороды и усовъ. Съ портрета сепіей, сдѣланнаго до ссылки.

— Портретъ въ бѣломъ лѣтнемъ пальто. Копія была помѣщена въ „Художественномъ Листкѣ" Тима.

— Портреты въ черномъ сюртукѣ, безъ шапки; первый—чорной манерой (pointillage), второй съ бѣлымъ фономъ, болѣе отдѣланный.

— Портретъ въ шапкѣ и шубѣ. Типъ извѣстный по позднѣйшимъ литографіямъ, сначала въ воспроизведеніи Лемерсье (для перваго выпуска парижскаго изданія „Портретовъ украинскихъ писателей"), потомъ петербургской работы Мюнстера. Онъ же, въ искаженномъ видѣ приложенъ при изданіи „Кобзаря" 1867 г. Направо подпись: Т. Шевченко 1860. Въ срединѣ кружокъ съ монограммой: Т. Ш.

1861. Портретъ барона П. К. Клодта, 1861 г. Дата вышла на оборотъ. Обѣ подписи на правой сторонѣ.

Неизвѣстнаго года. Малороссіянки у криницы. Крестьянки, идущія съ ведрами отъ криницы, изображаютъ портреты г-жъ Кулишъ и Бѣлозерской. Сохранился, кажется, одинъ лишь пробный оттискъ этой гравюры.

Существовали еще мѣдныя доски, съ награвированными на нихъ Шевченкомъ рисунками. Не знаю, были ли сдѣланы оттиски со всѣхъ этихъ досокъ, но ихъ видѣли многія лица въ числѣ вещей, оставшихся послѣ смерти Ш—ка. Доски эти приготовлены были для слѣдующихъ офортовъ:

a) „Ростовщикъ“ (съ карт. Рембрандта).
b) Пейзажъ (съ карт. Мещерскаго).
c) Нищіе на кладбищѣ.
d) Портретъ гр. Ѳ. П. Толстаго.

Кѣмъ куплены эти доски и у кого находятся теперь—мнѣ неизвѣстно.

В. Г.

Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился въ Курскѣ въ 1826 году. Онъ получилъ художественное образованіе въ петербургской Академіи художествъ; академикомъ живописи состоитъ съ 1861 г. [1]). Въ Малороссіи имя К. А. Трутовскаго пользуется почетной извѣстностью, какъ имя художника, во многихъ рисункахъ талантливо воспроизведшаго характерныя явленія южнорусскаго народнаго быта. Къ сожалѣнію, рисунки Трутовскаго разбросаны въ разныхъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ художественныхъ изданіяхъ, и тѣ рисунки, которые наиболѣе извѣстны публикѣ, помѣщенные въ Пчелѣ и Нивѣ, большею частью не принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ художника.

Не претендуя на полноту обзора рисунковъ Трутовскаго, укажемъ здѣсь только нѣсколько выдающихся и притомъ малоизвѣстныхъ его произведеній.

К. А. Трутовскій неоднократно останавливался на Гоголѣ, именно на его разсказахъ изъ малорусскаго народнаго быта. Къ 1872 г. относится его прекрасная картина „*Сорочинская ярмирка*“. Здѣсь на полотно взятъ тотъ моментъ, когда на мостъ взъѣхалъ возъ, на которомъ сидѣла красивая дивчина и ея злая мачиха, и толпа стоявшихъ на мосту парубковъ привѣтствуетъ первую похвалами, а вторую насмѣшками. Въ картинѣ К. А. Трутовскаго всѣ подробности въ высшей степени граціозны, характерны и вѣрно воспроизводятъ малорусскій народный бытъ. У Гоголя эта сцена происходитъ на берегу Псла; на картинѣ Трутовскаго вдали на возвышенности виднѣется городъ со многими церквами. Кто бывалъ въ г. Сумахъ, тотъ легко ихъ припомнитъ, смотря на картину,—такъ много въ ней правды и точности. Лица, положенія и костюмы парубка въ сѣрой свитѣ, дивчины и ея отца въ высшей степени характерны и ти-

---

[1]) *Собко*, 25 лѣтъ рус. искусства. 1882. 34.

пичны для массы украинскихъ дивчатъ, парубковъ и „плохихъ“ т. е. добродушныхъ и слабохарактерныхъ мужиковъ. Чтобы оцѣнить картину Трутовскаго съ точки зрѣнія бытовой ея вѣрности и характерности, нужно сравнить ее съ рисункомъ г. Рѣпина, изображающимъ тотъ же эпизодъ изъ Сорочинской ярмарки Гоголя. Не смотря на то, что г. Рѣпинъ является первостепеннымъ талантомъ, въ данномъ случаѣ онъ остается далеко позади Трутовскаго. На рисункѣ г. Рѣпина хорошо вышли волы и отчасти дивчина; все же прочее представляется крайней утрировкой гоголевскаго разсказа. Мачиха и въ особенности парубки носятъ каррикатурный характеръ, по грубости лица и положеній. Парубки всѣ безобразны, а одинъ изъ нихъ просто уродливъ, что не оправдывается даже разсказомъ Гоголя, гдѣ одинъ изъ парубковъ обрисованъ красивымъ молодцомъ.

К. А. Трутовскій помѣстилъ нѣсколько весьма удачныхъ рисунковъ въ извѣстномъ изданіи Голяшкина „*Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*—Н. Гоголя“ 1874 г. Какъ извѣстно, въ Гоголевскихъ разсказахъ изъ малорусскаго быта много фантастическихъ преувеличеній и романтическихъ прикрасъ. Художнику иллюстратору здѣсь нужно сдерживать свою личную фантазію. К. А. Трутовскій и здѣсь почти вездѣ удержался въ предѣлахъ изящнаго.

Карандашъ К. А. Трутовскаго касался также произведеній другаго выдающагося южно-русскаго писателя Т. Г. Шевченка. Въ „Сѣверномъ Сіяніи“ Генкеля мы находимъ *четыре* весьма любопытныхъ *рисунка Трутовскаго къ „Наймичкѣ“*. Рисунки эти мало извѣстны, и на нихъ нѣтъ указанія въ составленномъ г. Комаровымъ „Библіографическомъ указателѣ матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Шевченка“ [1]). Первый рисунокъ на слова Шевченка: „якъ тополя похилилась молодыця молодая, щось до лоня пригортае, та съ туманомъ розмовляе“. Въ открытомъ полѣ на пригоркѣ сидитъ молодица, грустно склонивъ голову и прижавъ къ груди своего малютку; вдали небольшіе курганы. Другой рисунокъ на слова „та доворитъ... прибѣгаютъ“... Рѣчь идетъ о подкидышѣ. Домохозяинъ и жена его, стоящіе у воротъ и съ изумленіемъ смотрящіе на непрошенаго маленькаго гостя, очень типичны. На лицахъ ихъ, особенно на лицѣ жены, лежитъ печать добродушія и человѣколюбія. Глядя на нихъ, легко угадать, что они примутъ ребенка, какъ роднаго сына. Третій рисунокъ на слова: „и внучатамъ изъ клуночка гостынци выймала,

---

[1]) *Кіевская Старина* 1886. III. 577.

а дидови три свичечки“... самый содержательный и изящный. Наймичка, возвратившись изъ Кіева съ богомолья, раздаетъ подарки подъ хатой на присьбѣ. Тутъ и невѣстка ея, и внучата, и ихъ общій благодѣтель дѣдъ. Всѣ лица, ихъ положеніе и костюмъ вполнѣ украинскіе. Въ особенности хороши дѣдъ, богомолка-наймичка и молодыця. Вообще, этотъ рисунокъ производитъ отрадное, успокоительное впечатлѣніе. На зрителя вѣетъ отъ него чѣмъ то въ высшей степени благодушнымъ и сердечнымъ. На лицѣ богомолки-наймички столько доброты и ласки; на лицѣ ея невѣстки столько любопытства... Четвертый рисунокъ на слова наймички „просты мене, мій сыночку, я... твоя маты“ представляетъ кончину наймички.

Къ числу наилучшихъ въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ рисунковъ Трутовскаго изъ украинскаго быта принадлежитъ *Сцена у креста*. Этотъ малоизвѣстный рисунокъ былъ на академической выставкѣ 1869 г. Снимокъ съ него находится въ Художественномъ Автографѣ, изданномъ петербургской артелью художниковъ. Содержаніе рисунка: на дорогѣ на деревяннномъ столбикѣ въ трехъ-угольной деревянной рамѣ или кіотѣ стоитъ икона. На верху рамы крестикъ, а на одной ея сторонѣ шитый ручникъ. Около креста сидитъ старикъ съ небольшимъ кошелемъ въ рукахъ, куда прохожіе бросаютъ деньги на икону. Передъ иконой двѣ женщины; одна стоитъ, имѣя въ правой рукѣ грабли, въ лѣвой ребенка, сзади на спинѣ дѣтскую колыбель; другая молодая, но уже замужняя, что видно изъ головной повязки, стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ и горячо молится. Около нея лежатъ серпъ и грабли; вблизи на краю дороги виднѣется высокій созрѣвшій хлѣбъ. Женщины—типичныя семьянинки труженицы, и горячая мольба одной изъ нихъ естественно наводитъ зрителя на вопросъ, о чемъ она такъ усиленно молитъ?—Знакъ ли это благодарности за созрѣвшее жито, или тутъ скрыта горькая жалоба на тяжелую семейную долю.

Въ иллюстрированныхъ журналахъ разбросано довольно много рисунковъ Трутовскаго изъ малорусскаго быта, напримѣръ, *Возвращеніе съ праздника* (толпа подвыпившихъ крестьянъ обоего пола съ музыкой и пляской возвращается домой въ зимнее время), *Колядки въ Малороссіи* (дѣти колядуютъ подъ окнами хаты), *Въ бурю* (въ полѣ находитъ гроза и крестьянская семья, убиравшая жито, спѣшитъ домой), *Чумакъ у колодца* (пьетъ воду у дѣвушки изъ ведра) и нѣкоторыя другія. Однимъ изъ характерныхъ въ мѣстномъ этнографическомъ смыслѣ рисунковъ представляется *Подрѣзываніе со-*

товъ на малороссійской пасѣкѣ слѣдующаго содержанія: въ уединенномъ садикѣ не вдалекѣ отъ хаты, покрытой очеретомъ, старый пасѣчникъ присѣлъ къ улью и осторожно залѣпливаетъ круглое отверстіе, или очко, служащее для выхода пчелъ, чтобы потомъ подкуриваніемъ перегнать пчелъ въ другой улей, и вырѣзать медъ. Красивая дивчина, дочка или племянница, стоитъ подлѣ улья, держа на—готовѣ расписную деревянную чашку, что-бы принять душистые круги полныхъ сотовъ. Лица типичныя малорусскія. Старикъ серіозенъ, даже суровъ. Дѣвушка красива. На пасѣкѣ стоитъ на пнѣ въ треугольной деревянной рамѣ образъ Зосимы и Савватія, святыхъ покровителей пчеловодства. Рисунокъ чрезвычайно оригинальный и содержательный. Здѣсь выраженъ и подчеркнутъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ въ трудовой жизни крестьянина, когда самый трудъ озаряется радостнымъ свѣтомъ. „Подрѣзываніе сотовъ“ Трутовскаго помѣщено въ „Пчелѣ“ 1876. № 2. Характерныя малорусскіе особенности картины опредѣляются по сравненію ея съ оригинальнымъ выпуклымъ офортомъ И. И. Шишкина: *Пчельникъ*, бывшимъ на пятой передвижной выставкѣ картинѣ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ той же „Пчелѣ“ 1876 г. № 7. Пчельникъ г. Шишкина имѣетъ своеобразный великорусскій характеръ.

Кромѣ рисунковъ изъ малорусской народной жизни, Трутовскому принадлежитъ еще довольно много рисунковъ съ содержаніемъ, взятымъ изъ семейной жизни мелкопомѣстнаго дворянства, напримѣръ, *Пріѣздъ гостей, Земское собраніе, Дѣтская, Поминки, Любители* (три старичка разсматриваютъ картинки съ нагими женщинами), *Имянины* (дѣти поютъ отцу поздравительный стихъ), *Отцы* (толстяки помѣщики смотрятъ на домашней вечеринкѣ, какъ танцуютъ ихъ молоденькія дочки) и др. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ напоминаютъ слободско-украинское дворянство прошлаго и начала текущаго столѣтія, какъ оно изображено въ разсказахъ Г. Ѳ. Квитки на русскомъ языкѣ.

К. А. Трутовскій настойчиво разрабатываетъ излюбленныя темы изъ украинскаго народнаго быта. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ трудится надъ воспроизведеніемъ разныхъ сторонъ этого быта на полотнѣ, съ неослабнымъ интересомъ къ южнорусскому народу, къ его семейной и общественной жизни. На послѣдней академической выставкѣ, еще не выѣзжавшей изъ Петербурга, есть картина К. А.

Трутовскаго „Праздничная бесѣда“ съ содержаніемъ изъ малорусскаго быта,—новое доказательство старыхъ симпатій художника къ южнорусскому народному быту.

Н. С.

Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской духовной семинаріи.

Харьковскій коллегіумъ, нынѣ духовная семинарія, возникъ въ 1726 году, и тогда же въ его библіотеку вошло много старопечатныхъ книгъ по богословію, философіи и церковной исторіи. Въ составъ библіотеки коллегіума вошла часть библіотеки Стефана Яворскаго, заключавшая много весьма рѣдкихъ книгъ церковно-славянской и польской печати семнадцатаго вѣка. Въ составленномъ въ 1866 г. каталогѣ однихъ латинскихъ книгъ значится 1707 названій. Въ рукописномъ каталогѣ библіотеки мы насчитали 169 книгъ шестнадцатаго и 678 книгъ семнадцатаго вѣковъ.

Пробѣгая каталогъ мы находимъ здѣсь Словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды въ 2 изданіяхъ, Лиѳосъ Петра Могилы, „Okulary“ Кассьяна Саковича, „Kalendarz prawdziwy“ Яна Дубовича „Іерахію“ и „Голіафъ“ Рутки, почти всѣ сочиненія Іоанникія Галятовскаго, нѣсколько сочиненій Лазаря Барановича. Книги находятся въ порядкѣ. На многихъ книгахъ есть помѣтка о принадлежности ихъ Стефану Яворскому причемъ видно, что Стефанъ Яворскій нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣлъ еще будучи іеромонахомъ.

Въ семинарской библіотекѣ находится большая часть тѣхъ сочиненій, на которыя ссылаются южнорусскіе ученые XVII вѣка, какъ на пособіе, напримѣръ, сочиненіе Корнелія и Ляпиде—комментаріи на Ветхій и Новый Завѣтъ, Іоанна Картагенскаго—Homiliae catholicae libri XIV 1618 г., Кальвина—Institutio christ. religionis женевскаго изданія 1590 г., тридцать томовъ Исторіи Польши Кромера 1589 года, Colloquia familiaria Эразма Ротердамкаго базельскаго изданія *1525* года, Ennarationes Ѳомы Аквинскаго парижскаго изданія *1540* г., Summa totius Theologiae Ѳомы Аквинскаго въ трехъ изданіяхъ 1570, 1604 и 1624 годовъ, сочиненія Беллярмина противъ еретиковъ 1608 г. и о псалмахъ 1611 г., De purgatorio igne Петра Аркудія 1637 г., Compendium Theologiae veritatis Альберта Великаго изданія 1649 г., Opera omnia theologica Гуго Гроція амстер-

дамскаго изданія 1679 г., 23 тома Corpus Historiae bizantinae Филиппа Лаббе парижскаго изданія 1648 г., Meditationes de prima philosophia Декарта амстердамскаго изданія 1642 г. въ 2 экз., полныя собранія сочиненій Раймунда Люлія 1651 г., Гассенди 1658 г., Бэкона 1665 г., Theatrum historicum Стратемана 1681 г., Всеобщая географія Бернгарда Варенія Ис. Ньютона 1681 г.

Кто возьметъ на себя трудъ обозрѣть харьковскія изданія, тотъ въ семинарской библіотекѣ найдетъ подходящій матеріалъ. Такъ, здѣсь находится любопытный сборникъ рѣчей,, сказанныхъ при погребеніи перваго ректора харьковскаго университета Рижскаго, сочиненія горемычнаго профессора Шада Institutiones philosophie universae 1812 г., и De viris illustribus urbis Romae 1815 г., и сочиненія многихъ другихъ старинныхъ харьковскихъ писателей.

Н. Сумцовъ.

Для справокъ.

Замѣтка объ указателѣ къ лѣтописи по Ипатскому списку.

Давно занимаясь Ипатской лѣтописью, я не могъ не убѣдиться, что приложенный ко второму ея изданію (1872 г.) указатель (составленный г. Труворовымъ) не отличается ни полнотой, ни точностью.

Хорошій указатель къ лѣтописямъ, актамъ и всякимъ вообще историческимъ памятникамъ во 1) вещь вполнѣ необходимая ибо въ значительной степени облегчаетъ ученымъ пользованіе изданнымъ памятникомъ, во 2) далеко не такая легкая и простая вещь, какъ можно бы думать. Составитель указателя не просто переписчикъ,—это долженъ быть ученый, хорошо знакомый съ исторіей времени, къ которому относится памятникъ, человѣкъ умѣющій вчитаться въ самый памятникъ. Не даромъ извѣстный знатокъ архивнаго дѣла П. М. Строевъ такъ высоко цѣнилъ составленный имъ указатель къ исторіи Карамзина и надѣялся даже получить за него премію.

Конечно, мы не можемъ требовать отъ составителя указателя ряда изслѣдованій и объясненій по поводу отмѣченныхъ имъ въ памятникѣ словъ и именъ, но извѣстнаго рода изслѣдовательская, т. ск. негласная работа непремѣнно должна быть имъ произведена, если только указатель претендуетъ на какое-нибудь значеніе. Въ случаяхъ спорныхъ, сомнительныхъ, неясныхъ, лучше оставлять названіе или имя такъ, какъ оно стоитъ въ памятникѣ, но тамъ, гдѣ раскрытіе т. ск. скобокъ

совершенно очевидно, составитель указателя имѣетъ не только право, но даже обязанъ это сдѣлать, иначе въ его указаніяхъ произойдетъ путаница: одно и тоже лице, мѣстность или предметъ появятся подъ различными наименованіями въ разныхъ мѣстахъ указазателя и совершенно затруднятъ пользованіе имъ. Составитель указателя къ Ипат. лѣтописи отнесся къ своей своей задачѣ довольно небрежно, списывая названія подъ рядъ, не вчитываясь въ лѣтопись, не справляясь съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Въ результатѣ—множество ошибокъ и притомъ ошибокъ тѣмъ болѣе странныхъ, что отъ нихъ легко могло спасти составителя одно только внимательное чтеніе текста.

Приведу нѣсколько примѣровъ подобныхъ ошибокъ.

Бастѣева чадь—*дѣти* Берендея Бастія—тутъ составитель указателя превратился въ учителя—и неудачно.

Борисъ, *кн.* Межибожскій—откуда взялъ составитель свѣдѣніе о княжескомъ достоинствѣ Бориса?

Василій, кн. Белзскій Ип. 485—какъ новое лице, происхожденіе котораго неизвѣстно. Стоило только перевернуть страницу, дабы узнать, что это Василько Романовичъ, братъ Даніила—Александръ прия Угровескъ... да Василкови Бѣлзъ (Ип. 483).

Левъ Даніиловичъ (с. Дан. Ром-ча)—509—а здѣсь читаемъ: „в томъ же гонѣше Левъ съ боденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти умертъ... Ясно, что дѣло идетъ *о бояринѣ* или воинѣ Львѣ, такъ какъ Левъ Даніиловичъ тогда еще (1231) вѣроятно и не родился т. к. 1245 онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ участвовать въ сраженіи (Данилъ же и Василко посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити младу сущу.

Кондратъ Сомовитовичъ *кн. литовскій*—никогда имъ не былъ, былъ княземъ польскимъ.

Романъ Даніиловичъ, сынъ кн. Даніила Романовича кн. Галицкій *428, 479, 480, 483, 484, 489, 492, 494*—всѣ эти мѣста относятся къ знаменитому Роману Мстиславичу, дѣду Романа Даніиловича. Ошибка тѣмъ болѣе непростительная что въ періодъ, къ которому относятся указанныя мѣста лѣтописи о Романѣ Даніиловичѣ не могло быть и помину, ибо самому то Даніилу было всего нѣсколько лѣтъ (а 428 Даніила и не существовало на свѣтѣ).

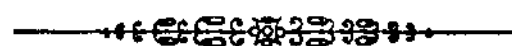
Тугортоканъ—жена *в.* кн. Святополка Изяславича—157 въ указанномъ мѣстѣ—„святопо̂лкъ поя дщерь Тугортоканю, князя Половецкаго, т. е. дочь Тугортокана.

Святая Гора—не *Аѳонъ,* а монастырь подлѣ Владиміра.

Родна, баня, *минер. воды* въ Карп. горахъ; баня не значитъ минеральныя воды, а копи (соляныя или рудники).

Примѣровъ подобныхъ этимъ можно бы привесть множество. Очень жаль. что къ хорошему изданію Ип. лѣтописи приложенъ столь небрежно составленный указатель. Будемъ надѣяться, что при новомъ изданіи этой лѣтописи будетъ обращено болѣе вниманія на указатель, имѣющій для всякаго обширнаго историческаго памятника весьма важное значеніе.,

Д. К.



Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

1. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* (№№ 3—4) 2. *Вѣстникъ Европы* (3—5). 3. *Русская Мысль* (2—4). 4. *Русскій Филологич. Вѣстникъ* (1, т. XIX). 5. *Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества* (1.) 6. *Филологическія Записки* (1). 7. *Русское Богатство* (1—4). 8. *Юридическій Вѣстникъ* (1—4). 9. *Наблюдатель* (3—4). 10. *Новь* (т. т. XIX—XXI). 11. *Сѣверный Вѣстникъ* (3—5). 12. *Пантеонъ Литературы* (1—5). 13. *Русскій Вѣстникъ* (1—4). 14. *Русская Старина* (3—5). 15. *Русскій Архивъ* (1—5). 16. *Журн. Гражд. и Уголовн. Права* (1—4). 17. *Православный Собесѣдникъ* (1—4). 18. *Историческій Вѣстникъ* (3—5). 19. *Странникъ* (1—4). 20. *Экономическій Журналъ* (1—3). 21. *Восходъ* (1—2). 22. *Кіев. Университетскія Извѣстія* (1—4). 23. *Kwartalnik historyczny* (1—2). 24. *Вѣстникъ Народнаго Дома* (64—66). 25. *Русскій Паломникъ* (1—19). 26. *Зоря* (1—9). 27. *Недѣля* (7—17). 28. *Сѣверъ* (1—18). 29. *Нива* (1—16). 30. *Русское Судоходство* (1—15). 31. *Glos*. 32. *Kraj*. 33. *Церковный Вѣстникъ* (1—20). 34. *Кіевлянинъ* (92—105). 35. *Кіевское Слово* (376—391). 36. *Кіев. Епарх. Вѣдомости* (1—14). 37. *Волынь* (37—54). 38. *Волынск. Епарх. Вѣд.* (13—14). 39. *Подольск. Епарх. Вѣд.* (17—19). 40. *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (8—9). 41. *Черниг. Губ. Вѣд.* (33—39). 42. *Харьк. Губ. Вѣд.* (87—124). 43. *Южный Край* (2511—2534). 44. *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (31—36). 45. *Крымъ* (18—25). 46. *Донъ* (45—52). 47. *Донская Рѣчь* (46—52) 48. *Орловскій Вѣстникъ* (52—59). 49. *Смоленскій Вѣстникъ* (41—55). 50. *Червоная Русь* (24—50). 51. *Кубанскія Вѣдомости* (1—16). 52. *Сибирскій Вѣстникъ* (1—45).

1, **Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. № 3 и 4.** *«Паденіе Польши» въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 3 стр. 1—71); продолженіе слѣдуетъ. Начало этой статьи, помѣщенное въ № 1 текущаго года (смотри извѣстіе въ «Кіевск. Стар.» 1888 г. т. XX), познакомило читателей съ мнѣніями объ этомъ вопросѣ польскихъ публицистовъ 18-го вѣка. Теперь является еще двѣ главы, изъ которыхъ первая представляетъ сводъ мнѣній польскихъ историческихъ школъ 19-го вѣка по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой, а вторая—воззрѣнія на этотъ вопросъ западно-европейской публицистики прошлаго вѣка.

Очерки изъ исторіи русской драмы П. О. Морозова (№ 3 стр. 72—117 и № 4 стр. 348—379 продолженіе слѣдуетъ). Въ 5-ой главѣ своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ русскую драму въ новый періодъ ея существованія, когда при Алексѣѣ Михайл. появился театръ иноземнаго происхожденія. Тутъ въ концѣ статьи въ № 3 находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ рѣшенію вопроса, кто былъ переводчикъ «Іудифи», что приписывалось обыкновенно Симеону Полоцкому, но что отвергается авторомъ; въ статьѣ же въ № 4 находимъ краткія извѣстія о Степанѣ Чижинскомъ, Львовскаго повѣту шляхетскомъ сынѣ, стоявшаго въ послѣдній годъ царствованія Алекс. Михайл. во главѣ руководителей комидійнаго дѣла въ Москвѣ.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго (№ 3) (161—197 стр.). Это—окончаніе статьи, начатой въ № 1 журнала. Данныя объ этихъ сношеніяхъ касаются 1680—82 г.г., при чемъ здѣсь сравнительно меньше находимъ свѣдѣній объ отношеніи Малороссіи къ Польшѣ.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова кн. V-я—реценз. К. Бестужева—Рюмина (№ 3) (стр. 198—201); 2) Очерки изъ психологіи славянскаго племени М. Урсина—реценз. И. Филевича, гдѣ между прочимъ говорится о мнимомъ мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3) (стр. 201—207); 3) Poczet rodów w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Adam Boniecki—реценз. П. Н. Петрова (№ 3) (стр. 274—282); 4) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Е. Барсова—реценз. И. Анненскаго (№ 4, стр. 501—512).

Новыя свѣдѣнія о Каффѣ и Крымскихъ татарахъ изъ начала XV вѣка. Александ. Веселовскаго (№ 4) (332—338 стр.). Это есть краткое сообщеніе о книгѣ, изданной Черрути въ Генуѣ по рукописи, написанной около 1421 года Альбертомъ Альфіери, генуезскимъ гражданиномъ, учителемъ латинскаго яз. въ Каффѣ. Содержаніе книги составляютъ разговоры о прошломъ Генуи и сѣверной Италіи, среди чего не мало мѣста удѣлено воспоминаніямъ о Каффѣ и о татарахъ—скиѳахъ.

Замѣтка о Супрасльской рукописи. П. Бобровскаго. (№ 4, 339—347 стр.). Написано по поводу напечатанныхъ В. Ягичемъ двухъ писемъ М. К. Бобровскаго объ этой рукописи (Archiv für slavische philologie, X Band). Приведены въ этой замѣткѣ оба письма въ русскомъ переводѣ. (Въ связи съ этой замѣткой см. статью «Судьба Супрасльской рукописи» П. Бобровскаго въ Ж. М. Н. П. 1887 г. № 10).

2, **Вѣстникъ Европы 1888 г. 3, 4 и 5.** *Среди Крымскихъ татаръ. Ѳ. Воропонова.* (№ 3, стр. 148—179). Статья представляетъ рядъ наблю-

деній во время путешествія автора по Крыму преимущественно надъ экономическимъ положеніемъ сельскаго татарскаго населенія, а также надъ нѣкоторыми частностями его быта.

Русскія сочиненія Шевченка. А. Пыпина. (№ 3, стр. 247—286). Статья написана по поводу книги: «Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченка,» изданной редакц. «Кіевской Старины» въ началѣ текущаго года. Начало ея посвящено уясненію положенія малорусской письменности въ прошломъ и настоящемъ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору содержанія и значенія этихъ русскихъ произведеній Шевченка, находя въ нихъ черты, связывающія ихъ съ малорусской его поэзіей.

Сибирь и изслѣдованія ея. А. Пыпина. (№ 4; стр. 684—724). Въ этой статьѣ находимъ нѣсколько страницъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Григоріи Новицкомъ, малороссіянинѣ по происхожденію и воспитанникѣ Кіево-могилянской академіи, сосланномъ въ началѣ XVIII в. въ Сибирь, гдѣ онъ и составилъ въ 1715 г. «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ».

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Очерки изъ психологіи славянскаго племени. М. Урсина, въ которыхъ затрогивается между прочимъ вопросъ о мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3, стр. 413—419); 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. *П. Владимірова.*

3, **Русская Мысль 1888 г. 2, 3 и 4.** *Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣтій. И. Дитятина.* (№ 4; стр. 48—71). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы автора, нѣсколько страницъ посвящено краткому обзору дѣятельности Малороссійской коммиссіи, учрежденной при Петрѣ II для Свода въ одно цѣлое и перевода на великороссійскій языкъ тѣхъ правъ, которыми судится малороссійскій народъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ т. XV-й. Кролевецкій уѣздъ сотавилъ Петръ Червинскій (№ 2, стр. 82—83); 2) Семейная старина. Г. Данилевскаго. (№ 3, стр. 118); 3) Исторія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Часть 1-я. (№ 3, стр. 125—127); 4) Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ Гадячскомъ и Лубенскомъ (№ 3, стр. 135—136); 4) Kwartalnik Historyczny, organ Towarzystwa historycznego pod redakcya Xawerego Liskego. Lwow. (№ 4, стр. 173—174).

Во внутреннемъ обозрѣніи № 4 затронутъ вопросъ о ходатайствѣ полтавскаго дворянства о предоставленіи ему права учреждать заповѣдныя имѣнія (стр. 186—193).

4, **Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. 1-й (т. XIX).** *Говоръ Пинчуковъ. М. Карпинскаго.* (стр. 45—54). Небольшая замѣтка написана по поводу труда г. Карскаго «Обзоръ звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи,» въ которомъ говоръ Пинчуковъ причисленъ къ бѣлорусскимъ говорамъ. Авторъ замѣтки, на основаніи нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей этого говора, причисляетъ его къ сѣверно-малорусскому нарѣчію.

Южно-русскій Апостолъ XV вѣка. М. Карпинскаго. (стр. 68—73). Эта маленькая замѣтка знакомитъ насъ съ палеографическими особенностями рукописи XV вѣка, доставленной недавно изъ кременецкаго уѣзда (Волын. губ.) въ Археологическій музей при Кіевской духовной Академіи. На основаніи особенностей языка, авторъ замѣтки причисляетъ рукопись къ памятникамъ южной Руси, вѣроятнѣе всего Волынской земли. Въ концѣ приложенъ отрывокъ изъ рукописи для знакомства съ особенностями текста.

Разборъ книги В. Шимановскаго: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ"; съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 года. А. Смирнова (стр. 74—117). Это обширная и обстоятельная критическая статья, указывающая громадное количество промаховъ, допущенныхъ г. Шимановскимъ, какъ при изданіи текста Сборника Святослава, такъ и въ его изслѣдованіи.

Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г.— краткая рецензія А. С. (стр. 118—121). Авторъ рецензіи придаетъ громадное значеніе труду г. Соболевскаго, считая, что эта книга составитъ у насъ эпоху въ ознакомленіи общества съ исторіей русскаго языка, т. к. по достоинству своему она является выше работъ Срезневскаго, Буслаева и Колосова.

Въ библіографическихъ замѣткахъ помѣщена небольшая рецензія на книгу *П. Владимірова:* «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ» (стр. 122—123).

5, **Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. № 1.** *Въ отдѣлѣ библіографическомъ* помѣщенъ разборъ книги *Омеляна Огоновскаго* „Історія литературы рускои". Часть 1-я. Львовъ— рецензія Е. П. (стр. 45—47). Авторъ рецензіи упрекаетъ г. Огоновскаго въ тенденціозности и считаетъ книгу его не отвѣчающей самымъ элементарнымъ требованіямъ, которыя теперь могутъ быть предъявлены къ научному сочиненію.

6, **Филологическія Записки. 1888 г. вып. 1-ый.** *Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. А. Потебни* (продолженіе; стр. 45—60). Въ настоящей 5-ой главѣ уясняется значеніе множественнаго числа при обозначеніи времени, при чемъ дается весьма много примѣровъ изъ современной малорусской рѣчи въ сопоставленіи ея съ памятниками старинной русской письменности.

7, **Русское Богатство. №№ 1—4.** № 2. *М. К. Башкирцева.* Біографико-психологическій этюдъ *Л. Гуревичъ* (стр. 73—122). Возбудившая своими картинами самые восторженные отзывы французовъ и преждевременно сошедшая въ могилу (на 24-мъ году), Марья Константиновна Башкирцева была, какъ извѣстно, уроженка южно-русскаго края: она была дочь полтавскаго предводителя дворянства и родилась въ имѣніи своей матери (урожденной Бабониной) въ харьковской губерніи. На родинѣ своей М. К. Башкирцева провела только дѣтство до 10-ти лѣтняго возраста, а затѣмъ послѣдующіе годы ея жизни и дѣятельности принадлежатъ Франціи, откуда М. К. наѣзжала на родину только изрѣдка, и на короткое время. Въ одной изъ залъ люксембургскаго музея въ Парижѣ, какъ разсказываетъ г-жа Гуревичъ, есть сдѣланная по заказу французскаго правительства статуя скульптора Лонжепье: она изображаетъ молодаго генія, умирающаго у ногъ ангела смерти, который въ рукѣ своей держитъ списокъ великихъ людей, преждевременно сошедшихъ въ могилу, но уже завоевавшихъ себѣ безсмертіе на землѣ; статуя эта такъ и называется—„Безсмертіемъ"; здѣсь, въ этомъ спискѣ, среди восьми французскихъ именъ, стоитъ имя М. К. Башкирцевой. Это показываетъ, на сколько высоко цѣнили во Франціи талантъ Башкирцевой.

Преждевременная смерть М. К. Башкирцевой напоминаетъ намъ преждевременную смерть другой женщины-художницы, также малороссіянки по рожденію: Ольги Антоновны Шишкиной, урожденной Лагода. Хотя отзывы о картинахъ Лагоды-Шишкиной были скромнѣе сравнительно съ отзывами французовъ о картинахъ Башкирцевой, тѣмъ не менѣе многіе находили (таково, напримѣръ, было мнѣніе „Художественнаго Журнала"), что это былъ самый сильный художественный талантъ изъ всѣхъ когда либо писавшихъ картины русскихъ женщинъ-художницъ. Такимъ образомъ, обѣ эти женщины, умершія приблизительно въ одномъ возрастѣ, за свои художественныя произведенія удостоились: одна—въ Россіи, другая—во Франціи признанія ихъ самыми сильными художественными талантами между когда либо существовавшими женщинами-художницами, и обѣ эти женщины были малороссіянки.

8, **Юридическій Вѣстникъ №№ 1—4** (Январь—Апрѣль). 2. Отчетъ о рефератѣ В. Ф. Левицкаго въ московскомъ юридическомъ обществѣ „о чиншевомъ владѣніи" и о преніяхъ по поводу этого реферата.

9, **Наблюдатель №№ 3—4. 3.** О неотчуждаемости крестьянскихъ земель—г. Сазонова.

4. Переселенческая эпопея—Я. В. Абрамова (стр. 26—76).—Авторъ даетъ данныя о первомъ фазисѣ переселенческаго движенія, начинающемся съ появленія мысли о переселеніи и оканчивающемся выходомъ переселенцевъ изъ роднаго села.—Среди данныхъ обѣихъ статей многія относятся и къ южной Россіи.

10, **Новь 1888 г. Т. XIX, XX, XXI.** Въ отдѣлѣ „по Россіи". Виды городовъ и замѣчат. мѣстностей „Харьковъ—видъ съ университетской горки" фот. съ натуры Дасѣкинъ (№ 1). „Гурзуфъ Аю Дагъ" фот. съ нат. (№ 2). „Ялта"—видъ набережной съ гостинницей Россія фот. съ нат. (№ 4). „Малороссы херсонской губерніи" съ фот. Федоровца въ Одессѣ (№ 5). „Одесса—зданіе новаго городскаго театра" рисун. съ нат. (№ 7). „Въ Балаклавской бухтѣ" фот. съ нат. (№ 11).

Въ отдѣлѣ иллюстрацій къ произведеніямъ клас. лит. „Мазепа" картина г. Маркса (№ 7).

Исторія Россіи въ картинахъ русскихъ художниковъ: „Свиданіе Святослава I съ Іоанномъ Цимисхіемъ" карт. Малышева (№ 7). „Обрядъ св. крещенія кн. Ольги" карт. Дмитріева-Оренбургскаго (№ 9).

Деревенскій романъ (изъ хроники южно-русской деревни) И. П. Потапенко (№№ 8, 9, 10, 11, 12). Не оконченъ.

11, **Сѣверный Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—5. 3. 4. 5.** *А. Шабельская.* Три теченія, ром. въ 3 ч.

3. Степь (Исторія одной поѣздки) Антона Чехова. Художественное описаніе нынѣшнихъ южно-русскихъ степей.

Областной отдѣлъ: Странствующіе учителя и подвижныя школы въ курской губерніи—Б. Кислякова (стр. 48—57).

Въ отдѣлѣ новыя книги: Рецензія на книгу пр. Багалѣя. „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства".—Л. В. Ходскаго.

4. Областн. Отд. Ф. Щербина. Крестьянскіе бюджеты—результатъ разработки бюджетныхъ данныхъ крестьянскаго хозяйства по острогожскому у. воронежской губ. по статистическимъ свѣдѣніямъ 1885 г. (стр. 50—77) и нѣкоторыя сообщенія, взятыя изъ мѣстныхъ изданій южной Россіи въ отдѣлѣ „Изъ провинціальной печати".

12, **Пантеонъ Литературы №№ 1—5. 1888 г. 1.** Въ отдѣлѣ Современная Лѣтопись замѣтка библ. о книгахъ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень"—А. Потебни (стр. 20). Ив. Ем. Левицкій Галицко-русская библіографія XIX ст. съ увзгляднеміемъ русскихъ изданій, появившихся въ Буковинѣ и Угорщинѣ (1801—1886) (стр. 26—27) и въ хроникѣ извѣстія о сочиненіяхъ Н. И. Костомарова „Славянская миѳологія" 1847 г., задержанной въ типографіи въ томъ же 1847 г. и „Семейныя пѣсни малорусскаго народа" не появившейся въ печати, и служащей продолженіемъ его статей, помѣщенныхъ въ Бесѣдѣ и Русской Мысли.

2. Въ томъ же отдѣлѣ С. Л. библ. замѣтки о книгахъ: Е. Р. Романова. „Бѣлорусскій Сборникъ Т. I. Губ. Могилевская Вып. 3. Сказки" (стр. 11).

13, **Русскій Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—4. С.-Петербургъ № 1**. *Г. П. Данилевскаго.* Имянины Прабабушки. Разсказъ изъ семейной старины. Бытовая картинка жизни конца XVIII в. Слободской Украины (стр. 47—67).

3. *И. А. Бычковъ. Пріобрѣтеніе Имп. Публ. Библ. Архива В. С. Попова* (въ отд. Сообщенія и извѣстія стр. 348—352) отъ его правнука изъ с. Рѣшетиловки полтав. губ. Архивъ этотъ бывшаго правителя канцеляріи кн. Потемкина и Статсъ Секретаря Импер. Екатерины II заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго неразработаннаго матеріала.

Древности Россійскаго Государства Кіевскій Софійскій Соборъ. Изд. Имп. Русск. Археологич. Общества вып. IV. Рецензія (въ отд. Новости литературы стр. 266—271), съ оцѣнкою трудовъ Проф. Прахова по возстановленію археологическихъ кіевскихъ памятниковъ.

3. 1) *Барсовъ Н.* Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова архіеп. Херсонскаго и Таврическаго. Вып. II. С.-Пб. 1888 г. 2) *Кн. Щербатовъ* Ген.-Фельдм. кн. И. Ѳ. Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Т. I. С.-Пб. 1888 г. Двѣ рецензіи въ отдѣлѣ Новости литературы (стр. 324—330).

4. *Любимовъ А. Н.* Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ). Въ главѣ 6. «Годы общественнаго броженія, предшествовавшіе польскому возстанію 1863 г.» нѣсколько словъ удѣлено и украинофильству того времени (стр. 289—295).

Каптеревъ Н. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. I. Время патріаршества Іосифа М. 1887 г. Рецензія подчеркиваетъ выводъ автора, что патріархъ Іосифъ былъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ какъ онъ первый рѣшился обратиться для книжныхъ исправленій къ грекамъ и кіевлянамъ и онъ первый встрѣтилъ сопротивленіе, а Никонъ продолжалъ борьбу. (Отд. нов. литературы ст. 384—389).

14, **Русская Старина 3—5**. *Николай Васильевичъ Гоголь.* Неизданная его статья «1834 г.» и письма къ гр. Уварову и Демидову. Сообщ. А. А. Титцукъ. Весьма важный матеріалъ для біографіи великаго писателя.

Къ біографіи Н. В. Гоголя Сообщ. Н. В. Быковъ.

Петръ Кононовичъ Меньковъ. Эпизодъ изъ его жизни 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ. Имѣетъ отношеніе къ извѣстной исторіи съ Н. И. Костомаровымъ.

Замѣтки ко дню XXVII годовщины 19 февр. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Редакція заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія о С. И. Зарудномъ и бывшемъ впослѣдствіи черниг. губернаторомъ кн. С. П. Голицынѣ.

4. *А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь.* Сообщ. Шенрокъ.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, основатель и первый президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Николай Ивановичъ Костамаровъ. Къ 3-й годовщинѣ дня его кончины. Сообщ. А. Ѳ. Селивановъ. Къ статьѣ приложены два письма Костомарова, имѣющіе значеніе для Харькова и пожертвованныя авторомъ статьи Харьковскому университету для основанія при немъ Костомаровскаго музея.

По поводу 900-лѣтія крещенія Руси. Письмо Д. И. Иловайскаго къ редактору Рус. Старины.

5. *Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и 1-й полов. XIX в.* Очеркъ В. И. Семевскаго.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біографич. изслѣдованіе. Очеркъ 1-й Н. А. Бѣлозерской.

Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина объ Ив. Ник. Крамскомъ.

Въ библіографическомъ листкѣ отзывы о слѣдующихъ книгахъ: Въ № 5. Письма гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмарш. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому, 1762—1779 г.г. съ портретомъ и факсимиле. Изд. гр. Д. А. Толстой. С.-Пб. 1888 —В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до нач. XVIII в. С.-Пб. 1887 г.—Евреи земледѣльцы 1807—1887 г. В. Н. Никитина С.-Пб. 1887.

15, **Русскій Архивъ 1888 г. 1—5. № 1.** Нѣмецкія письма Екатерины В. къ фонъ-Польману съ объясненіемъ и послѣсловіемъ издателя. Между этими письмами письма 29 апр., 14 марта имѣютъ непосредственное отношеніе къ ю.-р. краю. (стр. 1—16). *Мелочи* Н. К. Загряжская—изъ воспоминаній княжны Репниной.

№ 2. Путешествіе Стольника Петра Андреевича Толстого 1697, съ предисловіемъ Гр. Д. А. Толстого.

№ 4 и 5. Записная книжка гр. Павла Христофоровича Граббе 1828—1855 годы. Въ ней мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни того времени въ кіевской и полтавской губерніи.

№ 5. Встрѣча съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 г. Изъ дѣтск. воспом. кн. Н. В. Репниной.

16, **Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1888 1—4. № 1.** Критика и Библіографія: Рецензія на книгу *Н. Д. Градовскою.*—«Торговыя и другія права евреевъ въ Россіи» С.-Пб. 1886 г. ч. I. (стр. 123—128).

№ 2. Крит. и Библіогр. рецензія на книгу *М. В. Шимановскаго* «Законъ о чиншевикахъ съ приведеніемъ статей, на которыя сдѣланы въ немъ указанія» Од. (стр. 112.) Систематизированный указатель къ журналу Гражд. и Уг. Права за 1887 г. (стр. 1—8).

17, **Православный Собесѣдникъ. Изданіе Казанской духовной академіи 1888. 1—4. № 1.** *Е. Будринъ:* Отношеніе разума къ откровенію по доктринѣ социніанъ (стр. 51—88.).

18, **Историческій Вѣстникъ. 3—5. 3.** 1) «Изъ семейной хроники» Палищева (продолженіе.) 2) «Воспоминанія М. А. Кретчмера» интересны по даннымъ о бытѣ кантонистовъ на югѣ (продолженіе ихъ въ 4 и 5 №.)

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Москва и Лондонъ» —С. Б. Иппо С.-Пб. 1888; 2) «Матерьялы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго» —Н. И. Барсова в. II. С.-Пб. 1888; 3) «Руководство по исторіи и обличенію старообрядскаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ мистическихъ и раціоналистическихъ.» Въ трехъ частяхъ. Составилъ Н. Ивановскій. Казань 1887 г.

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки»: Еще къ вопросу о могилѣ іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ,» —Пушилова.

4. «Изъ семейной хроники», Павлищева.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія»: интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) Викентій Лоурео. Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ 1547, 1578 г.г. и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику римской куріи въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ Архивѣ и изданныя Ѳедоромъ Вержбовскимъ, профессоромъ Варшавскаго Университета. Варшава. 1887 г.

2) «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ.» Изданъ подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. Рисунки К. А. Гезенкампфа. Изданіе комитета грамотности. С.-Пб. 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: 1) «Девятисотлѣтіе крещенія Руси» съ изложеніемъ церемоніала торжества. 2) «Юбилей Ѳеодора Григорьевича Солнцева» —который 1843—1853 г. работалъ въ Кіевѣ надъ возстановленіемъ древнихъ фресокъ въ Софійскомъ соборѣ и Лаврѣ.

5. Бильбасова: «Шлюссельбургская нелѣпа», —интересно по новымъ даннымъ о дѣлѣ Мировича.

А. С. Трачевскій: «Пруссія въ Крымскую войну».

«Карьера Паскевича». Паскевичъ былъ сынъ полтавскаго дворянина.

Въ отдѣлѣ «критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Евреи—земледѣльцы». Историч., законодат. и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. 1807—1887. В. И. Никитина С.-Пб. 1887 г. 2) «Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ государствѣ» Цвѣтаева. Москва. 1887. 3) «Двадцатипятилѣтіе церковно-литературной дѣятельности протоіерея А. Ѳ. Хойнацкого. (7 Октября 1862 г.—1887 г.). Почаевъ. 1887г. 4.) Личность и дѣя-

тельность Симеона Полоцкаго. (По поводу сочиненія о немъ Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: «Древности Винницы».

19, **Странникъ т. I. №№ 1—4.** *Мои воспоминачія объ Иннокентіи*. VII—X. Палимпсестова (стр. 44—58, 266—290, 486—507). Продолженіе и и окончаніе интересныхъ воспоминаній объ архипастырѣ, оставившемъ о себѣ несомнѣнную память въ Кіевѣ и Одессѣ.

Оффиціальныя записки о дарованіи раскольникамъ правъ и свободы въ отправленіи богослуженія. Отзывъ проф. Спб. дух. акад. И. Ѳ. Нильскаго (стр. 59—97, 334—355, 524—553).

Какъ въ простотѣ люди живутъ. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. IV—XV. Прот. И. Г. Наумовича (стр. 115—135, 356—399, 554—572).

Изъ воспоминаній о недавнемъ. Устные разсказы объ архіепископѣ Смарагдѣ Крыжановскомъ (стр. 432—438).

Равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. Ив. Матченка (стр. 663—699).

Обзоръ журналовъ: Перепечатка изъ „Руков. для сельск. пастырей" обращенія къ пастырямъ по случаю 900-лѣтія крещенія Руси. Два анекдота объ одесскихъ архіереяхъ (перепеч. изъ «Сѣвера») стр. 400—407. Перепечатка изъ «Черниг. Епарх. Изв.» воззванія къ жертвователямъ для возобновленія черниг. каѳедр. собора. (стр. 419—422). Двадцатипятилѣтіе святительскаго служенія преосв. Іоанна, бывш. архіеп. полтавскаго (стр. 422—425).

Православяое Свято-Владимірское Братство въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (стр. 619—621).

Одесское Свято-Андреевское Братство въ 1886—87 г. (стран. 621—24).

20, **Экономическій журналъ. №№ 1—3. № 1.** Городъ Харьковъ и его хозяйственная дѣятельность. Извлеченіе изъ отчета городск. управл. за 1886-й г.

2. *А. Исаевъ.* Для чего нужна земская статистика. Упоминается о статистикѣ въ черниговск., херсонской и др. губ.

А. С. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. V. Бѣлостокъ и его районъ.

21, **Восходъ 1888. №№ 1—2.** *Минскій*—«Осада Тульчина» драмма въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ—написана бѣлыми стихами. Сюжетъ заимствованъ изъ временъ Хмѣльницкаго 1648 г. по разсказу заславскаго раввина Натанъ-Нета-бенъ-Мозе, помѣщенному въ его сочиненіи, озаглавленномъ Яванъ-Мезула.

22, **Университетскія Извѣстія. 1888. Кіевъ. № 1—2.** № 1, январь. Записка о состояніи и дѣятельности императорскаго университета св. Владиміра въ 1887 г.

Отчетъ о состояніи кіевскаго центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губ. кіевской, подольской и волынской въ 1887 году.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго общества естествоиспытателей за 1887 г.

Лоначевскій-Петруняка. Техническій контроль по газоснабженію г. Кіева, организованный кіевскимъ городскимъ управленіемъ.

23, **Kwartalnik historyczny**—органъ историческаго львовскаго общества, издается подъ редакціей профессора Ксаверія Лиске (почти исключительно посвящено исторической библіографіи)—Львовъ, 1888. **№ 1.** Помѣщены пространныя рецензіи на слѣдующія историческія сочиненія.

Стасовъ—Славянскій и восточный орнаментъ—рецензія М. Соколовскаго.

Кондаковъ—Histoire de l'art byzantin—его-же.

Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова—его-же.

О. Огоновскій—Исторія литературы русской—І. Третяка.

Nogaj—Rozbiór krytyczny sielanek Bartłomieja Zimorowicza (критическій разборъ «Селянокъ» Б. Зиморовича)—Мазановскаго.

Nehring—Z młodych lat Bohdana Zaleskiego (воспоминанія о молодости Богдана Залескаго)—Б. Чарника.

Архивъ князей Сангушковъ—Квятковскаго.

Akta grodzkie i ziemskie, томъ XII—Бальцера.

Пташицкій—Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики—Прохаски.

Барвинскій—Русская историческая библіотека т. V и VI—А. Левицкаго.

Партицкій—Скандинавщина въ древней Руси—Цѣдицкаго.

Кіевская Старина, 1887, т. XVIII—Гоздавы.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской губерніи, т. III—его-же.

Похилевичъ—Уѣзды кіевскій и радомысльскій—его-же.

Городецкій—Памятники древняго православія въ мазовецкомъ уѣздѣ—его-же.

Петровъ—Кременецкое православное Богоявленское братства—его-же.

Пыпинъ—Бѣлорусская этнографія—его-же

Павлищевъ—Седмицы польскаго мятежа—его-же.

2. *Прохаска*—Переводъ русскаго лѣтописца на латинскій языкъ. Помѣщенъ отрывокъ перевода древнѣйшей литовско-русской лѣтописи (изданной Даниловичемъ и Поповымъ) переводъ найденъ въ книгѣ «Liber legationum», т. III, 1502 г., хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Слѣдовательно текстъ перевода древнѣе обоихъ дошедшихъ до насъ списковъ подлинника. Изданію перевода предпосланъ весьма обстоятельный комментарій и изданный текстъ сличенъ съ текстомъ Длугоша.

Лисевичъ. Новыя матеріалы для біографіи Станислава Хвальчевскаго. Это выборка данныхъ изъ русскихъ археологическихъ изданій, относящихся къ біографіи Хвальчевскаго.

Помѣщены рецензіи на слѣдующіе сочиненія:

Stecki—Radziwiłłowska Ołyka—рецензія Горчака.

Rokossowska—Przyczynek do etnografji ludu ruskiegona Wołyniu (къ этнографіи русскаго народа на Волыни)—И. Франка.

Урсинъ—Очерки изъ психологіи славянскаго племени—его же.

Заклинскій—Географія Руси, часть I—его-же.

Лучаковскій—Антонъ Любичъ Могильницкій, его жизнь и значеніе—его-же.

Андріяшевъ—Очеркъ исторіи волынской земли—И. Линниченка.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси—его-же.

Архивъ юго-западной Россіи, часть VII, т. I—И. А. М.

Кіевская Старина 1887 года, томъ XIX—Гоздавы.

Мельникъ—На Днѣстровскомъ побережьи—И. А. М.

Бобровскій—Судьба Супрасльской рукописи—его-же.

Boniecki—Poczet rodów w W. X. Litewskim (Родословная книга В. К. Литовскаго) Радзиминскаго.

Пузыревскій—Польско-русская война 1831 г.—Лисицкаго.

24, **Вѣстникъ Народного Дома. №№ 64—66. 64, 65, 66.** *О предградіи Галича за рѣкою Днѣстромъ.*

25, **Русскій Паломникъ 1888 г. №№ 1—17. № 1.** *Высокопреосв. архіеп. Θеогностъ, владимірскій.* Краткая біографія и портретъ владыки, бывшаго ректоромъ подольской семинаріи, викаріемъ подольской епархіи и епископомъ подольскимъ.

Святыни Кіева. Рядъ очерковъ по поводу предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. 1-й очеркъ посвященъ церкви Спаса на Берестовѣ. Къ статьѣ приложенъ и видъ храма.

Лѣтопись наукъ и искусствъ. Здѣсь рѣчь идетъ о собираемыхъ имп. академіею художествъ свѣдѣніяхъ о памятникахъ древняго зодчества посредствомъ разосланныхъ по епархіямъ метрикъ съ вопросными пунктами. По 5 октября 1887 г. было разсмотрѣно до 3000 метрикъ съ описаніемъ памятниковъ, поступившихъ изъ разныхъ епархій, въ томъ числѣ: изъ волынской—281 памятн. (съ X в.), кіевск.—157 (съ X в.), курской—90 (съ XVI в.), литовск.—33 (съ X в.). минск.—42 (съ XII в.), могилевск.—37 (съ XII в.), полтавск.—71 (съ XVII в.), таврич.—7 (съ VI, сюда не вошли пещерные храмы), харьковской—22 (съ XVII в.), холмско-варшавск.—39 (съ языч. капища, построеннаго, по преданію, въ легендарное время Щека и потомъ обращеннаго въ христіанск. храмъ), черниговск.—108 (съ XI в.).

2. *Рецензія* на книгу свящ. Н. Лопатинскаго «Поученія для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа».

3. *Почаевская икона Божіей Матери. А. Величкова.* Вкратцѣ разсказана исторія этой святыни и приложено ея изображеніе.

Василій Григоровичъ Барскій. Ѳ. Ч-на. Краткая біографія знаменитаго паломника и нѣсколько словъ объ изданіяхъ его путешествія.

7. *Преосв. Гермогенъ, еписк. псковскій.* Краткая біографія и портретъ преосвященнаго, занимавшаго въ теченіе 3 лѣтъ таврическую каѳедру и издавшаго описаніе таврическ. епархіи (Псковъ. 1887).

Святыни Кіева. Богородицкая Десятинная церковь. Къ статьѣ приложенъ видъ храма, хотя снятый, повидимому, очень давно, такъ какъ построекъ, нарисованныхъ возлѣ храма, теперь уже не существуетъ.

8. *Преосвященный Владиміръ, еписк. алеутскій,* съ портретомъ его. Преосв. Владиміръ родомъ изъ с. Великой Паськовки (Жирковки), полтавской губ. константиноград. у.

9. *Ѳ. Г. Солнцевъ и его художеств. церк.-археологич. дѣятельность.* Проф. Солнцевъ былъ въ 1843 г. командированъ въ Кіевъ для исправленія Успенскаго собора въ Лаврѣ, открылъ фрески и мозаику XI в. въ Софійскомъ соборѣ и трудился надъ возобновленіемъ ихъ до 1853 г., иллюстрировалъ изданія Кіево-Печ. Лавры, рисовалъ кіевск. виды для митр. Филарета, приготовилъ рисунки для серебряной раки и сѣни надъ нею въ церкви св. великомуч. Варвары въ кіевск. Михайл. Златоверхомъ м-рѣ, составилъ проэктъ бронзовой ниши и каменнаго гроба для мощей лѣтоп. Нестора. Къ статьѣ приложенъ портретъ Ѳ. Г. Солнцева.

10 и 12. *Русскія церковныя древности.* Приведены результаты разбора г. Кибальчичемъ матеріаловъ (метрикъ) о памятникахъ древне-русскаго искусства, поступившихъ въ имп. акад. художествъ отъ епархіал. архіереевъ и и губ. стат. комитетовъ. Всѣхъ метрикъ представлено 6114, изъ нихъ 449 безъ отмѣтокъ. Приводимъ число метрикъ, внесенныхъ въ списокъ памятниковъ и не внесенныхъ, поступившихъ изъ западной и южной Россіи:

Епархіи.	Вошедшихъ въ списокъ.	Не вошедшихъ.
волынская	329	96
витебская	9	—
воронежская . . .	31	—
донская	32	91
екатеринославская .	18	61
кіевская	158	29
курская	101	500

литовская	33	—
минская	42	5
могилевская . . .	39	12
полтавская	71	5
таврическая . . .	10	—
харьковская . . .	26	4
холмско-варшавская	49	4
черниговская. . .	113	8

Въ списокъ не вошли: а) нѣсколько пещерныхъ храмовъ Крыма; б) языч. капища, обращенныя въ храмы; в) монастыри (всѣ постройки въ нихъ приняты за единицу); г) приходскія и приписныя къ нимъ церкви. Списокъ этотъ, по мнѣнію составителя, долженъ еще значительно пополниться, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ епархій получено мало матеріаловъ, а изъ нѣкоторыхъ (изъ южныхъ—подольской и херсонской) и вовсе не доставлены. Кромѣ списка памятниковъ (по епархіямъ), предполагается издать еще карту монументальныхъ художественныхъ памятниковъ Россіи съ первыхъ вѣковъ христіанства по 1764 г. (годъ учрежденія акад. худож.). Въ списки вносятся: годъ основанія памятника, имя мастера и всѣ предметы, относящіеся къ искусству даннаго района.

12. *Русская церковная лѣтопись.* Извѣстія о реставраціи церквей: Трехсвятительской въ Кіевѣ, Успенской въ Переяславлѣ и каѳедральнаго собора въ Черниговѣ.

13. *Русская церковная лѣтопись.* Извѣстія: о предполагаемой постройкѣ въ Каменецъ-Подольскѣ церкви св. Александра Нев. въ память 100-лѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи въ 1893 г., о присоединеніи къ православію уніатовъ въ холмско-варш. епарх. и чеховъ въ волынской, о рефератѣ проф. Соболевскаго въ общ. Нестора-Лѣтописца о годѣ крещенія Руси.

14. *Святыни кіевскаго края.* I. Кирилловское урочище.

17. Святыни кіевск. края. II. Межигорскій монастырь.

26. **Зоря** (письмо литературно-наукове, Львовъ), **№№ 1—9**. *Исторія литературы рускои.* Написавъ Омелянъ *Огоновскій.* Періодъ новый III Амвросій *Метлинскій* (№ 1).—IV. Тарасъ *Шевченко* (№№ 2—5).—Продолженіе обширнаго труда, который печатался въ прошломъ году и о началѣ котораго было извѣстіе въ „Кіевской Старинѣ“ (1877, № 2, стр. 345—349). Настоящія главы, посвященныя А. Л. Метлинскому и Т. Г. Шевченко (послѣдняя еще не окончена), заключаютъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о жизни авторовъ и оцѣнку ихъ литературной дѣятельности.

Олена Пчѣлка, Біографична замѣтка (№№ 1 и 3). Краткая автобіографія г-жи Ольги Косачъ, пишущей подъ псевдонимомъ Олены Пчилки (псевдонимъ этотъ раскрывается въ настоящей автобіографія).

Де лъпше? Економични ескизы, написавъ Семенъ *Жукъ* (№№ 3 и 4). Сравнительный очеркъ экономическаго благосостоянія народа въ Галиціи и Украинѣ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала *рецензіи* слѣдующихъ книгъ: 1) *Kleinrussische Volkslieder*. Metrisch übersetzt von Ludwig Adolf Staufe-Simiginowicz». Leipzig, 1888 (№ 1).—2) *Про руско-украïнськi народнi читальнi*, зложивъ М. Павликъ. Науково-библіотекі, кн. II—III (№ 1).—3) *Руска исторична библіотека*, пôдъ ред. Ол. Барвѣньского, т. IX: Богданъ Хмельницкій, Мик. Костомарова (№ 4).

Въ указанныхъ номерахъ «Зори» (1—9) помѣщенъ переводъ на малорусскій языкъ (еще не оконченный) повѣсти И. Левицкаго: «*Старосвѣтскіе батюшки и матушки*», печатавшейся по русски въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г.

6. Замѣтка М. Зубрицкаго о стараніи Мих. Максимовича убѣдить Дениса Зубрицкаго писать по южно-русски и о симпатіяхъ Максимовича къ галицкому письменству.

7. Замѣтка О. Я. Конисскаго объ Анатоліѣ Свидницкомъ.—Небольшая замѣтка о библіографіи Е. Левицкаго.

8. Огоновскій въ своихъ очеркахъ новой малорусской литературы переходитъ отъ Шевченка къ Петренку.

Цурковскій. Къ біографіи Федьковича.

9. *Огоновскаго* Ол. Чужбинскій и Як. Щеголевъ.

27, **«Недѣля» № 7**. «Научныя работы на земскія средства»—изъ дѣятельности херсонскаго земства.

9. «Столѣтняя параллель» (по поводу выхода XV т. Матерьяловъ для оцѣнки земельныхъ угодій черниговской губерніи). Тутъ же въ «Недѣльныхъ замѣткахъ»—о образованіи «Свято-Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волынскомъ».

12. «Великое передвиженіе русскихъ людей»—затрогивается весьма интересный и для насъ вопросъ переселенческій.

14. «Фальшивая статистика»—по поводу неточностей земскихъ отчетовъ о больницахъ и школахъ.

17. «Запущенный городъ»—письмо изъ Харькова.

«Книжки Недѣли». Мартъ.—«Лихіе подарки»—разсказъ Руновой. Сюжетъ взятъ изъ южно-русскаго быта.

Май.—«Умершее сословіе»,—«изъ юношескихъ воспоминаній» Лѣскова. Очеркъ имѣетъ мѣстный кіевскій интересъ по нѣкоторымъ даннымъ о губернаторѣ Фундуклеѣ и др.

28, **Сѣверъ**. Спб. 1888 г. **№ 1—18. № 2**. И. Н. Крамской съ портретомъ (стр. 15—17). Краткая біографія талантливаго живописца, уроженца г. Острогожска, ворон. губ.

3. Титяна, рисупокъ Рѣпина (стр. 13—15).

Масловъ: Изъ разсказовъ старыхъ людей: а) Архипастырское правосудіе, б) Добрый архипастырь,—относятся къ быту южно-русскаго духовенства 1830—50 годовъ (№ 1).

Шалости военныхъ—изъ быта культурныхъ слоевъ той же мѣстности и тѣхъ же годовъ (№ 16).

№ 10. *Надъ бездною.* Этюдъ Вячеслава Потапенко изъ жизни украинскаго села.

14. Тарасъ Бульба оригин. рисун. Р. Ф. Шейна (стр. 5 и 15).

17. В. М. Гаршинъ. Краткій біографическій очеркъ съ портретомъ. (Стр. 16).

29, **Нива**. Спб. 1888 г. **№ 1—16. 1**. Иллюстрація «Домой съ базара» лѣпная работа П. А. Сомонова съ фотогр. грав. Г. Флюгеля (стр. 13 и 20).

4. Иллюстрація «Село Павловка на Днѣпрѣ въ кіев. губ.». Акварель К. Крыжицкаго грав. М. Рашевскій (стр. 100 и 109).

11. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ рис. Гюбнера (стр. 285, 290).

15. Портретъ Гаршина съ его некрологомъ (стр. 394, 396).

16. Церковь въ м. Великой Бураткѣ (полтав. губ.) и могила Княжевича съ фотографіи гр. Рашевскій (стр. 416).

30, **Русское Судоходство № 1—15. № 4**. *Предстоящія работы на рѣкахъ кіевскаго округа.* Въ этой замѣткѣ приводится смѣта расходовъ по исправленію русла рѣкъ Припяти, Днѣпра, Сожа и Десны.

6. *Каналъ отъ Херсона.* Доказывается выгода отъ соединенія каналомъ Херсона съ Джарылгацкимъ заливомъ (на протяженіи около 50 верстъ). Приложенъ чертежъ проэктируемаго авторомъ канала.

Въ статьѣ «Наше судоходство» приводится цѣлый рядъ свѣдѣній изъ мѣстныхъ (кіевскихъ) газетъ, касающихся исторіи урегулированія Днѣпра главнымъ образомъ у Кіева, а также очеркъ судоходства по Днѣстру.

7. *Отъ Ялты до Одессы.* Путевой очеркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткое описаніе и характеристика рейсовыхъ линій по Черному морю.

9. *Добровольный флотъ и Русское общество пароходства и торговли передъ государствомъ М. И. Кази.* Статья эта занимаетъ весь № (70 страницъ). Въ концѣ приложены подробныя таблицы приходовъ и расходовъ по всѣмъ предположеннымъ линіямъ сообщеній добровольнаго флота.

10 *По поводу декабрьской бури въ Азовскомъ морѣ* (бывш. 19 декабря 1887 г.) Гидрографическое изслѣдованіе, основанное на соч. П. Е.

Бѣлявскаго „Донскія гирлы“ и „Что такое Таганрогскій портъ?“ Приводится также извѣстіе о сильной бурѣ, разразившейся въ 1698 г. надъ таганрогскимъ портомъ.

11. *Русское судоходство*. Рядъ извѣстій, касающихся географическаго гигрографическаго и статистическаго описанія портовъ: Николаева, Севастополя, Ялты, Поти, Новороссійска, Батума и торговаго ихъ значенія.

30, **Głos (Голосъ). № 10 и 11**. *Ѳ. Рыльскій* «Изъ исторіи Коліивщины» записки современника Ромуальда Рыльскаго о бѣгствѣ его изъ Умани въ 1768 году (переводъ былъ помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1887 годъ кн. I) Съ предисловіемъ объ историческомъ значеніи этого народнаго движенія.

10. *Адамъ Новицкій*. Рецензія на сочиненіе «Ганка, повѣсть подольская И. С. Вержбицкаго». Г. Вержбицкій издалъ стихотворную повѣсть подъ вышеизложеннымъ заглавіемъ. По словамъ рецензента сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ современнаго быта подольскихъ крестьянъ и отличается совершенно реальнымъ воспроизведеніемъ крестьянской жизни. Рецензентъ при этомъ сообщаетъ весьма мѣткія замѣчанія о развитіи и постепенной перемѣнѣ направленій такъ называемой «украинской» школы въ польской литературѣ.

11. Р. Р. Рецензія на сборникъ «Степъ», вышедшій въ Херсонѣ—очень сочувственный отзывъ о разсказахъ Д. Марковича.

12. *Иванъ Франко*. „Очерки изъ исторіи русской литературы въ Галиціи“ (продолженіе). Оживляющее вліяніе на Галицію возрожденія и новыхъ направленій въ другихъ славянскихъ литературахъ (Дубровскій, Копитаръ, Ганка, Шафарикъ и т. д). Вліяніе новой школы польской литературы (Бродзинскій). Первыя собранія народныхъ южно-русскихъ сборниковъ: Поль (отецъ) и Вацлавъ изъ Олеска (Залевскій). Отголоски харьковскаго литературнаго движенія: Котляревскій, Гоголь (отецъ). Появленіе сборника стихотвореній Падурры. Сочиненія Котляревскаго и Падурры распространяются въ Галиціи въ рукописныхъ копіяхъ. Образованіе среди молодежи литературныхъ кружковъ польскихъ и русскихъ.

№ 18. *Р. Р.* Рецензія драмы Карпенка-Карого «Наймычка». Рецензентъ упрекаетъ автора въ излишней сентиментальности, по его мнѣнію, характеры дѣйствующихъ лицъ неестественны и напоминаютъ ошибъ идиллическихъ писателей французской литературы XVIII ст. Въ драмѣ интересъ дѣйствія раздвоенъ и одинъ сюжетъ слабо связанъ съ другимъ. Замѣчается несамостоятельность творчества и заимствованіе характеровъ и положеній у Шевченка.

31, **Kraj 1888. № 8.** *Обертинъ*—Корреспонденція изъ Черневца—Краткое обозрѣніе состава народонаселенія въ Буковинѣ.

Въ литературномъ прибавленіи къ № 8. (Przegląd literacki Kraju). *Янъ Иљовскій* „Экскурсія въ степь“. Это путевые замѣтки изъ путешествія по кіевской губерніи, въ которыхъ обращено по преимуществу вниманіе на предметы древности, коллекціи археологическія и нумизматическія и библіотеки.

33, **Церковный Вѣстникъ. 1886. №№ 1—20. № 1.** *Положеніе религіозныхъ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ.* Указывается, какъ на отрадный фактъ, на ослабленіе распространенія штунды. Переходя затѣмъ къ фактамъ рѣзко характеризующимъ постоянный антагонизмъ между католическимъ и православнымъ духовенствомъ въ юго-зап. краѣ, авторъ въ то же время приводитъ примѣры, показывающіе, что не всѣ католическіе ксендзы питаютъ традиціонную вражду къ русскому духовенству и что между ними попадаются люди, которые за свою толерантность подвергаются даже гоненію со стороны представителей высшаго катол. духовенства. Далѣе авторъ говоритъ о затруднительномъ положеніи чеховъ-колонистовъ, желающихъ принять православіе, но не могущихъ при богослуженіи употреблять церковно-славянскій языкъ по причинѣ отъ непониманія его.

Святитель Тихонъ Задонскій. Разсказъ объ его житіи и прославленіи. Сост. протоіерей П. Троицкій. Кіевъ 1887. Библіографическая замѣтка.

Корреспонденціи: Изъ ставропольской епархіи. (Объ епархіальномъ съѣздѣ духовенства). Изъ полтавской епархіи. (По поводу увольненія преосвящ. Іоанна).

3. Въ обозрѣніи духовныхъ журналовъ изложено содержаніе статьи г. Малышевскаго „Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ“, помѣщ. въ Тр. Кіев. дух. Ак.

4. Корреспонденція изъ Владиміра-Волынскаго *о новомъ православномъ братствѣ на Волыни.*

Замѣтка о томъ, что с.-петербургское славянское благотворительное общество въ память 900-лѣтія крещенія Руси издаетъ въ сотняхъ тысячъ экз. житіе св. равноапостольнаго кн. Владиміра, составленное пр. Малышевскимъ.

6. Обращаетъ на себя вниманіе статья: *Что способствуетъ подрыву и упадку религіозно-нравственныхъ началъ въ южно-русскомъ народѣ?*

Черниговскій каѳедральный соборъ церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской. Историческая замѣтка.

8. *О штундистахъ и ихъ молитвенныхъ домахъ.* (Корреспонденція изъ Кіева). Очеркъ состоянія штунды въ Кіевѣ и характеристика ея выдающихся дѣятелей: Андреева, Образцова и Сибрина. Мѣры мѣстнаго духовенства и администраціи въ борьбѣ со штундой.

12. Краткое извѣстіе о смерти бывшаго редактора „Кіевской Старины“ Ѳ. Г. Лебединцева.

14. Церковное пѣніе въ народныхъ училищахъ юго западнаго края. Положеніе православія въ нѣкоторыхъ деревняхъ радомысльскаго уѣзда. (Ссылки по этимъ вопросамъ на статьи въ „Гражд.").

16. *Святыни и древности холмскаго края. Составилъ М. П. Г. Съ 21-мъ рисункомъ. Спб. 1888 г.* Библіографическая замѣтка.

18. О духовно-просвѣтительной дѣятельности военнаго духовенства. (Корреспонденція изъ Дубно, волын. губ.).

19. Причины успѣха сектантской пропаганды на югѣ Россіи. (Изложеніе мнѣній по этому вопросу нѣкоторыхъ епархіальныхъ и свѣтскихъ органовъ).

34, **Кіевлянинъ №№ 92—105. 93**. *Состояніе церковно-приходскихъ школъ въ юго западномъ краѣ.*

97. *Некрологъ ген.-ад. графа Ад. Ад. Ржевусскаго*, уроженца кіевской губ.

100. *Некрологъ Н. И. Зибера*, уроженца таврич. губ., бывшаго доцента универс. св. Владиміра по каѳедрѣ политической экономіи.

101. *Интересная археологич. находка.* О вислой свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ и принесенной въ даръ кіев. церковно-археол. музею.

102. *Библіографическая замѣтка.* По поводу соч. Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-русская библіографія XIX ст.".

104. *Изъ раскопокъ въ Аккерманѣ.* О присылкѣ г. Чеменою въ кіев. церк.-археологич. музей глиняной небольшой урны, высотою фута въ 2, глиняной ручки отъ амфоры, съ клеймомъ мастера, нѣсколькихъ бронзовыхъ тессаръ (монета), бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и маленькаго глинянаго свѣтильника.

105. *Мозаики и фрески кіев. Софійскаго собора.* Разсказывается исторія снимковъ въ изданіи имп. русск. археол. общества „Кіево-Софійскій соборъ" и о предположеніи возстановить одну изъ фресокъ, обезображенную при реставраціи ея.

Рядъ замѣтокъ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

35, **Кіевское Слово №№ 376—391. 376**. *Къ празднованію 900-лѣт. крещенія Руси.* Краткая исторія г. Василькова—древняго Васильева.

378. *Золотыя ворота. А—ва.* Краткая исторія Золотыхъ воротъ.

379—380. *Волостное безправіе.* Н. К—аго.

382. Замѣтка о неудачной реставраціи одной изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора.

383. Замѣтка о горѣ Щекавицѣ и Щекавицкомъ кладбищѣ.

Борзенскій уѣздъ (корреспонденція). Рецензія на „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій по кролевецкому уѣзду".

386. *Церковно-археологическая замѣтка. І. Августина.*

О началѣ празднованія въ Кіевѣ дня перенесенія мощей св. Николая Мирликійскаго.

387. *Литературная хроника.* Перепечатанъ изъ разсказа Н. С. Лѣскова, „Умершее сословіе“ (майская книжка „Недѣли“) анекдотъ о бывшемъ кіевскомъ губернаторѣ И. И. Фундуклеѣ и кн. П. И. Трубецкомъ.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ №№ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

36, **Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 1—14. 5.** Сообщеніе духовнаго собора Кіево-Печерской Успенской лавры 27 янв. 1888 г. № 609 въ редакцію Кіев. Еп. Вѣд. для напечатанія письма унтеръ-офицера Ломака объ исцѣленіи его малолѣтней дочери, совершившемся въ Кіево-Печ. лаврѣ (стр. 75—79).

8. Предложеніе Его Высокопреосвященства о сборѣ пожертвованій на устройство Кіево-Межигорскаго монастыря и предполагаемыхъ при немъ учрежденій (стр. 117—119).

9—10. Опредѣленіе святѣйшаго сунода отъ 17 фев. 1888 г. № 375 о празднованіи 900-лѣтія крещенія русскаго народа (стр. 137—141).

37, Волынь №№ 37—54. 51, 53, 54. *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

52. Краткій *некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.*

54. Краткій *некрологъ Н. И. Зибера.*

38, **Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13. 14. 13. 14**. Историкостатистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи: ровенскій уѣздъ: с. Колоденка, с. Кустинъ, с. Коптевичи, с. Милостовъ, с. Новый-Жуковъ, с. Ново-селки, с. Оржевъ, с. Омеляна, с. Пересопница (стр. 491—507). Предметный указатель содержанія неоф. ч. Вол. Епарх. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 127—134).

39, **Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 17—19. 17. 18.** Отчетъ священника Іоанна Мироновича по осмотру херсонскаго свѣчнаго завода оконч. (стр. 251—256).

19. О св. антиминсахъ конца XVII, XVIII и начала XIX столѣтій, представленныхъ изъ разныхъ церквей подольской епархіи и хранящихся при крестовой архіерейской церкви (стр. 423—434). Высокопреосвященный Платонъ митрополитъ кіевск. (стр. 434. 443). Поминки или „проводы“ (переп. изъ „Кіевл.“).

40, **Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 8. 9. № 8.** Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной консисторіи. Прод. (стр. 331—372).

8. Библіографія «Поученія для сельскаго возсоединенаго отъ уніи народа» Лопатинскаго К. 1887 г. (Перепеч. изъ «Рус. Палом.)».

41, **Черниговскія Губернскія Вѣдомости** 1888 г. **№ 33—39. № 33.** Къ исторіи края: «Чорна могила» преданіе о курганѣ, находящемся въ Черниговѣ. Іосифа Ж—аго.

36. Некрологъ члена стародубскаго окруж. суд. Ив. И. Надпорожскаго, заслужившаго своею почтенною дѣятельностью общее уваженіе.

42, **Харьковскія Губ. Вѣд. №№ 87—124. № 92.** Извлеченіе изъ печат. стенограф. отчета о засѣданіи спб. собранія сельскихъ хозяевъ; сообщеніе г. Бильдерлинга о харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ.

98. Сообщеніе въ мѣстной хроникѣ о состоявшемся 9-го апрѣля засѣданіи историко-филологическаго общества, гдѣ членомъ его, учителемъ исторіи Н. Н. Бакаемъ, былъ прочитанъ рефератъ „о колонизаціи Сѣверщины и Полтавщины въ 15 и 16 вв.“, представляющій введеніе къ его работѣ о колонизаціи этихъ мѣстъ въ 17 и 18 вв. Указавъ на незначительность историческихъ данныхъ для взятаго имъ періода, референтъ на основаніи имѣющихся скудныхъ свидѣтельствъ исторіи набросалъ вѣрную картину служилой, монастырской и уходнической колонизаціи лѣвобережной Украины, доведши свой трудъ до начала 17 в. Послѣ сдѣланныхъ нѣсколькихъ поясненій по поводу реферата со стороны Д. И. Багалѣя и Н. О. Куплевасскаго, члены общества приступили къ обсужденію вопроса объ изданіи «Сборника историко-филологическаго общества» и малорос. пѣсенъ и сказокъ Манжуры; но не пришли ни къ какому заключенію за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о расходахъ за печатаніе предполагаемыхъ изданій. Затѣмъ обществомъ были утверждены нѣкоторые мелкіе расходы, касающіеся архива малороссійской коллегіи, состоящаго при историко-филологическомъ обществѣ.

99. Корреспонденція изъ Чугуева о скончавшемся бывшемъ тамъ соборнымъ діакономъ Улановѣ 90 л., отличавшемся въ свое время необыкновеннымъ голосомъ, за который не разъ былъ награжденъ императоромъ Николаемъ I.

104. О памятникѣ В. Н. Каразину. Н. К.

106. О защитѣ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ харьк. унив. М. Е. Халанскимъ магистерской диссертаціи «Великорусскія былины кіевскаго, цикла».

109. Народныя празднества и обычаи въ Свѣтлую недѣлю. «Красное яичко».

112. Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ труда г. Эварницкаго «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

115. Садовые параллели.—Н. Ф. Сумцова.

116. Библіографическая замѣтка Н. К. К. о вышедшей книгѣ «Харьковскій сборникъ», литературное и научное приложеніе къ харьков. календарю на 1888 г., очень цѣнному сборнику, о которомъ мы дадимъ особый отчетъ.

117—20. Некрологъ б. директора 1 харьков. гимназіи Поликарпа Васильевича Тихоновича.

118. «Недѣля Ѳомина» этнографическая замѣтка.

119. «Врачебный калейдоскопъ»; подъ этимъ заглавіемъ помѣщена библіограф. замѣтка о вышедшей въ 1887 г. въ г. Полтавѣ книгѣ «Изъ записокъ Д. А.», въ которой излагаются профессіональныя наблюденія врача, занятаго практикою ежедневно не менѣе 12 часовъ.

124. Чествованіе 50-лѣтней дѣятельности Н. И. Морера, посвященной преимущественно южной Россіи.

43, **Южный Край №№ 2511—2534. № 2520**. *Корреспонденція изъ Полтавы* о раскопкахъ въ открытыхъ тамъ подземныхъ галлереяхъ. Найдено много серебряныхъ и золотыхъ монетъ, шлемъ и кольчуга, желѣзная наковальня и тяжеловѣсный молотъ.

Корреспонденція изъ Василькова. Въ нѣсколькихъ словахъ излагается исторія города.

2525. *Торгово-промышленная жизнь г. Харькова сто лѣтъ тому назадъ*. Очеркъ этотъ составленъ по сочиненіямъ: «Топографическое описаніе харьковск. намѣстничества съ историч. предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ. М. 1878 г.» и Д. И. Багалѣя «Краткій историч. очеркъ торговли въ харьковск. краѣ въ XVII и XVIII ст.» въ «Харьк. сборникѣ».

2526. О празднованіи 600-лѣтняго юбилея Успенскаго свѣнскаго монастыря (въ 3 в. отъ Брянска), основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ. Перепечатка изъ «Рус. Курьера».

2528—30. О диспутѣ г. Гурова, защищавшаго въ харьк. унив. диссертацію «Геологическое описаніе полтавской губ.».

2533. Корреспонденція изъ Кіева о принесенной въ даръ кіев. церк.-археол. музею «вислой» свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ.

44, **Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости** 1888. **№№ 33—36. № 32**. Библіографическая замѣтка о книгахъ— «Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова», уроженца екатериносл. губ. и Бораковскаго «Сборникъ драмат. произвед. на малор. языкѣ».

33. Такая же замѣтка о кн. «Очеркъ коммерческой географіи и хозяйств. статистики Россіи сравнительно съ другими государствами»—Д. Морева.

35. Нѣсколько словъ о задолженности частныхъ владѣльческихъ хозяйствъ—М. Б—въ.

35. Къ исторіи Запорожья (грамота тур. султана къ запорожскимъ козакамъ съ отвѣтомъ отъ запорожцевъ. Титулъ султана) Я. Новицкаго.

36. Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова: городъ Подрядчикъ.

45, **Крымъ 18, 25, 19, 21, 24, 25.** *Какъ мы защищались.* (Народно-бытовой очеркъ)

20. *Корреспонденція изъ с. Веселаго*, мелитопольскаго уѣзда о вырытомъ кладѣ въ 3½ фунта турецкой мелкой серебряной монеты; есть монеты 176 года магомет. эры.

22. *Экскурсія симферопольской мужской гимназіи.*

Народные благодѣтели. Очеркъ изъ народнаго быта.

23. *Библіографическая замѣтка* о книгѣ Д. И. Эварницкаго «Запорожье».

25. *Экскурсія къ пещернымъ городамъ Крыма.* К. Д—на.

46, **«Донъ» № 45—47**. № 46 47. Веселовскій «Колыбель рус. флота» продолженіе).

47, **«Донская Рѣчь» № 46—52.** № 50, 51, 52. «Къ вопросу объ открытіи на Дону ученой архивной коммиссіи».

48, **«Орловскій Вѣстникъ» № 52—59**. № 52. «600-лѣтній юбилей брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря», замѣтка интересна для насъ, ибо Брянскъ вначалѣ былъ удѣльнымъ городомъ черниговско-сѣверской области, а потомъ въ концѣ XIII в. главнымъ ея городомъ. Монастырь основанъ послѣднимъ выдающимся ея княземъ Романомъ Михайловичемъ.

59 и **60**. «600-лѣтіе основанія брянскаго Свѣнскаго монастыря». (1288—1888 гг.). Описаніе (интересное) самаго монастыря и исторія его возникновенія.

49, **«Смоленскій Вѣстникъ» 41—55**. № 51. Замѣтка по поводу 600-лѣтняго юбилея брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря, основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ.

52. *Географическая номенклатура смоленской губерніи.*

50, **«Червоная Русь» № 24—50**. № 24. *О картѣ Австріи и Галичины*, изд. обществомъ Качковскаго.

О старинномъ иконостасѣ въ Свистельникахъ, около Рогатина въ Галиціи.

25, **26** и **27**. *Вопросъ церковныхъ пѣвцевъ.* Объ организаціи церковнаго пѣнія въ Галиціи.

26. *Изъ Угорской Руси.* О мадьяризаціи русской церкви въ Угорщинѣ.

28. *Caveant consules!* Статья по поводу проекта проф. Черновицкаго универс. Смаль-Стоцкаго и Гартнера объ оффиціальномъ введеніи фонетическаго правописанія («кулишовки») въ народныхъ и среднихъ школахъ Галичины и Буковины.

Библіографія. Краткія рецензіи на брошюры Я. Ѳ. Головацкаго: «Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьи» и «Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина».

29. *Москалефильство 100 лѣтъ тому назадъ.—А. Е.* Приведенъ рескриптъ Іосифа II о введеніи въ Буковинѣ метрикъ.

30. *Юбилей крещенія Руси.* Передовая статья о необходимости праздновать юбилей и въ Австріи.

Библіографія. Краткія рецензіи на книги: «Галицко-русская библіографія за 1887 г. составилъ Иванъ Эм. Левицкій», II и III вып. «Русской библіотеки», содержащія 1 ч. «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и «Княжна Галя», изд. общ. Качковскаго.

Некрологъ Мих. Банаха, писавшаго по сел. хозяйству въ изд. общ. Качковскаго.

30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и **37.** *О лингвистично-историческихъ разсужденіяхъ А. С. Петрушевича,* докладъ Вас. Залозецкаго.

34. *Въ которомъ году состоялось крещеніе Руси?* Изложеніе реферата проф. А. И. Соболевскаго въ истор. общ. Нестора-Лѣтописца.

38. *Земля въ Галичинѣ.* Извлеченіе изъ «Статистичныхъ извѣстій о краевыхъ отношеніяхъ».

39. *Некрологъ д-ра Эмилія Чирнянскаго,* проф. химіи въ краков. университетѣ, русина по происхожденію и греко-уніата по вѣроисповѣданію.

40, 41, 45 и **48.** *Звониміра. Картина изъ нашего языческаго быта. Написалъ Вас. Залозецкій.* Дѣйствіе происходитъ въ III в. по Р. Х. на берегахъ р. Черемоша.

42. *Библіографія.* Объ «Исторіи литературы русскои» Эм. Огоновскаго.

43. *Смаль-Стоцкій.* Полемическая статья по поводу проекта о введеніи фонетическаго правописанія въ школахъ.

Библіографія. Рецензія на IV вып. «Галицко-русской библіографіи XIX ст.» Ив. Эм. Левицкаго.

47 и **48.** *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

51, **«Кубанскія областныя вѣдомости». 1888. № 1—16.** *Фелицынъ* «Статистическія свѣдѣнія о бывшемъ Черноморскомъ войскѣ». Сравнительное статистическое описаніе за 1821 и 1887 года 49-ти станицъ, лежащихъ въ ейскомъ, екатеринодарскомъ и кавказскомъ уѣздахъ кубанской области (продолж. впереди).

52, **«Сибирскій Вѣстникъ» № 1—45.** № 30, 38, 41, 45. *На новыхъ мѣстахъ.* Крестьянина-старожила. Очеркъ жизни переселенцевъ. Рѣчь идетъ, между прочимъ, и о переселенцахъ изъ южной Россіи.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Волынь. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1888.

Галаганъ I. Къ торжеству открытія въ Одессѣ училища для слѣпыхъ мальчиковъ. Одесса 1888 г., 8 д., 18 стр.

Г. М. Н. Святыни и древности Холмскаго края. Спб. 1888 г., 8 д., 68 стр.

236-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 3 февр. 1888 г. Одесса 1888 г., 8 д., 8 стр.

Дмитренко. Кумъ-мирошникъ, або сатана у бочци. Украинська шутка-водевиль въ 1-й діи. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Замысловскій Е. Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Өеодора Алексѣевича. Спб. 1888 г., 8 д., 90 стр.

Квачевскій А. Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, съ объясненіемъ статей положенія по ихъ основаніямъ, судебнымъ рѣшеніямъ и дополненіямъ другими законами. Варшава 1888 г., 8 д., 203 стр.

Кондаковъ Н. П. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4 табл. Спб. 1888 г., 8 д., 20 стр.

Малышевскій. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Спб., 4 д.

Маценко В. А. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи, въ 2-хъ частяхъ съ картой уѣзда и съ планомъ города. Ромны 1888 г., 8 д., 238 стр.

Носороговъ В. Харьковскій календарь-альманахъ на 1888 г. Харьковъ 1888 г., 8 д., 151+13 стр. не нум.

Носъ Ст. Д. (врачъ). У всякаго народа своя природа (путешествіе къ родному пепелищу). Черн. 1888. 31 стр.

Описаніе Кіево-Печерской Лавры. 3-е изд. Москва. 1888. 16 д., 60 стр.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго медицинскаго общества за 1888 г., Харьковъ. 1888 г., 8 д., 77 стр.

П. А. Дѣтскій театръ. Гетманъ Мазепа. Москва. 1888 г., 32 д., 8 стр.

По поводу приближенія 1000-лѣтней годовщины успенія святѣйшаго патріарха Фотія. Кіевъ. 1888.

Процессъ о Вишневецкомъ имѣніи по иску графа Плятеръ противъ Толли. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 78 стр.

Рисунокъ: изображеніе Божіей Матери Козельщанской. Одесса.

Русская правда. Текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ А. Б. Гинцбургомъ. Спб. 1888 г., 8 д., 48 стр.

Соболевскій. А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 216 стр.

Соколовъ А. Зиновій-Богданъ Хмельницкій освободитель Малороссіи. Истор. романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1888 г., 8 д., 393 стр.

Токмаковъ И. Историко-статистич. описаніе города Мглина, черн. губ., въ связи съ церковно-археологич. обзоромъ священныхъ достопримѣчательностей этого края со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историч. очерка мѣстечка Почепа. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 119 стр.+1 карт.

Харьковскій Сборникъ подъ ред. чл. секр. В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г., вып. 2.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królestwa Polskego i innych krajów slowiańskich. Wedlug planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 99. T. IX. Варшава. 1888 г., 4 д., съ 161—240.

Эварницкій Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 т. Спб. 1888.

Въ ст. А. В. Романовичъ-Славатинскаго на стр. 245 въ строкѣ 14 сверху вм. „Андреевичъ" слѣдуетъ читать „Алексѣевичъ", а въ строкѣ 15 вм. „Андрея" — „Алексѣя".

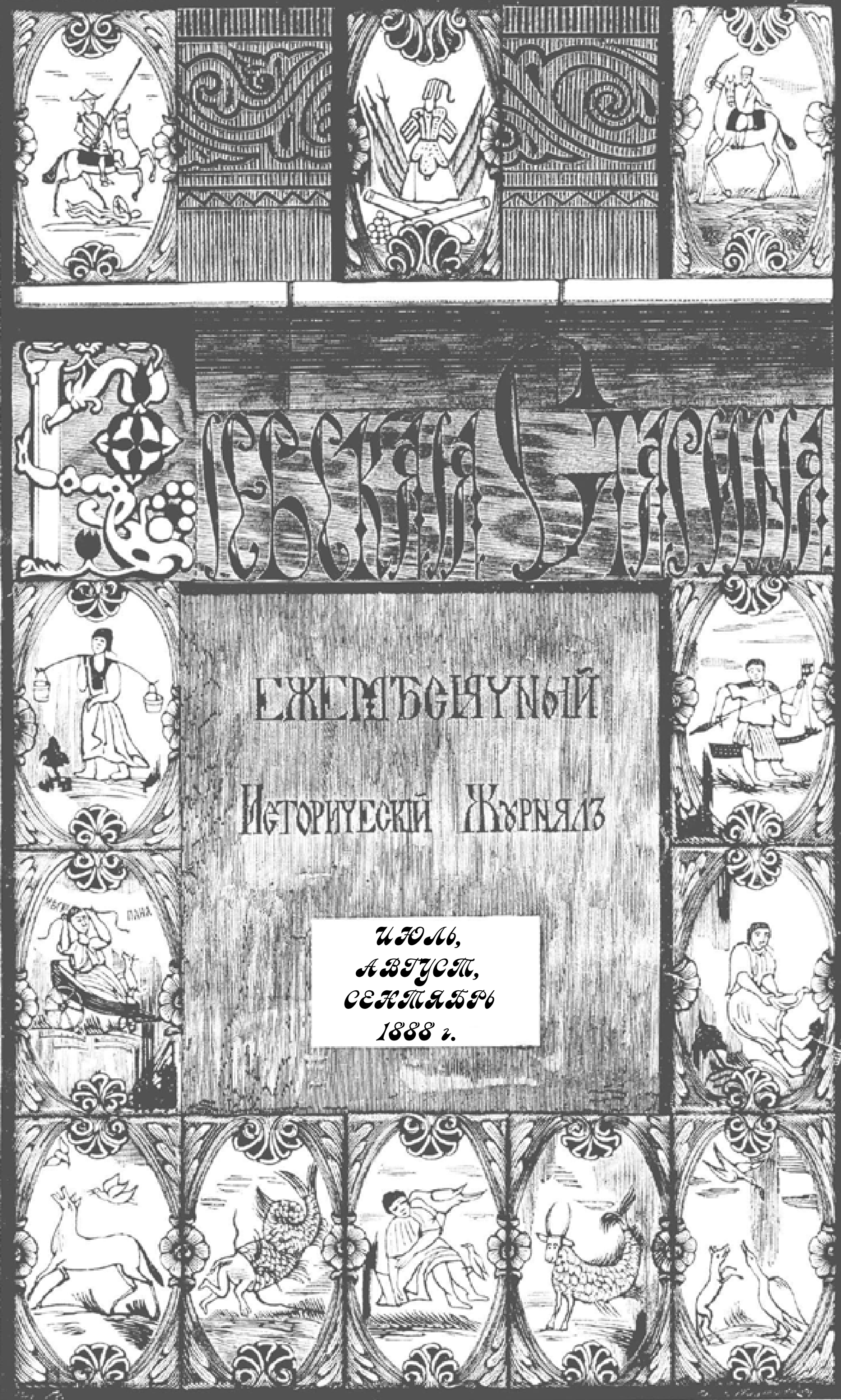
Въ номер. стр. напечатано: 235, 236, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258.

Слѣдуетъ читать: стр. 409, 410, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1888 г.

стр.



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.